

В.В. Семенова

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ:

ВВЕДЕНИЕ В ГУМАНИСТИЧЕСКУЮ СОЦИОЛОГИЮ

А О Б Р О С В Е Т

В. В. СЕМЕНОВА

**КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ:
ВВЕДЕНИЕ В
ГУМАНИСТИЧЕСКУЮ
СОЦИОЛОГИЮ**

Институт Социологии РАН

**Рекомендовано Министерством общего
и среднего профессионального образования Российской
Федерации в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений**

**Москва
Добросвет
1998**

ББК 60.5
С30

Художник Ю. Винецкий

Семенова В. В.

С30 **Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М.: Добросвет, 1998 — 292 стр.**
ISBN 5-7913-0021-2

Книга представляет собой первое в отечественной практике учебное пособие по качественной методологии.

В первых главах формулируются постулаты “понимающей” социологии, ее концепции и модели мира. Сжатое изложение материала позволяет ориентироваться в теоретических понятиях, используемых в этой области, и применять их в практике исследования микропроцессов.

Далее демонстрируются возможные стратегии эмпирического исследования, логика и порядок исследовательских операций при работе с качественными данными, а также методики их анализа.

Учебное пособие содержит богатый информационно-методический блок, который включает словарь основных терминов, используемых в данной области, вопросы и задания в конце каждой главы, а также наиболее полный список литературы по данному направлению. Важным компонентом книги является образец полевого документа (биографическое интервью), которое используется в качестве методического материала при изложении курса, а также как материал для самостоятельной работы.

Книга адресована студентам социологических специальностей и специалистам-практикам.

ББК 60.5

© Добросвет, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
О чем эта книга (7). На кого рассчитана данная книга (9). Что такое качественное исследование (11). Из чего состоит качественное исследование? (12). Почему исследователи обращаются к качественным методам? (13). Какие навыки необходимы для исследователя-качественника? (13). Можно ли сочетать качественный и количественный ме- тоды? (14). Кто проводит качественные исследования? (14). Каковы разновидности качественных методов? (15).	
I. Место в системе социологического знания.....	17
Фокус интереса	18
Модели социального мира (18). Объект исследования: ин- дивиды как исполнители социальных ролей (21). Пред- мет исследования: социальные роли и их исполнение (22). Идеология исследования — гуманистический подход (25). Уровень анализа — микропроцессы (26). Язык исследо- вания (29).	
Исследовательская стратегия	31
Познавательные возможности	38
Каков ракурс интереса? (36). В чем смысл поисковой стра- тегии (39). Какие новые аспекты процесса могут быть изу- чены? (41). Каковы возможности применения качествен- ной стратегии в нашем обществе? (43).	
Вопросы для обсуждения	46
Рекомендуемая литература	46
II. Ключевые понятия, пришедшие из разных теорий	47
Теории социального действия (47). Символический интерак- ционизм (43). Драматургия социального мира (56). Фено- менологическая традиция (59). Типизация социального мира (64). Этнометодология (65). Чикагская школа (71).	
Вопросы для обсуждения	78
Рекомендуемая литература	78

III. Классификация качественных методов	80
Тактики качественного исследования	80
Исследование отдельной общности— кейс-стади (81). Этнографическое исследование (85). Историческое исследование (87). История жизни (91). История семьи (95). Восхождение к теории или grounded theory (96).	
Методы и источники информации	102
Наблюдение (102). Глубинное интервью (103). Метод фокус-группы (107). Анализ личных документов (108). Визуальные документы (112).	
Сферы применения	115
Девиантология (116). Гендерные исследования (117). Социология личности (119). Социология культуры (120). Индустриальная социология (121). Социология политики (121). Социальная мобильность (122).	
Вопросы для обсуждения	123
Рекомендуемая литература	123
IV. Логика действий исследователя	125
В чем отличие логики качественного исследования от количественного? (126). В каких случаях принимают решение о качественном исследовании проблемы? (130). В чем состоит предварительная подготовка к исследованию? (131). Какова последовательность действий? (133). Как ведет себя исследователь в поле? (135). Какова роль социального контекста? (136). Чем заканчивается исследование? (138). Итак, что означает провести качественное исследование? (139).	
Практические задания	140
Рекомендуемая литература	141
V. Реализация замысла в полевых условиях	142
Определение проблемы исследования	142
Выбор проблемы (142). Постановка общего вопроса (143). Подвопросы (146). Формулировка цели (148).	
Полевой этап исследования	150
Выбор конкретных лиц (152). Поиска доступа и установления контакта (155). Обоснование количества случаев (157).	
Позиция исследователя в поле	158
Интервью (163). Наблюдение (166).	
Хранение полевой информации	168

Практические задания	173
Рекомендуемая литература	173
VI. Первичное описание текстовых данных	174
Общие принципы аналитического описания	174
Транскрипт и выбор единицы анализа текста	178
Понятие плотного описания	179
Первичное кодирование	183
Открытое, осевое и выборочное кодирование	188
Проверка надежности данных	190
Триангуляция	192
Практические задания	194
Рекомендуемая литература	195
VII. Анализ данных и концептуализация	196
Категории и субкатегории	196
Метод аналитической индукции	200
Восхождение к теории	205
Способы теоретизирования в качественном исследовании	210
Практические задания	214
Рекомендуемая литература	214
Представление данных в публикации	215
Заключение	219
Словарь основных терминов	221
Литература	231
Приложение: Текст полуструктурированного интервью для самостоятельного анализа	241

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ И РИСУНКОВ:

Рис. 1. Соотношение областей применения качественного и количественного подходов в социологии	32
Схема 1. Различия в стратегиях исследования при качественном и количественном подходах	37
Схема 2. Основные американские публикации 20—30-х годов о качественных исследованиях	74
Схема 3. Содержание и последовательность операций в количественном и качественном исследованиях	129
Схема 4. Перевод теоретических постулатов в практические принципы при организации качественного исследования	134
Рис. 2. Качественный анализ как последовательный процесс	135
Рис. 3. Качественный анализ как циклическая спираль	136
Рис. 4. Общий путь упорядочивания хаотических данных в определенную структуру в процессе первичной классификации	186
Рис. 5. Путь построения концепций на основании эмпирически описанных данных	203
Схема 4. Стадии анализа и интерпретации данных .	213

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Современные тенденции социальной жизни, а также дебаты вокруг них, поставили проблемы культурной дифференциации и культурного выбора в центр исследовательских интересов, что отразилось в повышенном внимании к изучению коллективных культурных норм, образцов поведения и вариативности индивидуального выбора.

Это направление в социологии сконструировало многослойную многомерную модель социального мира, где индивиды являются центральным звеном, а проблемы их индивидуального выбора представляют наибольший интерес.

Глубинное изучение человеческого мира представляется в этом аспекте все более актуальным. Процесс постепенного погружения социологов во все более глубокие слои индивидуальной жизни представляется аналогичным обращению биологов к тайнам микромира.

Обращение к социальному микромиру также требует особых инструментов глубинного анализа, аналогичных микроскопу в биологии, — методов качественного анализа индивидуального.

Растущий интерес к качественным методам объясняется и мнением научной общественности относительно будущего социологии.

Одни утверждают, что наступает эпоха глобализации социальной жизни. Соответственно, считают они, социология должна ориентироваться на глобальные проблемы существования «мировой системы», поскольку соци-

альный мир все больше унифицируется (сторонники глобалистики). Сторонники другой позиции возражают: наступает эпоха локально-этнических противоречий и социология должна концентрироваться на микроанализе социально-культурных процессов и противоречий, исследовании локально-этнических сообществ и меньшинств — т. е. от познания вопросов, связанных с политикой государств, перейти к познанию гражданского общества, культурных особенностей; к пониманию специфики каждодневной социальной практики людей — от макро- к микроанализу социальных явлений.

Последние считают, что будущее социологии связано с гуманизацией социологического знания и ее переориентацией на локальные этнокультурные проблемы.

В российской социологии эта поляризация научного социологического знания на микро- и макросоциологию совпала с рядом дополнительных обстоятельств. Во-первых, вся социология советского периода развивалась как социология макроанализа, основанная только на количественной парадигме, микроанализ понимался как ненаучное отклонение, которым могут заниматься только непрофессионалы. Во-вторых, новая социальная реальность, характеризующаяся распадом одних и появлением других социальных реалий, потребовала их глубинного нетрадиционного изучения новыми социологическими инструментами. Данные больших массовых опросов не позволяли «ухватить» и проанализировать изменяющуюся социальную ткань, так как новое появляется первоначально в форме единичного или отклонений от норм.

Из сказанного становится ясным, что противостояние макро- и микроанализа является характерным как для мировой социологии вообще, так и для отечественной в частности. Это объясняет, почему в последние годы в России все больше социологов обращается к качественным методам исследования.

На кого рассчитана данная книга

Эта книга является первым в России учебным пособием по качественной социологии, основанным как на зарубежном, так и на отечественном опыте.

Она адресована в первую очередь студентам-социологам, желающим понять новые исследовательские подходы в рамках этой дисциплины. Качественные методы применяются и в других социальных и поведенческих науках: социальной психологии, истории, культурной антропологии, и поэтому это учебное пособие может быть использовано студентами и этих специальностей. Книга рассчитана на подготовленных студентов, которые уже ознакомились с основными понятиями общей социологии и классификацией исследовательских стратегий на качественные и количественные методы.

В первых трех главах излагается методология и общие теоретические понятия, необходимые при проведении качественного исследования, общая классификация качественных методов. В целом эти главы описывают поле качественной социологии как отдельной области социологического знания.

Последующие главы (IV—VII) посвящены более практическим проблемам проведения качественного исследования: какова логика действий, как провести полевые работы, чем заканчивается качественное исследование и в какой форме можно подать его результаты.

Занимаясь исследовательской работой, я обнаружила, что социологи-практики, интересующиеся качественными методами, испытывают недостаток знаний по проведению подобных исследований. Для них эти главы также окажут существенную помощь. В них читатель найдет примеры из отечественной практики проведения качественных исследований. Я буду постоянно ссылаться прежде всего на такие крупные практические проекты как «Социальная структура российского села» (под руководством Т. Шанина), «Век социальной мобильности в России» под руководством Д. Берто и В. Семеновой), совместное российско-финское сравнительное исследование о сексуальной жиз-

ни в Финляндии и России (Санкт-Петербург, Центр независимых социологических исследований и финский ГЭ-ЛАП) и «Формирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине» (под руководством В. Воронкова и И. Освальд). Такие примеры из уже имеющегося практического опыта будут даны в тексте мелким шрифтом.

В конце каждой главы читатель найдет вопросы для обсуждения (в теоретических главах) или практические задания (в практических главах), а также список рекомендуемой литературы по обсуждаемым вопросам. Более полный список литературы приводится в конце книги.

В рамках помещены биографические сведения о крупнейших теоретиках, внесших вклад в разработку определенных теоретических концепций в области данной методологии. Более личностное представление о них помогает осознать, насколько сильно взаимовлияние индивидуального и социального в такой области как теоретическое развитие науки.

Особую важность представляют указательные стрелки на полях. Они сообщают о том, что расшифровку и формулировку данного термина или понятия, впервые употребленного на этой странице, читатель может найти в конце книги в Словаре основных терминов.

В конце книги приводится текст интервью с Л. Мионовым. Оно используется как пример анализа текста глубокого интервью. Его можно также использовать для самостоятельной работы, что поможет наглядно освоить основные принципы и техники качественного анализа, описанные в предыдущих главах.

Автор выражает глубокую признательность видным ученым — профессору В. А. Ядову и О. М. Масловой за моральную поддержку в процессе написания учебника и ценные советы при доработке этой рукописи.

Перед тем, как начать серьезный и глубокий разговор о качественной методологии, попробуем в форме вопросов и ответов коротко определить что же такое качественное исследование в самой общей форме. Итак:

Что такое качественное исследование

В исследовательской практике понятие качественно-го исследования трактуется достаточно широко и не всегда однозначно. В данной книге *качественное исследование* будет пониматься как исследование, где данные получены путем наблюдения, интервью, анализа личных документов (текстовых, реже визуальных — фото- и видео-источников). Зачастую это свидетельства, собранные несколькими разными способами. Первичными являются данные о субъективных мнениях людей, выраженные чаще всего пространственными высказываниями, реже — жестами, символами, отражающими их взгляды.

Если в количественном исследовании на вопросы: как часто? как долго? мы получаем достаточно объективный ответ, фиксирующий количество (в единицах счета: много-мало), то в качественном исследовании на вопрос: как вам понравился фильм? мы получаем номинальный ответ, обозначающий *качество отношения* или, другими словами, субъективную ценность, значимость данного предмета для индивида в его собственных словах, исходя из его социального опыта (например, фильм скучный, интересный, любопытный и т. д.).

Такие данные анализируются *не* математически, а путем аналитического раскрытия их субъективного смысла.

Качественное исследование проводится прежде всего для изучения *индивидуального* аспекта социальной практики — реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Но через анализ индивидуального могут исследоваться и более широкие социальные проблемы, касающиеся социальных групп, движений или даже характера функционирования социальных институтов в конкретной социальной ситуации. Дополнительными источниками информации могут служить и количественные данные (например, статистика), но их анализ также будет осуществлен на основе аналитического подхода.

Из чего состоит качественное исследование?

Это прежде всего эмпирические неструктурированные свидетельства, полученные из разнообразных человеческих документов или «документов жизни», как их называют: текстовые записи интервью и наблюдений, личные и официальные документы, фотографии и т. д.

Вторым компонентом качественного исследования являются аналитические и интерпретативные процедуры, используемые для анализа. Они включают в себя разные техники, начиная от описания и комментирования до кодировки и категоризации.

Третьим компонентом является повествовательный отчет. Жанр и стиль такого отчета различается в зависимости от целей исследования и адресата, которому он предназначен: от широкой публики до научного доклада или дискуссии. По своему стилю обычно это живое описание с большим количеством цитат из устной или письменной речи исследуемых. По жанру — интерпретация, размышление, гипотезы или теоретизирование о данном феномене социальной жизни.

То есть качественное исследование как процесс изучения отдельной проблемы предполагает не только наличие особых (качественных) данных, но и специфические приемы их сбора, обработки и анализа. Поэтому в дальнейшем для обозначения качественного исследования используется более обобщенный термин — *качественный метод*, или *качественные методы* как совокупность разных тактик.

Почему исследователи обращаются к качественным методам?

Первая причина — это природа изучаемой проблемы. Некоторые социальные проблемы естественно требуют качественного подхода, например, при изучении

нетипичного индивидуального опыта (болезнь, религиозные убеждения, потребление наркотиков). Качественные методы необходимы там, где нужно понять природу неизвестного до сих пор феномена, детально описать новые аспекты уже известных проблем или раскрыть скрытые субъективные смыслы или механизмы функционирования социальной практики, что не может быть исследовано путем массовых опросов и количественных данных. В целом, это тонкий инструмент глубинного исследования узкого сегмента социальной жизни.

Другая причина — установка исследователя и его склонность к определенной философской ориентации, соответствующему теоретическому направлению, например, к феноменологии, или, более широко, к гуманистическим идеям современной социологии, где субъективному аспекту социальной жизни — миру человека уделяется основное внимание.

Какие навыки необходимы исследователю-качественнику?

Качественный подход особое значение придает фигуре самого исследователя. Он изучает проблему в процессе длительного непосредственного контакта с объектом своего интереса в естественной для него обстановке. Он также является активным «инструментом» познания: постигает мироощущения людей и смыслы жизни; гибко строит процесс сбора данных, не придерживаясь жестко заданной схемы, а постоянно пересматривая ее с учетом реальных обстоятельств; анализирует поток разнохарактерных полевых материалов, что приносит новые сюжеты и может подтолкнуть к пересмотру первоначальной стратегии. Это практик, который сам от начала до конца осуществляет «монтаж» фрагментов информации об изучаемой реальности в концептуальное видение.

В процессе качественного анализа он многократно возвращается к начальным этапам, критически переосмысливает ситуацию, распознавая реальные противоречия и несоответствия, сопоставляя ситуацию с теоретическими представлениями. Для этого необходимо быть теоретически и социально подготовленным, умело сохранять аналитическую дистанцию, использовать свой прошлый опыт и теоретические знания для интерпретации наблюдаемого.

Можно ли сочетать качественный и количественный методы?

Да, можно, и это часто делается в исследованиях. Однако обычно исследователи все же ставят основной акцент на той или иной процедуре исходя из своей предыдущей подготовки или же специфики проблем, которые они изучают. В таком случае альтернативные (качественные или количественные) данные могут служить хорошей иллюстрацией при описании результатов.

Кто проводит качественные исследования?

Качественные исследования проводятся специалистами в разных областях поведенческих и социальных наук, а также практиками, которые связаны с проблемами человеческого поведения. Такие проекты осуществляются как группами исследователей, так и одиночками. При комбинированном использовании качественных и количественных данных качественное исследование обычно является частью более крупного проекта и проводится одним исследователем или узкой группой.

Каковы разновидности качественных методов?

По фокусу интереса или *тактикам проведения исследования* обычно различают изучение случая (кейс-

стади), этнографическое описание, восхождение к теории (grounded theory), историю жизни, историю семьи, историческое исследование (устная история). Именно такая дефиниция используется в данном пособии.

По форме аналитического представления конечных результатов (хотя и это разделение является предметом дискуссий) исследования делят на преимущественно описательные или преимущественно аналитические. Это зависит от установки на степень вмешательства в первичные данные. Обычно различают три возможных подхода.

Одни предпочитают дословное описание полученных данных, когда информанты рассказывают о себе «своими голосами» без интерпретаций со стороны исследователя. Такая позиция позволяет избежать субъективизма в трактовке.

Другие придерживаются стратегии редактирования и систематизирования (редактированного) полученных данных при коротком комментировании. Эта стратегия промежуточная, скорее описательная, чем аналитическая.

Третьи нацелены на построение теории. Они убеждены, что концептуальное представление о реальной практике и теоретические рассуждения о природе феномена являются наиболее ценным результатом качественного исследования.

Итак:

Качественные методы находят широкое применение в поведенческих и социальных науках и используются прежде всего для изучения индивидуального аспекта социального бытия. Первичные данные собираются в процессе наблюдения, глубинного интервью или обращения к личным документам. Результаты поля представлены в виде неструктурированных текстовых материалов, содержащих оценочные высказывания людей о практике своей жизни. Эти тексты и являются основным источником информации при последующем анализе. Поле качественных исследований достаточно структурировано и

представляет собой разнообразие тактик, методов анализа и представления результатов. Помимо исследовательского интереса, проведение такого исследования требует специальных знаний по тактике поведения в поле и логике качественного анализа. Умение работать качественными методами складывается из полученных теоретических знаний, но в еще большей степени из общего исследовательского опыта социолога и навыков проведения подобных исследований.

I

МЕСТО В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Во введении мы определили качественный метод как особый способ сбора, обработки и анализа данных путем аналитического раскрытия субъективного смысла высказываний индивида. Сам по себе метод — это способ, нейтральный инструмент, используемый социологами. Однако в каких случаях и для каких целей необходим подобный инструмент?

Для ответа на этот вопрос необходимо представить это понятие в более широком исследовательском контексте. Когда мы говорим «качественный метод», то сразу мысленно представляются два возможных поля рассмотрения этого понятия.

С одной стороны, как «метод» он может быть рассмотрен в более широком поле социального знания — как часть иной методологической и теоретической системы взглядов на социальный мир и фокус интереса социологии. Другими словами, каковы теоретические предпосылки для применения этого метода?

С другой стороны, «качественное» предстает в дихотомии качественное-количественное, жесткие-мягкие, значения-числа. В чем суть такого противопоставления? Что меняется в стратегии исследователя при обращении к качественному методу?

Первоначально представим его место в системе социологического знания в целом, а затем рассмотрим его как стратегию в сравнении с количественной техникой.

ФОКУС ИНТЕРЕСА

Начнем с более широкого обзора — с места качественного метода в системе социологического знания.

Моя коллега-биолог была искренне удивлена, когда я попыталась раскрыть ей суть качественной социологии. «Как можно изучать жизнь общества на основе субъективных свидетельств отдельных людей? Это все равно, если бы я изучала поведение биологического организма на основе жизнедеятельности одной клетки. В биологии их анализируют только в статистической совокупности». Да, действительно, в биологии это так. Но тем и отличаются естественные науки от общественных. В общественных науках мы имеем дело с объектами, которые обладают *субъективными* характеристиками, исходя из их личностных характеристик, предшествующего опыта, биографического пути. Это привносит момент непредсказуемости, вариативности в их поведение и взаимодействия с другими людьми. Люди по-разному реагируют на одни и те же слова, поступки, призывы. Так, например, реклама определенного товара у одного вызывает желание покупать только рекламируемые продукты, а у другого — никогда не покупать то, что тебе навязывают средства массовой информации.

Субъективные характеристики всегда были аспектом социологического изучения — это отличительная черта социологии как науки, имеющей дело с человеческими существами. Однако интерес к собственно субъективному возникает не всегда. Наоборот, классическая социология стремилась избавиться от субъективизма как слабой стороны и искала способы усиления объективности данных.

Когда и почему социологи концентрируются на субъективном?

Модели социального мира

В сущности, проблема соотношения социального и индивидуального всегда была центральной для социоло-

гии. Начиная с периода ее формирования в XIX веке, ключевой проблемой оставался вопрос о взаимодействии общества и индивидов.

Однако в эпоху индустриального общества преимущественным аспектом была проблема *социального порядка*: каким образом индивиды могли бы подчиняться влиянию общества во имя сохранения социальной стабильности. Поэтому в отношениях этих двух сторон взаимодействия, которые описывались как субъект и объект, гражданин и государство, индивид и общество, акцент ставился на изучении второго как «со-общества индивидов». Общество анализировалось как объективная и независимая реальность, которая противостоит индивидам преимущественно в форме принуждения. Субъективные характеристики индивидов нивелировались путем обобщения массовых данных и применения закона больших чисел (количественный анализ). Эта тенденция сохранилась и в современном позитивизме.

Позднее, в начале XX века, особенно с развитием процессов индивидуализации, появился и другой ракурс рассмотрения, который ставил акцент на второй части этого отношения «общество — индивид» и сосредоточивал внимание на индивидах как относительно самостоятельных по отношению к обществу, созидательных и автономных субъектах (Г. Зиммель, Дж. Мид). Такая модель концентрировалась на рассмотрении «общества в индивидах».

Если центральной проблемой первого дискурса (общество—индивид) являлась проблема социального порядка (социальных закономерностей, массовой репрезентации), то сутью второго дискурса (индивид—общество) стала проблема относительной свободы и социального выбора индивидов (социальные типы, отклонения от нормы). Из второго аспекта рассмотрения пришло понимание того, что субъективное измерение обязательно должно присутствовать в социальной картине мира и приниматься во внимание при социологической интерпрета-

ции. М. Вебер для этого ввел понятие *субъективного значения* (смысла).

Итак, в рамках социологии могут сосуществовать разные модели социального мира, одна из которых ставит в центр своего интереса исследование социального, а другая — субъективное, индивидуальное. В рамках первой индивидуальное представлено в виде социальных ролей (врача, служащего, отца и т. д.), другая, сосредотачивая внимание на индивидуальном, концентрируется на социальных ролях и их исполнении (как N. исполняет свои роли врача, служащего, отца).

Используя образы известного американского социолога Питера Бергера, можно представить взаимоотношения личности и общества в этих теоретических построениях более зримо. С точки зрения позитивистской социологии, считает П. Бергер, общество предстает в виде гигантской системы социального контроля, имеющей сходство с тюрьмой, где индивиды представлены как однопольные заключенные, не выражающие большого желания вырваться из ее застенков (из рамок этих ролей) [8]. Смягчая эти мрачные образы и используя ставшую популярной аналогию с миром театра, Бергер отмечает, что в таких теоретических построениях социальная реальность представляется «театром марионеток с ширмой, за которой скрыты струны, ... где куколки репетируют предписанные им маленькие роли в трагикомедии, которую предстоит поставить в кукольном театре» [8, с.113].

Итак, в позитивистской социологии единицей социального анализа является не индивид, а его социальная роль, и люди представлены как марионетки. Человек выступает в основном как объект манипулирования и социального принуждения, обязанный следовать нормам и традициям социума. В таком социологическом рассмотрении индивид «придавлен допущениями социологического анализа» и не имеет претензий на человечность. [34, с.184].

Объект исследования: индивиды как исполнители социальных ролей

В отличие от образа тюрьмы или театра марионеток, которых дергают за веревочки при помощи механизмов социального контроля, в рамках социологии существует и другая модель «человеческой трагикомедии». Здесь субъективному, индивидуальному — социальным действиям людей уделяется основное внимание. В такой модели общество представлено «сценой, населенной живыми актерами».

Эта картина социального мира не отменяет предыдущей, считает Бергер, но более адекватно учитывает индивидуальный аспект социального взаимодействия и способность человека приносить свои субъективные смыслы, значения и интерпретации в конкретные социальные ситуации, участником которых он является.

Так, официант, ловко движущийся между столиками, может усердно исполнять свою роль, быть исполненным гордости за свою необходимость клиентам. Но может исполнять свою роль, принося в нее другой субъективный смысл, представляя себя едким критиком общества сытых. Или почтальон, который развозит почту по домам, может спешить, вовремя доставить почту. Но может спешить руководствуясь собственным мотивом повидать всех своих знакомых, чтобы сообщить им интересную новость.

На лицо две составляющих — социальная роль и тот субъективный смысл, который индивиды вкладывают в свои действия. С одной стороны, поведение актеров на сцене регулируется всевозможными внешними предписаниями, установленными режиссером, и, с другой стороны, внутренними, исходящими из самой роли. Тем не менее, живые актеры вольны выбирать — играть ли роль мрачно или с воодушевлением, принять ее полностью или дистанцироваться от нее, а то и вовсе отказаться играть, т. е. обладают определенной свободой выбора.

Взгляд на общество с помощью такой драматургической метафоры (Дж. Мид, Э. Гоффман и другие) существенно меняет общесоциологическую точку зрения. Социальная реальность предстает как основанная на зыбком фундаменте совместной игры многих актеров, а структуры социального мира — как шаткие, непрочные, непредсказуемые. Институты общества оказываются больше условностями или даже фикциями. Вместе с тем, такая модель открывает возможность увидеть социальный мир не столь жестко детерминированным как в предшествующих моделях социологической мысли [8, с.127—128].

Задача социолога при таком подходе состоит в «расколдовывании» правил этой игры и описании реального механизма, посредством которого приводятся в движение участники «социального маскарада».

Предмет исследования: социальные роли и их исполнение

В социологии модель, концентрирующаяся на социальных ролях и их исполнителях, объектом своего исследования делает конкретных индивидов, а предметом интереса служат роли и характер их исполнения.

Отделить социальную роль от ее реального исполнения и субъективных смыслов — в этом и заключается основная цель сбора качественных данных о субъектах.

Такой подход в социологии служит для демонстрации определенной степени свободы от социального контроля, для описания **вариаций социального выбора** в рамках предписанных ролей. Определенная степень свободы от социального детерминизма существует даже в тоталитарном обществе.

В исследовательской практике в проекте «Век социальной мобильности в России» мы столкнулись с таким примером в воспоминаниях о жизни далекой уральской деревни в 30—40-е годы. В эпоху коллективизации, прослышав про трагические послед-

ствия раскулачивания в соседних селах, жители деревни на своем сходе решили опередить действия властей и формально добровольно организовать в своем селе колхоз. При этом они договорились, что каждый хозяин будет по-прежнему владеть своей собственностью и обихаживать свою землю, но отчеты будут посылаться в центр от имени колхоза. Им удалось почти в течение десяти лет «играть в эту игру», исполняя роль добросовестных колхозников. На самом же деле, отстранясь от этой роли, они продолжали вести частнособственническое хозяйство (обрабатывали свою землю и ухаживали каждый за своим скотом) и при этом получать такие урожаи, что зерно лежало горами на улице. Они делились им с голодающими соседями. Определенная мера свободы от предписанной роли колхозников (вследствие удаленности от центра) позволяла им выстроить изобретательную стратегию «манипулирования ролью» для того, чтобы соблюсти собственные корпоративные интересы и избежать раскулачивания. Задача социолога состояла в «расколдовывании» этой социальной реальности и описании расхождения между действительным и формальным исполнением коллективной роли и определении ее социального смысла (как скрытого сопротивления коллективной форме хозяйствования).

Итак, в социологии существует подход, в рамках которого центральным объектом интереса являются реальные люди, живые актеры (по социологической терминологии акторы). Они рассматриваются в рамках предписываемых социальных ролей и определенных «правил игры», но как обладающие определенной мерой отстраненности или свободы. Изучение механизма исполнения ролей, вариативности социального выбора является центральным для этого направления. При таком подходе для исследователя главным становится вопрос: «как люди исполняют свои роли?»

Способы познания индивидуального

Акцент на индивидуальном обусловил поиск специфических методов познания действительности, которые отсутствуют в естественных науках и в макросоциологии. Измерение, обобщение, язык абстракций, господству-

ющие в позитивистской социологии, неприменимы для описания субъективных смыслов.

Если мы хотим понять социальный мир человека, восприятие внешней реальности и мир его самосознания в конкретной ситуации, то тут явно недостаточно рационального языка категорий и абстракций. Необходимо приблизиться к адекватному *пониманию* смыслов, которые человек вкладывает в различные суждения и действия. Кроме того, поступки человека далеко не всегда адекватно осознаются им самим. Чтобы уяснить их глубинный смысл, надо приложить немало усилий для расшифровки внешне наблюдаемых действий и высказываний и *интерпретации* их в социологических понятиях.

Понимание как метод познания глубоко разработан М. Вебером [122] в рамках понимающей социологии и позднее герменевтиками. Теоретики полагают, социология не должна анализировать действия человека «извне», со стороны регистрируя результаты его деятельности. Вместо этого она должна *распознавать* те смыслы, которыми люди наделяют свои действия.

Не вдаваясь в философскую глубину этой проблемы, укажем только основные принципы этого метода.

Понимание предполагает непосредственный контакт и *прямое* постижение объекта путем «сопереживания ему всеми силами нашей сущности... в живом беспокойстве» (В. Дильтей). Такой способ отличается от непрямого, выводного знания и объяснения.

Понять — значит поставить себя в положение других людей для проникновения в тот смысл, который они придают своим действиям, выявить их собственные намерения и цели. Для понимания одного и того же высказывания нужно точно знать, при каких обстоятельствах и в каком контексте оно было произнесено, иначе оно может быть понято превратно (М. Вебер). Например, обиходная фраза «хочешь кофе?», произнесенная в разных контекстах, может означать как желание прервать разго-

вор, уйти от трудного вопроса, так и самое банальное предложение кофе вместо чая или, скажем, молока.

И, на чем настаивает *герменевтика*, понять — это значит переместиться в чужую субъектность, постичь ее значение в контексте общего мировоззрения того общества или группы, которые породили ее.

Познание путем понимания не отменяет языка абстракций (обобщений, гипотез, объяснений), но делает их вспомогательными на этапе эмпирического сбора и первичного анализа. При обращении к теоретическому осмыслению и обобщениям они становятся основными, а понимание — дополнительным способом познания.

Идеология исследования — гуманистический подход

Субъективистский подход существенно меняет не только фокус интереса, способы познания, но и весь «стиль» социологического видения — идеологию исследования.

Разграничение социальной роли и индивида, ее исполняющего, ведет к срыванию социально-стереотипных масок, которыми общество наделило определенные роли и их исполнителей. Такая ориентация заставляет понять, что «негр» или «преступник» — это маски, которым общество придает определенное значение и смысл, и что этот смысл произволен и неполон, непостоянен. Она демонстрирует зыбкость всех идентификаций, предписываемых обществом, и выясняет, кем в реальности стремится быть тот или иной субъект, ориентируясь на *собственный выбор* [8, с.147]. Коль скоро общество представляет собой сеть социальных ролей, то каждую роль можно играть сознательно или слепо. Социолог своим указанием на возможность осознанного выбора своего пути в рамках предписанной роли осуществляет определенную гуманистическую функцию, указывая на возможность такого выбора. Поэтому это направление и относят к гуманистическому.

Представители качественной социологии считают также, что ее гуманистическая направленность проявляется в интересе к разным формам социальной дискриминации по признаку пола, расы, этносу и проблемам девиантного поведения. Тем самым она способствует привлечению общественного внимания к проблеме дискриминации и восстановлению социальной справедливости.

Так, исследования Чикагской школы существенно изменили настрой общественного мнения по отношению к жителям трущоб и преступникам. До их работ представление о преступности сводилось в основном к жестко-нейтральным понятиям, таким как «процент преступности» или «уровень криминогенности среды». Социальным эффектом исследований личности преступника стало введение в оборот таких понятий, как социальный характер преступника, а также понятие социального «ярлыка», стимулирующего криминогенное поведение. Это действительно смягчило общественное представление о мире преступности в сторону более гуманного понимания его проблем; к понятиям «осуждение» и «наказание» добавились такие категории, как «участие» и «сочувствие».

Гуманистическая ориентация качественной социологии расширяет социальные функции социологии: от познания действительности, к ценностно-ориентированному осмыслению отношения «человек—общество».

Уровень анализа: микропроцессы

Важным для гуманистической социологии является рассмотрение субъектов и их практической деятельности в контексте конкретной социальной ситуации. Действительно, субъективные смыслы и значения наполняются определенным содержанием для участников общения только применительно к данной ситуации. Так, «посмотреть фильм» в рамках одной ситуации понимается как поход в кинотеатр, определенная форма проведения досу-

га вне дома, в рамках же другой ситуации означает просмотр телевизионной программы, в третьей ситуации может означать видеосеанс. Понимание субъективных смыслов возможно только при познании их в конкретных обстоятельствах.

Конкретное наполнение любой дефиниции больше зависит от индивидуального согласия непосредственных участников общения, чем от предыстории ее общепринятого определения. Действительно, фраза «ты посмотрел этот фильм?» в общем смысле означает просто «реальный факт просмотра фильма как продукта киноиндустрии», а в конкретной ситуации может быть более многозначной: например, пониматься как кодовое включение в «мы-группу» (люди, принадлежащие к нашей группе, не могли пройти мимо такого фильма). Поэтому принцип ситуативного микроанализа и является основополагающим в качественном методе.

Ситуативный анализ означает четкое определение рамок качественного исследования и сводит его к *микроанализу конкретных ситуаций*. При этом первичной основой является определение ситуации в терминах самих участников.

Это позволяет обрисовать контуры исследовательского поля качественных методов в социологии — это область микроанализа, где исследуется активность субъекта, где эмпирическое знание и понимание первично и предшествует теории, где преимущественно исследуется частное, локальное в естественных условиях повседневного существования.

Микроанализ — это удобное «научное поле», территория для исследований повседневного опыта как с точки зрения культурного дискурса, коммуникации, так и с точки зрения мотиваций и социально-психологических особенностей взаимодействия субъектов. Это область наиболее удобная для междисциплинарного исследования практики человеческого взаимодействия, в процессе

которого раскрываются модели, эталоны социального поведения людей.

Таким образом, по интересу и ракурсу рассмотрения первичная поляризация происходит по разделительной линии общество—индивид или макро- и микроанализ, что существенно изменяет общесоциологическую картину социального мира. Только в дальнейшем, уже как следствие, это проявляется в методике эмпирических исследований как поляризация качественных и количественных методов.

Для определения места качественной методологии в системе общей социологии проведем параллели с другими родственными науками. Так, в экономике мирно соседствуют две парадигмы: макроэкономика и микроэкономика. При этом последняя рассматривается с точки зрения деятельностного подхода, где анализируются отдельные субъекты хозяйственного механизма, функционирующие в условиях свободной конкуренции. Фокусом микроэкономики является экономическое поведение субъектов и «модели человека экономического» [27, с.18], тогда как фокусом макроэкономики является функционирование экономических структур.

В области истории существует разделение на историю, опирающуюся на официальные документальные источники исторического знания, и так называемую «устную историю», которая опирается на изучение устных источников как субъективных свидетельств непосредственных участников определенного события (oral history). Появление и рост популярности данного направления сами историки связывают с реакцией на долговременное засилье экономической и социальной истории, что в качестве обратной реакции способствовало современному расцвету интереса к истории культуры, психоистории, истории интеллекта и эмоций, истории простого человека [96, с.11].

Этнографию определяют как область знания, которая занимается формами социально-национального существования и взаимоотношений этносов как больших социальных групп. Однако она же характеризуется как определенная практика социальных исследований, где прямое описание людей и их культуры как бы отражает некий тип теоретизирования [74]. Это предполагает наблюдение реального опыта жизни этносов в реальных условиях [35, с.139].

Итак, проведя аналогию с ситуацией в родственных науках, можно заключить, что эмпирическое поле «непосредственного визуального контакта исследователя с субъектом деятельности» и его анализ присутствуют в каждой из этих социальных наук наряду с познанием общих универсальных закономерностей социальных процессов.

Язык исследования

Фокус видения социальной реальности в гуманистической социологии приводит к изменениям языка научного исследования.

Теоретико-методологическая основа позитивистской социологии — предположение о способности научного знания рационально упорядочить и логически объяснить структуру общества, построить достаточно стройную теорию этой целостности (структурный функционализм). В результате такой жесткой ориентации она превратилась в «непрошибаемую» методологию, сконцентрировавшуюся преимущественно на проблемах техники исследования. Позитивизм утратил способность к восприятию богатства мироощущений социального мира и интерес к тому, что делают простые человеческие существа, за что он и был подвергнут критике.

Благодаря гуманистической ориентации в социологию возвращается способность говорить с людьми на их обыденном языке, умение слушать и исследовать все, что относится к человеческому бытию и действиям людей, какими бы банальными они не выглядели. Для исследо-

вателя это означает отход от позиции respectableного кабинетного ученого, имеющего дело только со статистическим видением реальности; выход в реальную социальную практику непосредственного общения с людьми, населяющими поле данного исследования.

Открытость громадному богатству человеческой жизни делает невозможным всегда оставаться в рамках чистого научного знания и следовать железной логике социологизма. Это вынуждает социолога оставлять «щели» в глухих стенах своей теоретической схемы — «щели», сквозь которые можно увидеть другие возможные горизонты интерпретации и другие жизненные реалии [8, с.153].

Социологов-позитивистов часто упрекают за их «птичий язык», непонятный непосвященным. Социолог, имеющий дело с повседневной жизнью людей, более широко использует их обыденный язык, зачастую приводит большие цитаты из разговорной речи, поэтому описательный язык качественной социологии ближе к обыденному разговорному языку. В нем часто присутствуют метафоры и аналогии, образы, заимствованные из других областей знания.

Таким образом, качественный метод является способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах. Это часть более общей социологической методологии, где **объектом** интереса являются индивиды как исполнители социальных ролей, а **предметом** исследования — характер исполнения роли (вариации социального выбора). Важным **методом познания** является понимание и интерпретация личностных смыслов в социологических понятиях. Изучение концентрируется на уровне **микрoанализа** конкретных ситуаций социального взаимодействия. Язык исследования максимально приближен к практике повседневного общения.

Следовательно, качественный метод как инструмент является составной частью специфической методологии, которую можно назвать качественной или гуманистической социологией и считать отдельной областью социологического знания.

Область качественных исследований в социологии является относительно самостоятельной и развивающейся областью — она даже не приобрела пока общепринятого названия и обозначается разными исследователями по-разному: качественной, гуманистической, драматургической или интерпретативной социологией. Однако эта область имеет общее методологическое основание: существует как преимущественно эмпирическая (выход исследователей из кабинетов), объектом интереса предстают конкретные люди («живые актеры»); исследуется специфика соотношения индивидуального и социального в конкретных жизненных ситуациях (расхождение социальной роли и практики). Для познания применяются преимущественно интерпретативные модели понимающей социологии. Качественные методы как способ микроанализа используются для изучения субъективного, индивидуального, локального — там, где необходимо пристальное изучение конкретных людей в конкретных ситуациях. Для описания самого исследовательского поля наиболее удобным будет понятие *практика повседневного взаимодействия людей*, которая исследуется с точки зрения *социального* (социальный статус, социальная роль) или *культурного дискурса* (нормы, образцы поведения, культурные символы).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Чем отличается качественный метод от количественного?

Теперь, описав качественный метод как *область* социологического знания, более четко определим специфи-

ку его как *стратегии*, сравнив с традиционным количественным методом.

Исследовательские задачи. В общем виде можно еще раз отметить, что для познания «системных» проблем (социальных институтов как систем) необходимо знание, основанное на количественных данных, их объяснении и формулировке в виде категорий, абстракций. Для познания опыта, переживаний, чувств конкретных людей, их практики — второго ряда проблем — необходимо знание, основанное преимущественно на понимании и интерпретации.

Схематично Ян Дей в своей книге «Анализ качественных данных» [75] выражает это различие через известный образ:

Рис. 1. Соотношение областей применения качественного и количественного методов в социологии.

Этот рисунок отражает взаимосочетаемость двух методов на разных иерархических уровнях исследования. Качественный играет решающую роль на более низком,

эмпирическом, уровне исследования: там, где мы имеем дело с изучением конкретного опыта, переживаний реальных людей, там, где необходимо понимание. В то же время на более высоком уровне агрегированности данных количественная стратегия оказывается более информативной. При этом каждый вид дополняет друг друга: «значения» не должны игнорироваться, когда мы переходим к более высокому уровню абстрагирования, и количественные показатели, «числа», в качестве фона должны учитываться при выявлении «значений». Следовательно, данные методы могут мирно сосуществовать в практике социологических исследований.

Однако для детального описания их различий как стратегий используем способ поляризации. В данном случае он применяется не для противопоставления двух парадигм с целью выяснения какая из них лучше, но как методологический способ очерчивания исследовательских границ и возможностей каждого.

1. Естественный способ познания объекта присущ качественной социологии. Естественность подразумевает неструктурированные методы сбора данных (свободное интервью, наблюдение, анализ документов), а также комплексный анализ ситуации или процесса во всем жизненном многообразии составляющих элементов. Естественность означает широкое использование естественной живой речи конкретных индивидов и более живой язык в изложении результатов. Она предполагает также прямой визуальный контакт исследователя с исследуемым в привычной для него обстановке.

Искусственность количественного подхода предполагает акцент на предварительно заданных гипотезах и характеристиках объекта; концентрацию на заранее разработанной схеме анализа; изучении определенных переменных и поиске характера связей между ними. В результате описываются логические связи между переменными, а социальное многообразие других, не изучаемых

связей (как внутри, так и вовне предмета анализа), остается «за скобками» исследовательского интереса.

Преимущества естественного подхода особенно очевидны при изучении нетипичных или инновационных форм деятельности, когда трудно заранее очертить возможные вариации нового явления. Например, в начале 90-х годов начали возникать новые формы трудовой занятости или так называемая «двойная» занятость. Очень трудно было предусмотреть все возможные альтернативы занятости в закрытом вопроснике и проанализировать их вариативность. К какой форме занятости отнести, например, военного, который в свободное от службы время занимается кооперативной или частнопредпринимательской деятельностью и получает доходы непропорционально труду, вложенному в каждую из них? Заранее заданные показатели не давали возможности отнести данный тип ни к одной из заранее предложенных категорий. Искусственность количественных данных проявляется также в отсутствии прямого контакта исследователя со своим объектом. На смену ему приходит «статистическое видение». В самом деле, в количественном исследовании объект представлен заполненной анкетой с обведенными кружками, которые надо присоединить к ответам других людей. В качественном исследовании исследователь находится в длительном контакте с исследуемым и не только видит и слышит его, но и воспринимает его всеми органами чувств, в многообразии его взаимодействий с другими людьми.

2. *Частный* характер качественного исследования задает аспект интереса (рассмотрение с точки зрения отклонения от нормы, индивидуального своеобразия), отбор случаев (описание отдельных случаев), а также широту обобщения — распространение выводов на определенную узкую совокупность схожих случаев. Выводы, полученные на одних объектах, носят относительный характер и могут быть отвергнуты последующими исследованиями на других объектах. В отдельных случаях узко фокуси-

рованное изучение ставит под сомнение саму возможность распространения выводов на другие объекты.

Обобщенный характер количественного исследования проявляется в упорядочивании структуры сложных социальных объектов (при нивелировании специфики каждого); широте распространения выводов проведенного исследования на всю совокупность аналогичных объектов, а также в форме представления конечных данных (в виде цифр и таблиц).

3. **Аналитическое** обобщение, конструируемое в результате качественного исследования в виде частной теории, противостоит статистическому. Аналитическое предполагает сравнение результатов по одному объекту с аналогичными (чаще всего противоположными) объектами для подтверждения или опровержения первичных выводов.

Статистическое обобщение количественного исследования основано на статистической репрезентации генеральной совокупности [35, с.142—143]. Критерием надежности выводов здесь служит достоверное повторение установленных связей на других объектах.

4. **Субъективизм** качественного подхода, в противоположность утвердившемуся мнению об **объективизме** количественного, является, пожалуй, самым дискуссионным вопросом при сравнении этих парадигм. С одной стороны, действительно, возможности субъективизма при интерпретации полученных результатов в качественной парадигме значительно выше, ибо в данной стратегии фактически на всех этапах исследователь непосредственно включен в исследовательскую ситуацию и от его личной трактовки зависит многое. Однако для избежания этого существуют определенные методики, о которых мы поговорим в дальнейшем. С другой стороны, сторонники качественных методов, отвечая на обвинения в субъективизме, используют тактику «ответного удара». А кто

сказал, что интерпретация количественных данных лишена субъективизма? «Половина опрошенных» — это много или мало? При трактовке одних и тех же данных разными исследователями вы получите различные ответы. Ровно также, как и при трактовке позиции «затрудняюсь ответить» возможны весьма неоднозначные толкования. Субъективизм социологического исследования заложен уже самим объектом исследования — индивидуальным своеобразием людей, составляющих социум.

5. *Одномерный* метод исследования (т. е. использование только одного — статистического — способа познания социальной реальности) количественного подхода противостоит *многомерному*, или мультимедийному (multimedia), характеру качественного исследования. Это означает, что последний базируется на многостороннем анализе объекта и привлекает для этого разные источники информации: например, наблюдение за деятельностью какой-либо группы дополняется интервью с членами этой группы, анализом официальных и частных документов о ее деятельности; возможно также одновременное использование качественных и количественных данных об объекте, привлечение исторических документов, видеозаписей и т. д.

Итак, приступая к исследованию, какую стратегию выбрать?

Сказанное выше можно теперь в более сжатой форме представить в схеме, которая иллюстрирует различия двух стратегий по отдельным компонентам исследовательской стратегии. Здесь с небольшими изменениями приводится схема из книги К. Пламера «Документы жизни» [105].

Итак, качественный и количественный подходы существенно различаются по общей направленности и стадиям социологического анализа. В зависимости от целей и исследовательских задач, а также фокуса интереса

Схема 1

Различия в стратегиях исследования при качественном и количественном подходах

Количественный подход	Качественный подход
Теоретико-методологическая база:	
<ul style="list-style-type: none"> • Реализм • Достоверное, объективное знание • Описание логических связей между отдельными параметрами 	<ul style="list-style-type: none"> • Феноменология • Релятивизм • Описание общей картины события или явления
Фокус анализа:	
<ul style="list-style-type: none"> • Общее, генеральное, макроанализ • Классификация путем отождествления событий, случаев • В центре внимания структуры; внешнее, объективное 	<ul style="list-style-type: none"> • Особенное, частное, микроанализ • Описание событий, случаев • В центре внимания человек; внутреннее, субъективное
Единицы анализа:	
<ul style="list-style-type: none"> • Факты, события 	<ul style="list-style-type: none"> • Субъективные значения, чувства
Исследовательские цели, задачи:	
<ul style="list-style-type: none"> • Дать причинное объяснение • Измерить взаимосвязи 	<ul style="list-style-type: none"> • Интерпретировать, понять наблюдаемое • Концептуализировать
Стиль:	
<ul style="list-style-type: none"> • Жесткий, холодный • Систематизация 	<ul style="list-style-type: none"> • Мягкий, теплый • Воображение, представление о...
Валидность (надежность):	
<ul style="list-style-type: none"> • Достоверное повторение установленных связей 	<ul style="list-style-type: none"> • Реальное насыщение информации
Логика анализа:	
<ul style="list-style-type: none"> • Дедуктивная: от абстракций — к фактам путем операционализации понятий 	<ul style="list-style-type: none"> • Индуктивная: от фактов из рассказов о жизни и т. д. — к концепциям

исследователь избирает ту или иную тактику, но при этом должен четко следовать избранной логике.

Для эмпирического исследования *повседневной практики человеческого взаимодействия* используется качественный подход. Как исследовательская стратегия это:

- открытая, свободная на входе стратегия, которая аналитически описывает объект на выходе;
- базируется на естественном (натуралистическом) изучении объекта в естественных для него условиях;
- выявляет и интерпретирует субъективные смыслы, значения;
- многомерно исследует объект;
- концентрируется на частном, особенном в его жизнедеятельности;
- концептуализирует социальные смыслы и значения в понятиях и терминах социального знания.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В данном параграфе мы рассмотрим качественный подход как «другую» методологию социологического познания с точки зрения исследовательской практики. На отдельных примерах рассмотрим, какие аспекты и какие проблемы являются прежде всего наиболее значимыми для исследователей?

Каков ракурс интереса?

С точки зрения системного анализа можно изучать и объяснять *общие* условия жизни современного российского общества для различных социальных групп: например, солдат, воевавших в Чечне; одиноких матерей, воспитывающих двоих детей; военнослужащих, вынужденных преждевременно уйти на пенсию. Всех их можно рассматривать в целом, скажем, как людей одного возраста, например, 30—40 лет, проживающих в среднестатистическом городе; как группу тех, кто «переживает трудности реформируемого общества».

Но если принять точку зрения качественной социологии (к примеру, при изучении «социального опыта переживания периода социальных потрясений»), то окажется, что каждая из таких человеческих ситуаций по-своему уникальна. Каждая группа помимо схожего социального опыта имеет свои особые переживания и страдания, которые в совокупности складываются в их *специфический «жизненный мир»*. Этот мир именно как «особое» может стать объектом исследования. Прошлый опыт, практика каждодневных забот и переживаний могут быть поняты только через изучение индивидуальных судеб представителей этих групп, *особенностей в восприятии ситуации и поведении* на фоне общего социального контекста данного социально-исторического времени. Соответственно, ракурсом интереса в таком случае становится *общее и особенное в опытах и действиях* конкретных людей.

С другой стороны, опыт каждой группы является как бы особым «фрагментом» общего социального опыта. Совокупность таких частных практик как мозаика позволяет представить социальную картину общества в целом.

Именно в этом состоит фокус интереса в качественном исследовании: концентрация внимания на частном, особенном для более полного и подробного описания целостной картины социальной реальности.

В чем смысл поисковой стратегии?

Поисковые возможности этой стратегии можно проиллюстрировать на примере одного, пожалуй, самого фундаментального исследования в истории качественного метода. Вероятно, оно будет наиболее понятно и близко современному российскому исследователю.

Это классическое исследование У. Томаса и Ф. Значеккого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [117], нацеленное на изучение дезорганизации традиционной общности под влиянием резких социальных изменений. В центре внимания авторов — социальная

Уильям Томас (1863—1947) и Флориан Знанецкий (1882—1958)

Представители Чикагской школы в социологии. Наиболее известный их труд — пятитомное издание «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920). Это результат многолетнего исследования личных документов польских эмигрантов. Знанецкий по образованию был философом, а Томас скорее социолог, склонный к психологической интерпретации социальных явлений. Их объединил интерес к мотивации поведения человека и его взаимоотношения со средой. Союз Ф. Знанецкого и У. Томаса был недолгим. Знанецкий вернулся в Польшу сразу после выхода книги в свет, где оказал значительное влияние на развитие гуманистического направления в польской социологии, концентрируясь на жизнеописаниях простых людей. У. Томас продолжал активную научную работу в американских университетах, опубликовал ряд философских работ, которые представляют взгляд философа на социологию: *Cultural Reality* (1919), *The Method of Sociology* (1934).

Источники: Американская социологическая мысль: традиции и современность [4], Plummer K. Documents of Life [105].

ситуация массовой миграции поляков в США. Поляки составляли четверть всех мигрантов, прибывших в Америку в период 1899—1910 гг. Только в Чикаго их оказалось 360 тысяч. Казалось бы, в данном случае предоставлялась возможность массового количественного опроса самих мигрантов (вопросы типа: «Что изменилось для вас с переездом в Америку?») или населения Америки по поводу отношения к этому феномену («Как вы относитесь к мигрантам из Польши?»). Вместо этого Томас и Знанецкий пошли по пути поиска истоков, предыстории процесса миграции. Это потребовало анализа каждоднев-

ной практики поведения польских крестьян до и после миграции.

Таким образом, *поисковая стратегия* была сфокусирована на субъективной стороне процесса: что заставило поляков мигрировать в США? Каким образом происходил процесс принятия решений? Каким образом это отразилось на их ценностном сознании?

Центральный теоретический вопрос исследования: почему определенная социальная ценность (жизнь в Америке) произвела именно такое воздействие на одних субъектов и не привела к такому же результату в своем влиянии на других субъектов? Авторы считали, что невозможно научно ответить на этот вопрос до тех пор, пока для объяснения этого «почему» они не узнают *прошлую практику* конкретных индивидов, данной общности и целого общества (Польши) [4, с. 346]. В течение ряда лет они собирали личные документы поляков (764 письма) и провели серию глубинных интервью. Только одно интервью с главным персонажем, Владеком, составляло 300 страниц. Проанализировали также газетные материалы о польских крестьянах, польские архивы и множество документов из американских социальных агентств по миграции. Стратегия состояла в концентрации внимания на процессе появления и развития изучаемого феномена путем анализа разнохарактерной информации о практике крестьянской жизни до момента миграции.

Какие новые аспекты процесса могут быть изучены?

В результате исследователи смогли не только сформулировать практические выводы (разработать, по их словам, «социальную технику разрешения типовых ситуаций»), но и рассмотреть теоретические проблемы адапционного поведения мигрантов, а именно:

1. Индивидуализация, или «атомизация», сознания в условиях новых форм социальной организации; на-

сколько индивидуализация совместима с социальной сплоченностью.

2. Проблема эффективности усилий как соотношение индивидуального и коллективного вклада.
3. Анормальное поведение (преступность, бродяжничество, проституция, алкоголизм) в результате миграции; норма и отклонение в ситуации инновационных процессов.
4. Занятость и разрушение стимулов к труду в массовых профессиях.
5. Отношения полов и разрушение общинных и семейных связей в ситуации изменившегося социального контроля; различные системы взаимоотношений полов; социальная эффективность семьи как группы.
6. Проблема социального счастья.

Характерно, что названные проблемы, заявленные в их исследовании, как и в большинстве других качественных исследований, скорее только обсуждены и изучены эмпирически, чем оформлены окончательно в виде выводов. Они представлены скорее в виде гипотез, подлежащих дальнейшему изучению.

Однако главное значение проекта состояло в исследовании объективных факторов (миграции) через их субъективную интерпретацию отдельными участниками событий. В теоретическом плане принципиально важным для исследователей являлось доказательство гипотезы, что любая социальная причина более сложна, чем причинность в естественных науках, так как включает в себя как объективные, так и субъективные компоненты. Если же мы знаем не только объективное содержание причины, но и значение, которое она имеет для данных индивидов в данный момент, то тогда мы можем более точно просчитать последствия и предсказать результаты [4, с. 345].

Согласно мнению исследователей, основополагающий методологический принцип в социальных науках — положение, что причиной определенного феномена никогда не бывает только социальный или только личностный феномен, но все-

гда сочетание того и другого. А для того, чтобы изучить личностный феномен научно, необходимо знать предысторию личности, общности и общества в целом [4, с. 346].

Кроме того, У. Томас и Ф. Знанецкий полагали методологически-принципиальным, что метод, примененный в их исследовании, позволил изучить социальные изменения в самом социальном объекте. «Метод, который позволяет определять лишь случаи стереотипной деятельности и оставляет нас беспомощными перед лицом изменившихся условий, вовсе ненаучен и становится все менее практически полезным по мере возрастания изменчивости в современной социальной жизни» [4, с. 347].

Таким образом, в своем исследовании польских мигрантов У. Томас и Ф. Знанецкий применили качественную стратегию как поисковую, нацеленную на изучение предыстории феномена, и на изменения в самом объекте под влиянием социальных перемен. Эта эмпирическая стратегия позволила им выйти не только на практические выводы относительно конкретного объекта исследования, но и подняться до теоретического рассмотрения более общих социологических проблем.

Каковы возможности применения качественной стратегии в нашем обществе?

О преимуществе качественных методов при исследовании ***соотношения субъективного и объективного в условиях резких социальных перемен*** мы убедились на собственном опыте при анализе адаптационных стратегий молодых людей в период российского кризиса (1992—1993гг.) [38, с. 390—412].

В одной из семей — потомственные военные высокого ранга — отец в свое время настоял на офицерской карьере двух своих сыновей-близнецов. В момент исследования объективная ситуация (падение престижа профессии военного, низкие заработки и отсутствие социальных перспектив) была для обоих братьев одинаковой. Однако глубинные интервью выявили разницу

их субъективного отношения к ситуации, что и привело к разным адаптационным стратегиям. Один — более свободный в выборе и больше ориентированный на материальный успех — решительно ушел из армии и стал мелким предпринимателем в сфере торговли. Второй сын остался для отца единственной возможностью сохранить преемственность социального статуса, и он усилил свое «удерживающее» влияние на сына. С другой стороны, молодая жена второго сына настаивала на скорейшей смене профессии во имя заработков. В ситуации семейного конфликта тот выбрал двойственную стратегию: формально он числился офицером (суточные дежурства), а в свободное время участвовал в торговых операциях брата-предпринимателя.

Микросубъективный фактор — конфликт семейных ожиданий — привел к социально-значимому результату: формированию определенного типа адаптационной стратегии. Такая двойственная, компромиссная, стратегия «двойной занятости», как мы знаем, была широко распространена в те годы, т. е. являлась общезначимой. Качественный подход позволил выйти на источники формирования этой стратегии: в данном случае это был конфликт семейных ожиданий.

В процессе концептуализации (теоретического осмысления) подобных случаев мы подошли также к некоторым теоретическим аспектам проблемы: сдерживающее влияние высокого социального статуса на выбор адаптационной стратегии в кризисных условиях; конфликт и преемственность в отношениях родительского поколения и детей; разрыв в долгосрочном «жизненном проекте» под влиянием кризиса.

Итак, **общая стратегия** качественного исследования состоит в открытом, поисковом, неструктурированном подходе к проблемной ситуации. **Фокус такого исследования** направлен на укрупненное (как под микроскопом) рассмотрение отдельных случаев в единстве их объективного и субъективного социального опыта; выяснение частного, особенного в целостной картине социальных практик.

Использование качественной стратегии является приоритетным, если в фокусе внимания исследователя

находится изучение своеобразия объекта; исследование общей картины события или случая в единстве его составляющих; взаимодействие объективных и субъективных факторов; изменение традиционных форм социального существования объекта.

Качественные исследования позволяют изучать новые явления или процессы, не имеющие массового распространения, особенно в случае резких социальных изменений.

Выводы:

- Качественный метод служит для изучения социальных проблем с точки зрения индивидуального, частного. Объектом исследования являются отдельные индивиды или узкое сообщество индивидов с специфическими социальными характеристиками. Предметом изучения — социальные роли и их исполнение в конкретной практике повседневной жизни.
- Это направление является отдельной областью социологии со своей методологией, идеологией, языком исследования, а также уровнем интереса: частное, локальное, микроанализ конкретных ситуаций.
- Как исследовательская стратегия качественный метод существенно отличается от количественного, поскольку ориентирован на познание переживаний, опыта, чувств людей и их практики, выраженных в их собственных высказываниях.
- Это способ познания объекта в естественных условиях; он концентрируется в основном на субъективном видении социальных проблем, которые обобщаются путем аналитического анализа разнохарактерной информации об объекте.
- Это поисковая стратегия, «открытая» на входе и формулирующая теоретические концепции в процессе исследования, логика анализа индуктивная — от фактов жизни к их классификации и концептуализации.

- Такая стратегия является приоритетной при интересе к детальному описанию объекта, его социальному своеобразию в единстве всех составляющих, при изучении субъективного аспекта социальных проблем. Использование поисковой, мягкой стратегии способствует выявлению инноваций, необычного, особенного в ситуации быстрых социальных изменений.

Вопросы для обсуждения:

- В каких случаях исследование можно отнести к разряду качественных?
- Почему и в каких случаях избирается тактика качественного исследования?
- Каковы различия и сходства качественного и количественного подходов?
- Что лично вам как исследователю ближе: стратегия количественного подхода или качественного? Обоснуйте свою позицию.

Рекомендуемая литература:

- О гуманистической социологии, ролевых позициях и их исполнении: *Бергер П.* Приглашение в социологию.
- О постмодернизме и культурной парадигме современного общества: *Ионин Л.* Социология культуры.
- О качественном и количественном подходе в социологии: *Ядов В.* Стратегии и методы качественного анализа данных.
- О принципах качественного исследования: *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки/ В кн.: Американская социологическая мысль.

Примечание: Здесь указываются только наиболее важные издания. Более полный список литературы содержится в конце книги.

II

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ, ПРИШЕДШИЕ ИЗ РАЗНЫХ ТЕОРИЙ

Обратимся к более глубокому описанию теоретических традиций, лежащих в основе гуманистической социологии. Главная цель главы состоит не в описании самих теорий, а в ознакомлении с определенным теоретическим «видением» социальной реальности и понятиями, пришедшими из этих теорий. С одной стороны, выбирая свою стратегию, необходимо соотнести ее с определенным теоретико-философским дискурсом в соответствующих понятиях и концепциях. Эти концепции как бы направляют общий замысел исследования, предопределяют выбор предмета изучения и те аспекты рассмотрения, о которых мы, возможно, не задумывались прежде. С другой стороны, знание ключевых понятий, пришедших из разных теорий, позволяет исследователю соотнести практические результаты с определенными теориями и интерпретировать их на уровне более высоких научных абстракций.

Теории социального действия

Теории социального действия рассматривают дилемму «общество—человек» с позиции индивидов, понимая последних как творческих, автономных и деятельных субъектов — *агентов* социального действия. Люди не являются «продуктами», или, более того, «жертвами» социального мира, но скорее думающими, чувствующими, действующими субъектами. Придавая определенный смысл и значение как собственному поведению, так и по-

ведению других, они тем самым творчески участвуют в создании мира вокруг себя. Однако внутренний мир сознательного агента сам по себе недоступен научному наблюдению: все, что мы знаем о нем объективно, — это то, что он — центр практик и действий. Изучение активных субъектов социального действия возможно только на основе субъективной информации относительно их *опытов и действий*.

Таковы основные аргументы *теорий социального действия*, которые были заложены в ходе интеллектуальных дебатов в немецкой социологии конца XIX века. В этих дискуссиях важная роль принадлежала классикам социологии Макс Веберу [122] и Георгу Зиммелю [109]. *Действия социальных агентов* они рассматривали как мотивированные, имеющие смысл и ориентированные на других. Такие действия подлежат анализу посредством проникновения в те *смыслы и значения*, которые им придают сами люди, т.е. путем их понимания и интерпретации.

Веберовский подход к способам теоретического анализа действий стал важнейшей методологической основой социологии. В предыдущей главе мы уже пользовались этими терминами: «понять», «интерпретировать» действия. На самом деле это термины введены Вебером как основные дефиниции понимающей социологии, ибо Вебер определял социологию как «науку, которая ориентирована на *интерпретативное понимание* социальных действий и причинное объяснение предпосылок и последствий» [123, с. 4]. А эти причины могут быть обнаружены в *субъективном значении* события для его участников. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы понять эти значения. Понять — значит выяснить субъективные значения событий, которые заданы широким культурным контекстом (конкретно — практической моралью), считает Вебер. В дальнейшем, в работах таких исследователей, как Дж. Мид, А. Шюц, этот принцип понимающей социологии становится

Макс Вебер (1864—1920)

Вебер широко признан как один из классиков социологии. Он обозначил предмет дисциплины широкой серией своих работ по религии, экономике, политическим отношениям, праву и методологии. Удивительно, что только одна (основная) работа была опубликована при жизни, в 1905 г., — это «*Протестантская этика и дух капитализма*». Его эссе и другие работы были опубликованы уже после смерти автора в 1922 г. на немецком языке в книге «*Экономика и общество*». Работы Вебера отражали взгляды его отца как купечески-бюрократически ориентированного политического деятеля и аскетически-религиозной матери. Парадоксально, что лучшие из его работ появились после тяжелой психологической драмы, которая случилась в 1897 г. и совпала со смертью отца, что привело к продолжительному психическому расстройству. Работы Вебера представляли собой продолжавшиеся всю жизнь дебаты с гегельянским идеализмом, с одной стороны, и марксистским материализмом — с другой. Вебер был признанным академическим ученым и занимал профессорские посты в университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Мюнхена. Он представлял Германию на мирных переговорах в Версале в 1918 г. и принимал участие в подготовке «Веймарской конституции», которая провозгласила демократическую республику в Германии после первой мировой войны. Вебер считал основной задачей социологии понимание смыслов действия, исходя из которых она должна продвигаться к построению моделей и идеальных типов на основе сравнительных исследований. Социологические понятия должны иметь аналитический статус. Он считал, что статистика и социальные обследования представляют собой существенную поддержку для социологического исследования, но тем не менее они должны подвергаться интерпретации и оценке.

Источники: Социологический словарь [1, с. 24—27]. Вотерс М.

Современные социологические теории. [21, с. 18].

ся методологической базой исследования не только типических социокультурных ситуаций, но и индивидуального социального поведения.

Интерпретативное понимание социальных действий происходит, по Веберу, в два этапа. На первом этапе «непосредственно наблюдаемого понимания» происходит простое понимание нормального повседневного опыта: что делает человек, без попыток объяснить его действия. На втором этапе осуществляется «объяснительно понимание» как объяснение *мотивов* человеческих действий — того комплексного субъективного смысла, который вкладывает индивид в свои действия и которые могут быть приняты исследователем в качестве адекватного объяснения происходящего.

Вебер также вводит два типа субъективных значений: значение, которое *сам* деятель придает своим действиям исходя из своего опыта, и типичное значение, которое *исследователь* гипотетически присваивает всем деятелям подобного типа. Рациональное понимание как объяснение происходящего возможно тогда, когда социолог «помещает» данное действие в более широкий контекст типичных действий подобного рода. Естественно, рациональное объяснение не всегда совпадает с реальным. Например, выпускник школы может стремиться в институт потому, что так поступают все выпускники, окончившие средние учебные заведения (рациональное понимание). Но, возможно, у данного выпускника может быть и другой мотив, например желание избежать армии или продолжить состояние учащегося (реальное понимание). В таком случае, считает Вебер, необходимо верифицировать мотивы с реальным образом действий или расширить круг сравнения. Для таких ситуаций Вебер различает «адекватность значения» и «адекватность мотива». Первое характеризует типичное действие, а второе, наоборот, нетипичное, вариативное, частное. Однако Вебер считал, что социология не должна заниматься каждодневными инвариативными действиями, которые не могут быть адекватно объяснены, но только *типичными* действиями, которые поддаются

адекватному *рациональному* объяснению и с точки зрения значения, и с точки зрения мотива.

Зиммель подходил к анализу деятельности более психологически и исходя из этого расширил и конкретизировал круг действий, подлежащих социологическому анализу.

Социальное взаимодействие он рассматривал прежде всего как психологический процесс — конкретную ситуацию, в которой участвуют два индивида. Единственно, что существует, считал *Зиммель*, — это индивиды как человеческие существа, их ситуации и деятельность. Поэтому и существование общества, которое возникает через идеализированный синтез таких взаимодействий, никогда не может быть проанализировано как реальность [80, с. 40].

Понять ситуации и деятельность, по *Зиммелю*, значит рассмотреть такие ситуации в единстве содержания и формы. Таким образом, он заложил основы идеи, что истоки социальной жизни находятся в головах участников социального взаимодействия, из которых, как пшеница из земли, вырастает все поле социальной жизни. Задача социолога состоит в том, чтобы любое такое взаимодействие подвергнуть социологическому анализу и понять его.

Итак, согласно *Зиммелю*, внимание концентрируется на микроанализе конкретных взаимодействий (*интеракций*). Он в отличие от Вебера считал, что глобальные социальные теории в социологии невозможны [109]. В своем социологическом анализе *Зиммель* опирался прежде всего на «*микросновы*» человеческого опыта, и в первую очередь — его культурную составляющую. Исходя из этого, по мнению *Зиммеля*, возможно, с одной стороны, понимание индивидуального, опыта реальной жизни, с другой — видение общества как целого мозаичного полотна, сотканного из множества «фрагментов» [80].

При таком подходе социальные структуры рассматриваются как возникающие из сложного процесса взаимодействий и межличностных коммуникаций, в котором

Георг Зиммель (1858—1918)

Немецкий профессор философии, автор работ по эстетике, эпистемологии, философии истории и социологии. Родился в Берлине, по происхождению еврей. Это объясняет, почему, имея репутацию выдающегося интеллектуала, он был вынужден занимать маргинальное положение в научных кругах. Большинство его постов имело или почетный характер, или приносило непостоянный доход. Он неожиданно получил пост заведующего кафедрой философии в Университете Страсбурга в Эльзасе в 1914 г., но это тоже был только академический статус. Положение Зиммеля как социолога всегда было противоречивым, частично из-за того, что только в середине своей карьеры он всерьез обратился к социологии. Поэтому он больше известен как философ и психолог. Его самые известные книги середины жизни «Философия денег» (1900) и сборник эссе «Социология», переведенный на английский язык в 1950г. Он считается основателем *формальной социологии*. Зиммель утверждал, что первичной основой общества является социальное взаимодействие индивидов. Такое взаимодействие имеет два элемента: *содержание*, состоящее из интересов, целей, мотивов, и *форму* взаимодействия индивидов. Их можно свести к нескольким обобщенным типам, которые, постоянно повторяясь, становятся универсальными образцами поведения. На анализе таких форм взаимодействия и должна концентрироваться социология, считал Зиммель. Его социологию часто называют фрагментарной, или импрессионистской, поскольку она не достаточно систематизирована.

Источники: Социологический словарь [1, с. 94—95].

Вотерс М. Современные социологические теории [121, с. 21].

общие «смыслы и значения» обговариваются, устанавливаются и, в определенной мере, разделяются всеми участниками взаимодействия. Например, всем понятно, что означает одно слово «да!», произнесенное в контексте обряда бракосочетания. Оно символически структурирует все действия и имеет одинаковое смысловое значение для всех участников обряда. Из такого видения социальное взаимодействие предстает как обмен жестами и языко-

выми символами, которые структурируют интеллектуальное взаимодействие в обществе. Эти идеи Зиммеля и были развиты более подробно в теоретических работах в начале XX века.

Итак, классические теории социального действия начала века, первично обрисовали круг интересов субъективной или понимающей социологии и методы познания в этой области. Эти теории ввели понятие *интеракций* как формы непосредственного взаимодействия социальных агентов и концентрировались на их микроанализе путем интерпретативного понимания субъективных смыслов и значений, вкладываемых в такое взаимодействие.

Понятия, пришедшие из классических теорий социального действия:

- Действия социальных агентов
- Субъективные смыслы и значения
- Интерпретативное понимание
- Непосредственно наблюдаемое понимание
- Объяснительное понимание
- Интеракции как формы непосредственного взаимодействия социальных деятелей.

Более подробно и обстоятельно отдельные аспекты этого направления в социологии были разработаны в последующих теоретических разработках символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии. Представители этих направлений использовали работы классиков, но развили их и детализировали. Каждое из направлений имеет свою специфику в подходе к анализу социального взаимодействия применительно к индивиду.

Так, *символический интеракционизм* (Дж. Мид [100], Ю. Хабермас [89], Х. Блюмер [59]), взяв за основу взгляды Зиммеля, развил его идею об обществе как построенном на обмене жестами и символами. Это необходимо для обеспечения *коммуникативного взаимодей-*

ствия. Человеческое сообщество развивается прежде всего как коммуникативное сообщество (Ю. Хабермас).

Согласно этому подходу, интеракции осуществляются посредством языка, через обмен жестами, символами. Поэтому человеческое поведение как социальное не может быть понято лишь на основе фиксации внешних проявлений. Для его понимания необходимо познание внутреннего символического смысла, т. е. кода, воплощенного прежде всего в языке, понятном участникам взаимодействия, — раскрытие *значимых символов коммуникативного общения*. Использование коммуникативных символов предполагает, что все участники взаимодействия адекватно понимают этот условный язык и тем самым успешно общаются друг с другом. Благодаря значимым символам люди легче представляют последствия своего поведения с точки зрения других и легче адаптируются к их ожиданиям. Знаменитая теория наклеивания ярлыков или стереотипного восприятия другого берет начало в этих теоретических построениях. Она была сформулирована под влиянием символического интеракционизма в результате исследований Чикагской школы.

Суть ее состоит в том, что девиантное поведение не является таковым само по себе, но есть результат реакции со стороны «других», которые считают определенный тип поведения девиантным. Общество осуществляет это при помощи языковых символов: наклеивания ярлыков на тех, кто нарушает нормы. Как правило, привилегированные группы (белые, мужчины, старшие по возрасту и статусу) применяют такие ярлыки по отношению к противоположным группам. Ярлык формирует соответствующий статус, отделяя «заклейменных» от основной массы (нормального общества) и изолирует в тюрьмах или сумасшедших домах. В результате наклеивания ярлыков девиантность усугубляется, так как формирует у человека определенный образ самого себя, как бы заключенного в рамки соответствующих ожиданий со стороны других.

Изучение символического общения, поиск общих смыслов и символов коммуникативного процесса может стать предметом самостоятельного интереса исследовате-

Джорж Герберт Мид (1863—1931)

Родился в штате Массачусетс, США. Учился в Гарвардском университете, а также в Лейпциге и Берлине, где испытал сильное влияние Вильгельма Вундта. Хотя он никогда не имел ученой степени, преподавал социальную психологию в университете Чикаго с 1892г. до конца жизни. Здесь, в Чикагском университете, через Роберта Парка, бывшего студента Зиммеля, познакомился со взглядами Зиммеля, что оказало сильное влияние на его теоретические воззрения. Не имея формального статуса, Мид не опубликовал ни одной своей книги. Несмотря на это он имел большое влияние, и его лекции были собраны и опубликованы уже после его смерти. Его знаменитая книга «*Разум, самость и общество*» (Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist) была издана в 1984 г. Он считается основателем социально-психологического направления в социологии, которое получило название символический интеракционизм.

Источники: Социологический словарь [1, с.169]. Вотерс М. Современные социологические теории [121, с. 23].

ля-«качественника» при обращении к проблеме успешности функционирования данного сообщества как культурного феномена.

Важным теоретическим вкладом символического интеракционизма стала концепция *рефлексирующего индивида* как мыслящего и творческого агента, который ведет постоянный внутренний диалог и переосмысливает значения своего поведения. Вслед за Мидом интеракционисты разделяли два понятия самости: «я» и «меня» (me). «Я» есть думающий и действующий субъект, творец и инициатор. «Меня» есть рефлексирующий по поводу «я», размышляющий по поводу «себя» и «других» в иных ситуациях, иных местах и времени, как реальных, так и воображаемых. Это то зеркало, через которое я смотрю на себя и вижу себя глазами других. Общество влияет на индивида через это пассивное «меня», и, с другой стороны, личность в целом конструируется и реконструируется

через активность «я». В процессе внутреннего диалога между «я» и «меня» ожидания общества сталкиваются с индивидуальными чувствами и потребностями.

Гуманистическая социология, и особенно те ее области, которые ориентированы на индивида (история жизни, например), испытывают интерес именно к такому субъекту: рефлексизирующему, способному вести внутренний диалог с собой. Поэтому теоретическое представление об этих внутрилличностных процессах и является существенно важным для социологической практики.

Понятия, пришедшие из символического интеракционизма:

- Коммуникативное взаимодействие
- Язык как средство социальной коммуникации
- Значимые символы коммуникации
- Рефлексизирующий индивид
- Внутренний диалог рефлексизирующего индивида между «я» и «меня»

Драматургия социального мира. Особой и очень своеобразной фигурой, примыкающей к течению символического интеракционизма, в современной социологии можно считать Эрвина Гоффмана и его *драматургический подход*. Причислить его к этому направлению позволяет то, что и здесь центральной теоретической концепцией выступает концепция «я», разделяемое им на официальное «я», что соответствует определенной социальной ситуации и роли, и «я» творческое, которое исполняет или играет свою «роль» в драматургическом действе.

Э. Гоффман анализировал ту сторону социальной жизни, которая состоит из ситуативных, кратковременных контактов, другими словами, повседневность. Рассматривая такие контакты (encounters) метафорически, он сравнивал их с театром, где «партии» отдельных участников, возможно, и выглядят одинаково, но разыгрываются с разной степенью исполнительского мастерства.

Эту аналогию и ее составляющие мы уже рассматривали в главе I. Здесь остановимся более подробно на трех аспектах драматургического подхода, которые являются наиболее важными.

Во-первых, считает Гоффман, игра в расчете на зрителя, разыгрывание ролей друг перед другом определяет характер *коммуникации* в современном обществе. Актеры стремятся сыграть свои роли так, чтобы произвести наилучшее впечатление, а затем его сохранить. Например, начальство ждет от нас добросовестной работы, и во время визитов начальства мы старательно создаем впечатление усиленной работы. Этот процесс «создания впечатления» является центральным аргументом драматургического подхода.

Во-вторых, драматургический подход существенно расширил представление о палитре средств, используемых участниками коммуникативного процесса: от сугубо лингвистической коммуникации (которая была цент-

Эрвин Гоффман (1922—1982)

Родился в Канаде и учился в Торонто и Чикаго. Позднее получил профессорские должности в Беркли и Пенсильвании. Его часто рассматривают как символического интеракциониста, хотя сам он больше считал себя антропологом. Он хорошо известен своими работами, посвященными повседневности, и особенно повседневности отверженных слоев общества (больные психиатрических лечебниц, заключенные в тюрьмах), а также исследованиями социального взаимодействия. Наиболее известные книги «Представление себя в повседневной жизни» (1959), «Стигма» (1964), «Анализ рамок деятельности» (*Frame Analysis*, 1974). Внес вклад в разработку драматургического подхода к анализу социальных явлений и исследование социального взаимодействия в социологии повседневности (ситуативные контакты, собрания и малые группы, ритуалы).

Источники: Социологический словарь [1, с. 53]. Вотерс М. Современные социологические теории [121, с. 27].

ральным конструктом у предыдущих теоретиков) до включения в нее *языка тела, жестов, внешнего вида* (возраст, пол, раса, одежда, форма подачи себя), создание предметной среды, определение места действия и т. д. Все это человек использует для того, чтобы контролировать ситуацию и создавать видимость «хорошей игры» (даже если она не складывается). По драматургической терминологии, это создание «переднего плана» сценического действия, в котором важную роль играют три компонента: создание окружения (мебель, декор, например, полки с книгами и компьютер — в случае академической среды); внешний вид, который информирует о статусе; манеры, которые являются сигналами, определяющими в каком тоне надо вести разговор (например, интимном или официальном).

В-третьих, там, где есть «передний план», там есть и представление «за кулисами», где люди расслабляются, снимают свои маски и ведут себя естественно. Гоффман описывает ресторан, где официанты галантно подают кушанья, но на кухне их поведение и «подача себя» совсем другие. Их поведение меняется, как только они пересекают границы одного пространства и попадают в другое [87].

В современном обществе человеку приходится исполнять множество ролей, меняя одежды, маски для разных ситуаций и взаимодействий. Более того, официальные и «исполняемые» роли часто приходят в противоречие друг с другом. «Я»-творческое стремится сбросить маску «я»-официального и постоянно с переменным успехом протестует против запрета на свободу самовыражения.

Важным аспектом драматургического подхода служит так называемый анализ жизненного опыта в определенных «рамках» (frame analysis) или «драматургическая перспектива» при исследовании деятельности. Э. Гоффман полагал, что любая деятельность (а соответственно и весь жизненный опыт реальных людей) должна быть рассмотрена с точки зрения определенной перспективы, угла зре-

ния или «фокуса камеры», посредством которой ее рассматривают [26].

Каждая из перспектив обладает определенной организацией и своей иерархией, на каждом уровне имеют свои рамки, ограничивающие рассмотрение, и особые субъективные смыслы. Упрощенный пример: наш учебник находится в рамках «качественной социологии» и может быть рассмотрен в данной перспективе и ограничениях; он содержит рамку — «социология Гоффмана», которая в свою очередь имеет рамку «драматургия повседневности», и т. д.

«Рамка», или ограниченная перспектива восприятия ситуации, является основой структурирования множественных миров нашей жизнедеятельности и необходимым условием конструирования жизненного опыта. Выяснение «рамок» субъективного смысла, значения определенной ситуации в глазах действующего лица может быть отдельной исследовательской задачей. При этом, говоря словами Гоффмана, он концентрируется не на том, что фиксирует камера, а какова та камера, которая фотографирует действительность [26].

Понятия, пришедшие из драматургической социологии:

- Разведение социальной роли и ее исполнения
- Формы самопрезентации (формы «подачи себя»)
- Язык тела, жестов, внешнего вида как символической основы межличностной коммуникации
- Представление «на сцене» и «за кулисами»
- Рамки, или перспективы анализа.

Феноменологическая традиция восходит к философии М. Вебера, но больше к Э. Гуссерлю и А. Бергсону. В основном она обращается к сфере *повседневной жизни* людей. Это социология повседневности, изучающая смыслы и значения человеческого поведения применительно к повседневной практике и конструированию жизненного мира индивида.

Исходный постулат ее таков: социальные науки должны исследовать *жизненные опыты* и связанные с ними состояния сознания: процесс восприятия индивидом социальной реальности, смыслы и значения, который он придает этой реальности.

Исследователи обращаются к анализу жизненного опыта и поиску его общего универсального смысла. Жизненный опыт понимается как фактически прожитый, конструкция сознания, вобравшая в себя опыт как память, воображение и его значение без разделения на объективный и субъективный. Реальность может существовать как видимая, слышимая, ощущаемая. Люди придают ей определенный смысл, мысленно расщепляя и соотнося с определенными обобщенными категориями, и тогда они становятся *феноменами*, как, например, «машина», «рынок».

Феноменологов интересует сам *процесс* формирования феноменов: каким образом люди категоризируют социальную реальность и придают определенные значения и смыслы социальным явлениям, как вырабатываются общие смыслы и значения, и в какой степени они разделяются другими участниками взаимодействия.

В процессе познания значений индивидуального опыта исследователь отвергает все теоретические постулаты и предыдущий собственный опыт для открытого наблюдения за реальностью. При этом он основывается на интуиции, воображении и универсальном видении объекта (возвращение к натуральному языку науки времен Древней Греции).

Наиболее сильное влияние на развитие феноменологического подхода в социологии оказал *Альфред Шюц*.

Анализируя вслед за Вебером проблему значения, Шюц отвергает веберовское понимание его как *непосредственного* мотива действия. По словам А. Шюца, поступками человека управляют не непосредственные мотивы, но его *«жизненный мир»* в целом, как результат всего преды-

Альфред Шюц (1899—1959)

Родился в Вене, там же закончил университет. В 1939 г. эмигрировал в США, где позже, в 1943 г., получил должность в Новой школе социальных исследований. Большую часть жизни, до 1952 г., не имел стабильной научной должности и сочетал академическую деятельность с банковской службой. Его основная работа «Феноменология социального мира» была опубликована в 1932 г., однако ее английский перевод был издан только в 1967 г. В 1974 г. уже посмертно была издана его работа «Структуры жизненного мира» (Schutz A. Luckmann T., 1974). Шюц ставил перед собой три задачи: построение адекватной теории социального действия, основанной отчасти на критике М.Вебера; исследование организации жизненного мира; решение проблемы научного метода, направленного на познание повседневности.

Источники: Социологический словарь [1, с. 360], Вотерс М. Современные социологические теории [121, с.3 2].

душего опыта [47]. Поэтому для выяснения адекватности предполагаемых смыслов действия их надо расположить не в рамках типичного комплекса значений, как это предлагал Вебер, а в потоке прожитого жизненного опыта данного индивида [48]. Отрефлексированный взгляд человека на данный поведенческий акт, в котором как в линзе преломляется весь его прожитый опыт, и делает его значимым в глазах субъекта. Деятель как бы располагает данное действие в общем временном потоке своей жизнедеятельности и тем самым определяет его значимость.

Что придает действию ту или иную значимость? То, что человек постоянно категоризирует свой опыт в отдельные проекты и может отнести конкретное действие к тому или иному проекту своей жизненной активности. Такие проекты, как, например, «получение образования», придают определенный смысл конкретному действию «времяпровождение в библиотеке». Но если вставить это же действие в проект «выйти замуж», оно приобретет и совсем иной личностный смысл.

Теория жизненного мира: А. Шюц идет еще дальше: каждое действие должно рассматриваться в контексте всей *«биографически определенной ситуации»* субъекта, всего временного потока осознания им, с одной стороны, своего прошлого жизненного опыта и, с другой — в связи с будущим. Это и переживается в обыденном сознании как мотив.

С точки зрения деятеля, мотивы делятся на те, которые предшествуют действию, как бы исходят из прошлого опыта (мотивы «потому-что»), и те, которые проецируются на представление о будущем в результате совершенного действия (мотивы «для-того-чтобы»). Таким образом и возникает, по Шюцу, субъективное значение как понимание данного контекста действия в общей биографически-определенной ситуации.

Понимание мотивов другого человека становится, по Шюцу, основой первичного непосредственного социального контакта с «другим» или с «другими», базисом социально-культурного мира. По мере расширения контактов: от непосредственных до абстрактных (от соплеменников до современников) восприятие их мотивов типизируется, а мера специфичности понимания мотивов снижается. «Другие» теперь существуют для нас как сконструированные идеальные типы. Наши личные мотивы по отношению к ним тоже типизируются. Тем не менее эти типологизированные образы (включая предельно абстрактные типы предшественников, современников, последователей) и конструируют в целом наш *«жизненный мир»*.

Повседневная жизнь, или повседневность, понимается Шюцом как один из многообразных миров социального опыта в донаучном мышлении. Он отличается тем, что воспринимается индивидом как «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [48, с. 536], где окружающие объекты воспринимаются в их обыденно-типизированном виде [22].

Шюц задается вопросом, как люди, принадлежащие к другой «конечной области значения» — науке, могут понять и описать мир повседневности. Его ответ таков: исследователь наблюдает определенные факты и события социальной реальности, относящиеся к человеческому поведению, и конструирует *типические модели поведения*, включая мотивы, цели, личностные позиции — вариативные типы субъективного опыта для данной социальной ситуации [48, с. 538].

Затем он строит «*конструкции конструкций*». Это научные представления о типичных моделях поведения в реальной жизни; они надстраиваются над конструкциями первого уровня и поэтому называются «конструкции второго уровня». Это верифицированные по всем процедурным правилам идеально-типические конструкции, которые содержат гипотезы и могут быть проверены. Иными словами, исследователь упорядочивает типические модели и на их основе конструирует некие *идеальные модели типического деятеля*, приписывая им ряд типичных идей, намерений, целей. Такова, например, «модель производителя, действующего в условиях свободной конкуренции», или другая модель: «производитель, действующий в условиях монопольных ограничений».

Такие воображаемые типы («марионетки») взаимодействуют с другими, подобным же образом сконструированными марионетками. Их взаимодействия могут быть исследованы как идеальные «модели интеракций». Подобными идеальными конструкциями социолог населяет свою модель социального мира.

Все их мотивы, цели и роли распределены в этом мире как научные проблемы, которые могут быть изучены, основываясь на принципах логической последовательности и адекватности. Они не могут быть сконструированы произвольно, а должны быть проверены и верифицированы. Выполнение требования логической последовательности гарантирует объективную научность идеальных объектов, а выполнение требования адекватности гарантирует их совмес-

тимостью с повседневной жизнью — их узнаваемость на уровне обыденного сознания. [48, с. 540].

Отсюда следует, что «постулат субъективной интерпретации в социальных науках» не противоречит научным требованиям объективного знания, считает А.Шюц [47, с. 130]. Постулат о *субъективной интерпретации* в социологии только и означает, что все объяснения социального мира имеют своей составляющей субъективный аспект деятельности людей, из которых и берет начало социальная реальность [48, с. 538].

Научное познание должно быть направлено на то, чтобы понять как конструируется мир повседневности и его субъективные смыслы.

Понятия феноменологической социологии А. Шюца:

- Повседневность
- Познание социальных феноменов
- Универсальный смысл жизненного опыта
- Теория жизненного мира
- Типические модели поведения
- Конструирование идеальных моделей типического деятеля.

Типизация социального мира. В поисках ответа на вопрос, как из индивидуального начала образуются социальные структуры, феноменологи Бергер и Лукман выделяют первоначально три составляющих: субъект, наделенный субъективными смыслами, понятия «мы-группа» и «они-группа».

Как происходит процесс конструирования социальной реальности?

Привнося в каждую социальную ситуацию свои мотивы и модели поведения, субъекты привыкают к определенному виду действия (габитуализируют его), предполагая, что такой способ действий одобряется другими (П. Бергер и Т. Лукман [9]). Они начинают применять по отношению к таким ситуациям типические мотивы и способы действия. Это придает способу действия в первичной

«мы-группе» регулярный и повторяющийся характер, формирует модели поведения в рамках «мы-группы».

Но для того, чтобы стать достоянием других и постепенно институализировать определенные модели поведения, должны появиться «другие» («они-группа», третья сторона взаимодействия). В их глазах такие типичные модели поведения ассоциируются с определенным статусом того, кто их демонстрирует. Первичный социальный мир институализируется, становится достоянием других. Характеристики этих «других» социально и исторически обусловлены, поэтому они являются объективной составляющей, конструирующей социальную реальность. Как правило, такая типификация происходит в результате коммуникативного общения или в процессе социализации.

Например, если мужчина и женщина встречаются на необитаемом острове, они сами строят свои отношения, наделяя их субъективным смыслом. Однако их дети рождаются в мире, созданном их родителями: для них это нечто данное, закрепленное за ролями матери и отца. Это преобразует первичные отношения мужчины и женщины в отношения семейных ролей и ограничивает их социальным контролем со стороны детей. Так внутренний мир субъектов становится достоянием «других», он институционализируется, объективируется.

Понятия теории типизации социального мира:

- Конструирование социальной реальности
- Типизации социального действия
- Институализация социального мира
- «Мы-группа» и «они-группа».

Этнометодология (дословно: методы людей)¹ опирается на исследование смыслов (значений) поведения

¹ Термин пришел из этнологии, откуда заимствуется прием изучения примитивных этносов, язык и культура которых неизвестны, так как нет письменности, священных книг, поэтому их надо изучать особым способом.

путем эмпирического наблюдения за рутинной каждодневной практикой людей. В рамках этого подхода обычные люди рассматриваются как эксперты, более компетентные в области собственного повседневного опыта, чем кто-либо, включая профессиональных социологов. Данный подход к анализу называют также фольклорной социологией.

Отталкиваясь от воззрений А. Шюца о науке и повседневности, этнометодологи считают, что язык повествований о повседневности адекватно не переводим на язык рациональной науки. Поэтому социологу-практику для анализа повседневного опыта необходимо опираться не на специальные знания, а больше на здравый смысл, собственный опыт и категории обыденного знания.

Предметом непосредственного анализа считается, как и у Шюца, «рефлексирующий индивид». Однако, если Шюц методологически обосновывал перевод повседневности на язык науки, этнометодологи предлагают, образно говоря, перейти на язык повседневности: рассматривать текстовые источники как первичные и самоценные документы, которые должны анализироваться в их целостности без какого-либо вмешательства исследователя в текст — как не прерываемое искусственными способами естественное течение жизни повседневности.

В исследовании повседневности Г. Гарфинкель предложил два новых подхода. Первый — *анализ разговоров*, или *конверсационный анализ*, — предполагает исследование способов организации разговорного общения в разных средах и выделяет такие составляющие, как *индексность разговора* (indexical expressions — т. е. ситуационные смыслы, нюансы значений, придаваемые речевым конструктам в зависимости от контекста высказывания), а также *процесс интерпретации* как работа участников общения по расшифровке этих смыслов.

Особое внимание Г. Гарфинкель уделяет *непроговоренным, подразумеваемым и умолчанным* аспектам со-

циального взаимодействия. Отсюда его второй подход — использование *провокационной стратегии*. Она базируется на прерывании привычных форм взаимодействия для выяснения социального порядка, по поводу которого участники общения обычно не рефлексируют.

Г. Гарфинкель так излагает суть своей исследовательской стратегии:

«Я предпочитаю начать исследование со знакомства с обычными ситуациями протекания процесса и посмотреть, что можно сделать, чтобы нарушить его. Какие действия надо совершить, чтобы нарушить заведенный автоматический ход вещей в данном окружении; чтобы внести смятение; чтобы произвести социально спровоцированный эффект волнения, стыда, вины или раскаяния; чтобы начались дезорганизованные взаимодействия, которые бы рассказали нам что-то о том, как организованы и воспроизводятся структуры повседневной деятельности в обычном порядке, в процессе каждодневной рутины» [81, с. 37—38].

Реализуя такую провокационную стратегию, Г. Гарфинкель поставил со своими студентами эксперимент. Он просил студентов по приходу домой вести себя с родителями так, словно они являются квартирантами в собственном доме. Реакция была драматичной: сначала недоуменной, а потом враждебной. Привычный порядок взаимодействия был нарушен, что привело к потере общего подтекста разговора и утрате взаимопонимания.

В качестве примеров можно назвать и другие исследовательские ситуации: исследователи пытались переплатить за покупку в магазине; становились работниками социальной службы, которые на все вопросы своих клиентов отвечали только однозначное «да» или «нет». Несмотря на некоторую неэтичность, эти эксперименты дали важные результаты в раскрытии внутреннего порядка функционирования организаций [81].

Понятия этнометодологии:

- Язык повседневности
- Конверсационный анализ (анализ разговоров)
- Непроговоренные аспекты коммуникации
- Провокационная стратегия исследования.

Выводы:

- Описанные выше теоретические подходы выносят рассмотрение социальных структур (организаций, систем) за рамки своего интереса. Они концентрируются на другом полюсе социального взаимодействия — на индивиде и его субъективном мире — единственной реальности для теоретиков социального действия.
- Основополагающие аргументы такого подхода заложены в теориях Вебера и Зиммеля. Вебер сформулировал, что в фокусе субъективной социологии находятся мотивированные действия социальных агентов, которые могут быть поняты и интерпретированы путем проникновения в их субъективные смыслы. Однако такое понимание относилось у Вебера только к рациональным действиям, ориентированным на достижение определенных практических целей. Зиммель расширил и конкретизировал круг действий, подлежащих социологическому анализу, включив все формы непосредственного взаимодействия индивидов (интеракции). Задача социолога состоит в том, чтобы изучать такие ситуации в единстве формы и содержания и понять их.
- Символический интеракционизм, рассматривая социальное взаимодействие прежде всего как коммуникативный процесс, развил концепции языка, жестов, символов как основного поля для социологического анализа социального взаимодействия. Познавательный процесс с этой точки зрения состоит в раскрытии общих значимых символов коммуникативного процесса путем анализа языка, жестов, других символов, которыми оперируют рефлекслирующие индивиды.
- Драматургический подход существенно расширил понятие коммуникативного процесса, введя в него помимо лингвистических средств дополнительный набор

средств «презентации себя», используемых участниками взаимодействия (внешний вид, манеры, создание окружения, и т. д.) и тем самым подлежащих анализу. С точки зрения познавательного процесса, важным является введение понятия «рамок», или ограниченной перспективы рассмотрения, для адекватного понимания субъективных смыслов в конкретных ситуациях.

- Феноменологическая традиция и теоретические разработки А. Шюца позволили включить в поле социологического исследования повседневную жизнь и предшествующий опыт людей. Его понимание мотива как рефлексивного взгляда, основанного на всей биографически-определенной ситуации субъектов, и представление о жизненном мире включили в сферу социологического анализа индивидуальную жизнь как временную протяженность. Познавательная функция социологического знания, по мнению Шюца, состоит в интерпретации жизненного мира, поскольку только применяя такое видение и типификацию можно быть уверенными, что понимаем мотивы. Другая задача состоит в построении на основе социальной реальности идеальных моделей типического актора и типичных моделей социального взаимодействия.
- Последователи Шюца Бергер и Лукман, Гарфинкель развили его аргументы относительно повседневности, но в разных направлениях. Бергер и Лукман сфокусировались на процессе перехода от повседневности к сконструированному социальному миру. Гарфинкель же повседневность сделал центральным самостоятельным объектом рассмотрения и изучения, считая, что повседневность не подвластна познанию на основе рациональных выкладок научного знания, и предлагал перейти с языка научных концепций на обыденный язык для ее адекватного познания.

■ Итак, концепции и подходы, существующие в рамках теоретической социологии, позволяют сформулировать основные познавательные функции качественной социологии. Качественная социология — это микросоциология, направленная на познание субъективных значений человеческого поведения путем анализа конкретных ситуаций социального взаимодействия, ограниченных определенными рамками; она ориентирована преимущественно на коммуникативный аспект такого взаимодействия в процессе повседневного общения и рассматривает ситуации прежде всего с точки зрения самих участников общения. Анализируя интерактивную информацию (слова, жесты, разговорные символы), социолог осмысливает и интерпретирует особые формы локального социального существования людей; он обобщает свои наблюдения и переводит их на язык научных терминов для теоретической интерпретации общего социального смысла и механизмов функционирования данного аспекта социальной реальности.

Существуют разные теоретические подходы, которые акцентируют внимание на отдельных аспектах качественного исследования. При выборе своей теоретической ориентации социолог должен использовать концепции и терминологию, существующую в рамках данного подхода.

О тесной связи практики качественных исследований с теоретическими традициями субъективной или гуманистической социологии свидетельствует история отдельных научных школ.

Становление качественной парадигмы закономерно связывают прежде всего с Чикагской школой 20—30-х годов и именами У. Томаса и Ф. Знанецкого. В действительности эта школа представлена более широким кругом имен и интересов.

Чикагская школа 20—30-х годов. Чикагский университет в период между двумя мировыми войнами занимал ведущее положение в американской социологии и воспитал большое количество студентов, впоследствии ставших значимыми фигурами. Активной деятельности университета способствовало, с одной стороны, теоретическое влияние символического интеракционизма и гуманистической мысли, с другой — напряженная социальная ситуация самого Чикаго: быстро растущего города с рядом острых социальных проблем (миграция, приток переселенцев из других городов), требовавших нестандартных научных решений.

По словам Р. Парка, город был социальной лабораторией для применения новых методов и аспектов анализа. Предметом детального изучения стали различные территории города и отдельные группировки: районы пригорода, притоны, негритянские семьи, еврейские гетто, эмигрантские сообщества. Эти исследования первоначально относили к этнографической традиции. Однако интеракционистская ориентация социологов постепенно скорректировала их интересы в сторону проблем конструирования идентичностей, изучения социального взаимодействия, образа «я» своими глазами и с точки зрения других. Такой интерес подкреплялся также теоретическими работами самих представителей Чикагской школы: У. Томаса, Дж. Мида, Р. Парка, Х. Беккера.

По более позднему высказыванию Ф. Знанецкого, основным направлением практической деятельности Чикагской школы того времени можно считать построение моделей успешного поведения [4, с.53]. Они рассматривались на примере успешности адаптационного поведения мигрантов: как соотношение инновационного и традиционного аспектов деятельности; как проблемы маргинального поведения и т. д. Фокусом интереса исследователей были прежде всего взаимоотношения в группе, индивидуальное и групповое. Поэтому для их изучения использовались преимущественно качественные методы.

Характерным было рассмотрение проблем в рамках пространственных и временных ограничений (экосистемное исследование города Роберта Парка [4, с.71] или исследование психологии кризисного сознания), что также является чертой качественного метода.

Под руководством Р. Парка и Э. Берджеса на социологическом факультете в течение ряда лет издавались книги по методике изучения истории жизни, использованию дневников и писем (1923—1925), а также материалы научных дискуссий по методике интервьюирования (Э. Богардус, 1926 [61]).

О технике кейс-стади Э. Берджес писал, что этот метод для социологии имеет ту же ценность, что и микроскоп для биологии [63]. Позднее он отмечал, что не видит противоречия между применением статистики и кейс-стади в социологическом исследовании, считая, что оба метода должны иметь равное признание и быть равноправными средствами исследования для каждого социолога [70]. Он подтверждал это высказывание своей

Схема 2

Основные американские публикации 20-40 гг. о качественных исследованиях².

1920 г. Чапин Ф.С. Полевые работы и социальное исследование. Chapin F.S. Field Work and Social Research.	— Рассматривает основные типы полевого исследования (кейс-стади, выборочное исследование и статистику), одна глава посвящена кейс-стади.
1926 г. Богардус Э.С. Новое социальное исследование. Bogardus E.S. The New Social Research.	— Важный учебник по личным документам: обсуждаются проблемы личных дневников, писем, личного опыта; две главы обсуждают проблемы истории жизни и примеры их использования в работах Р. Парка.

²Таблица взята из книги К. Пламера [105].

- 1928 г. Палмер В.М. Полевые исследования в социологии: рабочая книга для студентов. Palmer V.M. Field Studies in Sociology: A Student's Manual. — Ранний чикагский учебник; рассматривает кейс-стади как основной метод и обсуждает его на протяжении всей книги.
- 1929 г. Ландберг Дж.А. Социальное исследование. G. A. Lundberg. Social Research. — В основном позитивистское издание. Содержит критику документов жизни; посвящает этому целую главу и противопоставляет статистическим методам.
- 1929 г. Смит Т.В., Уайт Л.Д. (ред.) Чикаго: Экспериментальное исследование в социальных науках. Smith T. V., White L. D. Chicago: An Experiment in Social Science Research. — Исследование традиций Чикагской школы 1923—1928 г.г. с описанием областей интереса и списком всех опубликованных работ. Относительно мало места отводится использованию личных документов.
- 1930 г. Кули Ч. Социологическая теория и социальное исследование. Cooley Ch. Sociological Theory and Social Research. — Коллекция статей, две из которых посвящены «исследованиям жизни».
- 1934 г. Знанецкий Ф. Метод социологии. Znaniecki F. The Method of Sociology. — Забытая классическая работа. В гл. 4 он рассматривает основные источники социологических данных; уделяет внимание проблеме личного опыта исследователя в процессе наблюдения. Анализирует разные виды личных документов, за основной принимая автобиографию.
- 1939 г. Янг П.В. Научные социальные обследования и исследовательская техника. Young P.V. Scientific Social Survey and Research. — Это первое издание учебника, которое стало главным для социальных наук на десятилетия. Содержит полное признание ведущей роли Томаса и Знанецкого в становлении качественного метода и главу о кейс-стади.

практикой, применяя оба подхода в своих проектах по семье, включавшем 1000 семейных пар.

Следуя призыву своих лидеров «покинуть кабинеты и выйти в поле», в этот период в Чикагском университете проводится ряд крупных исследований [105].

В области криминологии Клиффорд Шоу обсуждает проблемы кейс-стади (К.Шоу, 1927 [107]) и собирает вместе с Берджесом ряд историй жизни для своей известнейшей трилогии о Джеке Роллере: (*The Jack Roller*, 1966), «Естественная история карьеры преступника» (*The Natural History of a Delinquent Career*, 1931), «Братья-преступники» (*Brothers in Crime*, 1938) [108].

Многие издания Чикагского университета того времени построены на использовании личных документов: «Профессиональный вор» Э.Сатерлэнда (1927) [115] и «Самоубийство» Кэвена (1928) [67] построено на дневниках. Проект «Банда» Трашера (1926) использует фотографии, Зорбах в своем исследовании «Золотой берег и Slum» опирается на дневники наблюдения и т. д. [105, с. 42—44].

Один из студентов Э. Берджеса вспоминает, что Берджес начинал преподавание курса с задания написать небольшое эссе: почему вы избрали криминологию, почему заинтересовались проблемами семьи. Затем надо было сделать небольшое исследование — «Один день моей семьи», используя материал о своей собственной семье [66].

В неопубликованных материалах исследовательницы Дж. Платт содержится еще одно любопытное и показательное свидетельство ориентации Чикагского университета того времени. По воспоминаниям одного из бывших студентов, в те времена, когда он был аспирантом, в ежегодных соревнованиях по бейсболу были представлены две команды: сторонники кейс-стади и сторонники статистических методов [105, с. 45].

Методологический вклад Чикагской школы в развитие качественных исследований состоял в развитии трех основных представлений:

- Представление о жизни как конкретном опыте, полном субъективных переживаний и противоречий; как

жизни, имеющей конкретное тело и душу; жизни, основным наполнением которой является разрешение проблем.

- Реалистическое представление о течении индивидуальной жизни: не как о статической, единомоментной, а протяженной во времени, имеющей начало и конец, представление о жизни как потоке — то, что называется «потоком жизни».
- Понимание жизни маргиналов и отверженных как частного опыта, отличающегося от одобряемого и общепринятого; их голоса обычно не могут быть услышаны при использовании массовых статистических процедур.

Впоследствии, в 40-е годы, Чикагская школа распалась. Частично из-за того, что была подвергнута критике со стороны позитивизма, частично из-за того, что многие ее теоретики ушли со сцены.

Другим влиятельным центром формирования качественной методологии стала Франкфуртская школа в лице таких ее представителей, как Т. А. Адорно, Э. Фромм, А. Маслоу, Г. Маркузе и другие. Почти все ее представители были евреями, в годы нацистской Германии оказались в изгнании и работали в США. Институт социальных исследований вернулся во Франкфурт в 1949 году. В Америке представители Франкфуртской школы занимались эмпирическими исследованиями расизма и социальных предрасположений, результатом чего стала публикация «Авторитарной личности» Т. Адорно, изданная в 1950 году [1, с. 348].

Основные интересы исследователей заключались в критике позитивизма, развитии эпистемологии, идей психоанализа З. Фрейда и анализе культурных явлений. Главная их заслуга в области качественной методологии состояла в объединении психоаналитического и социально-психологического подхода. На практике это проявлялось как использование кейс-стади, проективных методов, метода клинического интервью в сочетании со стандартизированными методиками и использованием шкал.

Эмпирические проекты («Исследование авторитета семьи» и «Бегство от свободы» Э. Фромма, «Авторитарная личность» П. Адорно) стали исходным пунктом для построения концепций авторитарности и доминирования.

В последующие годы качественная социология подверглась активной критике со стороны позитивистов, что привело к ее постепенному вытеснению как направления в социологии. Многие исследователи того периода предпочитали точную операционализацию понятий и подчеркивали значимость количественных данных и их технической обработки для познания социальных явлений и проблем социальной структуры.

Возрождение качественных методов началось в конце 60-х годов и связывается с возросшей гуманистической ориентацией общественной жизни после знаменитой молодежной революции 60-х и приходом нового поколения исследователей.

В настоящее время качественная ориентация в социологии превратилась в широкое международное движение и распространена во многих странах мира.

В Англии, например, центр ее развития связан с именем университета Эссекс и главой факультета социологии Полом Томпсоном, который будучи историком по образованию, в настоящее время активно работает также в области социологии. Сфера его интересов — проблемы семьи и трансмиссии семейного капитала; социальной мобильности; распад традиционных сообществ [43, 57].

Во Франции активно работает Даниель Берто, который совместно с Полом Томпсоном провел многолетнее межкультурное исследование во Франции и Англии по проблемам индивидуальной и семейной социальной мобильности [10, 57]. Там же проводятся исследования по трансмиссии семейного капитала в семьях (И. Виам-Берто [10], А. Мюссель и другие).

В США наиболее известным центром качественной методологии стал Колумбийский университет (Нью-

Йорк). В архиве отделения устной истории содержится 20000 единиц хранения человеческих документов простых и выдающихся людей Америки, рассказывающих о своем жизненном пути и социальной истории Соединенных Штатов [76].

Богатые традиции в развитии психоаналитического направления в Германии. Они развиваются и сейчас в рамках двух основных центров: Франкфуртского университета им. Гете и Берлинского технологического университета. Тематика их исследований в основном связана с отдаленными последствиями нацистского прошлого в памяти людей и их сегодняшней жизни, а также с методологическими проблемами качественной парадигмы в ситуации постмодернистского общества [78, 94].

В России качественная методология начала активно развиваться с начала 90-х годов на волне общего поворота к гуманизации общественных наук и изучению «человеческого измерения» общественной жизни. Практические исследования по технике истории жизни начаты в Институте социологии РАН в 1990 году М. Малышевой, Е. Мещеркиной и В. Семеновой в рамках российско-французского проекта «Век социальной мобильности в России» (руководители Д. Берто (Франция) и В. Семенова).

В настоящее время существует несколько научных центров, которые ведут наиболее активную исследовательскую и издательскую деятельность в этой области: Московский гендерный центр (М. Малышева, В. Константинова, Т. Клименкова) [30], Институт социологии РАН (Е. Мещеркина, В. Семенова) [6,38], Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (В. Воронков, Е. Здравомыслова) [11].

Выводы:

- Как продолжение теоретического обсуждения проблем качественного метода, начатого в предыдущих пара-

графах, данный раздел наглядно демонстрирует тесную связь между теоретической позицией исследователя и его практической деятельностью, характерную для данной методологии.

- Опыт Чикагской школы, а также других научных школ демонстрирует, что развитие гуманистической социологии как теоретической традиции неотделимо от практики: нестандартные социальные проблемы, требующие поискового подхода, стимулируют развитие теоретических школ, а практика обогащается за счет расширения набора методов.
- Поэтому знание теоретических конструкций и понятий необходимо каждому социологу, который собирается работать в этой традиции.

Вопросы для обсуждения:

- Почему, на Ваш взгляд, теории символического интеракционизма становятся все более популярными в последние десятилетия?
- Как согласно теориям символического интеракционизма и феноменологии мир субъективного становится социальной реальностью?
- Какие теоретические положения являются, на Ваш взгляд, наиболее значимыми для практики проведения качественного исследования?
- В чем Вы видите связь между конкретной социально-исторической ситуацией и всплеском или затуханием интереса к данной методологии? (Пример Чикагской школы, Франкфуртской школы и сегодняшняя ситуация в России.)

Рекомендуемая литература:

- О понимающей социологии: *Ионин Л.* Понимающая социология. Исторический и критический анализ.

- О символическом интеракционизме: *Бергер П., Лукман Г.* Социальное конструирование реальности; *Кравченко Е.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства.
- О феноменологии и социологии повседневности: *Шюц А.* Структура повседневного мышления; *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках; *Ионин Л.* К антропологии повседневности; *Ярская—Смирнова Е.* Социокультурный анализ нетипичности.
- О традициях Чикагской школы: *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки; *Барзгова У.* Американская традиция: история и современность.

III

КЛАССИФИКАЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

Данная глава посвящена описанию многообразия качественных исследований. В настоящее время их типология по разным основаниям достигает нескольких десятков. Поэтому исследователи-качественники пытаются ввести какую-то классификацию, описывающую сходства и различия подходов. Тем не менее, сегодня не существует единой системы, с которой согласилось бы большинство.

Подобная классификация может быть выстроена по критерию фокуса исследовательского интереса, принципу сбора данных или же по преимущественному использованию техники в одной из социальных дисциплин. В данной главе мы рассмотрим многообразие практического применения качественных методов с двух позиций: с точки зрения способа подхода к данным как разнообразие применяемых тактик и инструментов (КАК исследовать) и с точки зрения сфер применения (ЧТО исследовать).

ТАКТИКИ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По тактикам качественного исследования нам кажется наиболее плодотворной комплексная классификация, предложенная Дж. Кресуэлом³ [69]. Он сгруппиро-

³ Джон Кресуэл, профессор, преподаватель университета в штате Небраска, в течение нескольких лет преподает студентам курс качественных методов. Его последний учебник по качественным методам «Qualitative Inquiry and Research Design» вышел в 1998 году в издательстве Sage. На его богатый опыт преподавания и последнее издание учебника мы в дальнейшем будем неоднократно ссылаться.

вал тактики, основываясь на различиях в фокусе интереса исследователя, системности данного подхода, а также степени освещения его в научной литературе. Кресуэл выделяет следующие наиболее распространенные тактики: кейс-стади, этнографическое исследование, история жизни, феноменологическое исследование, grounded theory. К этому перечню мы добавили еще две: устная история и история семьи. Последние хотя и не имеют достаточного освещения в социологической литературе, однако активно используются в практике и имеют особый фокус интереса.

*Исследование отдельной общности — кейс-стади (case study)*⁴ — традиционная тактика качественного исследования для изучения уникального объекта в совокупности его взаимосвязей. Таким объектом прежде всего может быть замкнутая общность, труднодоступная для изучения другими методами: «дно» общества (преступные группировки, бомжи, нищие), социальные элиты, религиозные секты. Объектом изучения может быть и трудовое сообщество: например, производственная или учебная группа. Объект интереса в кейс-стади имеет четко очерченные границы в социальном пространстве: узкий коллектив — бригада или завод в целом. Определяются также временные границы изучаемого объекта, совпадающие со временем проведения исследования: например, шесть месяцев, один год и т. д.

Для более глубокого изучения ситуации одновременно применяют разноплановые источники информации и интенсивные методы: включенное наблюдение, глубинные интервью, изучение официальных и неформальных документов. Общая схема такого исследования состоит в определении проблемы, контекста ситуации;

⁴ В нашей литературе англоязычный термин case study стал общепринятым. Дословный перевод: «исследование случая». Возможно, термин пришел из судебной практики, юриспруденции, где кейс — данное судебное разбирательство.

вопросов, подлежащих изучению; формулировке выводов по принципу «какие уроки можно извлечь из данного случая». Такие результаты имеют прежде всего практическую направленность и являются значимыми для всех объектов, находящихся в сходной ситуации.

В тактике кейс-стади исследователи на протяжении длительного времени становятся участниками повседневной жизни данной группы, изучают систему взаимоотношений, значимость определенных событий [2].

Так, А. Н. Алексеев в течение восьми лет (1980—1988 гг.) проводил исследование на Ленинградском заводе полиграфических машин. Его интересовали социальные нормы производственной организации (отношение к инновациям), личностная адаптация к новым социальным условиям (эксперимент на самом себе), а также отражение социального контекста жизни тех лет — «доперестроечного» и «перестроечного» периода — на жизни одного конкретного производственного организма (под углом зрения: ожидаете ли вы перемен?). Автор исследования на эти восемь лет сменил профессию социолога и стал включенным участником производственного коллектива, что дало возможность собрать глубинный материал о всех сторонах жизни, вести дневник наблюдений за своими собственными переживаниями в новом качестве, а также изнутри фиксировать все столкновения и конфликты. Ценность этого исследования состоит в том, что помимо описания производственных отношений как кейс-стади, проведенного автором, его можно рассматривать и как описание «случая самого Алексеева». Разнородные документы о разных сторонах жизни его как индивида (от интимных до документов официальных разборок с представителями номенклатуры) могут служить документальной основой для анализа личностной динамики уникального человеческого характера в особых обстоятельствах (социолог-рабочий, пытавшийся в застойные годы активно противодействовать социальной среде).

Длительное «погружение» в поле своего исследования дает возможность всесторонне рассмотреть «случай» в единстве его взаимосвязей и динамике развития, понять групповые нормы и ценности, структуру ролей, систему властных отношений в процессе *повседневного*

обычного функционирования конкретного социального организма. Фокус направлен не только на наблюдаемые отношения и процессы, но, в первую очередь, на выявление их скрытого подтекста, субъективных значений. В данном случае А. Н. Алексеев пошел по пути детального описания событий и действующих лиц конкретного коллектива на фоне широкого *социально-исторического контекста* и описал столкновение привычных традиционных форм производственных отношений с инновационными процессами. Изменяющийся общесоциальный контекст оказал основное влияние на участников и состояние конкретного предприятия.

В центре внимания кейс-стади может быть и более сконцентрированное, хронологически-детальное описание развития одного *экстремального* события в жизни сообщества и его последствий. В настоящее время отечественные исследователи часто используют кейс-стади для изучения процесса развития рабочих движений протеста [24].

Примером событийного кейс-стади может служить исследование К. Асмуссен и Дж. Кресуэла «Реакция университета на выстрел студента» [69]. После инцидента со студентом, открывшим огонь по своим сокурсникам в студенческой аудитории, исследователи задались вопросом, каковы должны быть ответные действия администрации и окружающих в подобном случае; что нужно, чтобы предотвратить повторение таких инцидентов или хотя бы свести ущерб к минимуму, избежать паники среди студентов. Ограничив рамки кейс-стади только студенческим городком, они детально исследовали реакции всех участников инцидента: университетской общественности, преподавателей и администрации, а также представителей охраны и студенческой прессы. Были выявлены несколько видов стратегий реакции на инцидент (от страха, стремления спастись до любопытства и равнодушия), проанализированы различные виды отдаленной реакции (стресс, психологические проблемы, усиление расовой агрессивности). Результатом исследования стала разработка конкретных рекомендаций для администрации в случае возникновения схожей нестабильной ситуации, а также более обобщенные рекомендации для подобных ситуаций в других, сходных университетских городках.

Предметом изучения в кейс-стади могут быть и социально-психологические особенности отдельной личности, представляющей самостоятельный интерес как «клинический» случай. Классический пример — «Письма Дженни» Дж. Олпорта [51]. В данном случае автор, опираясь на изучение писем стареющей женщины к друзьям своего сына, проанализировал специфически-личностные изменения в ее внутреннем мире, личные кризисы, реконструировал ее жизненный путь и смену идентичностей.

Как правило, проблема сравнения, сопоставления с другими «случаями» является второстепенной по сравнению с изучением структуры данного уникального объекта. Количество сравниваемых объектов не должно превышать трех-четырёх случаев. Источниками информации для анализа служат в основном результаты, полученные разноплановыми методами интенсивного изучения ситуации: наблюдения, включенные наблюдения, фотографии, фокусированные или экспертные интервью, архивные материалы, а в последнее время и видеоматериалы. Исследователь описывает «случай» обычно в хронологической последовательности основных событий, в дальнейшем концентрируясь на более детальном описании наиболее важных. При использовании нескольких «случаев» они описываются последовательно. Первоначально анализируется ситуация каждого случая, а потом уже производится перекрестный анализ кейсов.

Итак, специфика кейс-стади состоит в глубинном изучении своеобразия, уникальности объекта, выводы о результатах наблюдения чаще носят локальный, прикладной характер и направлены на выработку рекомендаций к действиям.

- Исследователь первоначально четко определяет границы своего случая. Конкретно же все зависит от авторских задач: будет ли это одна проблема; несколько проблем в рамках одного случая; несколько случаев.

- Выбор временных границ случая для рассмотрения процессов, событий — вторая задача в кейс-стади. Однако четко определить временные рамки начала-конца процесса удается не всегда и тогда они устанавливаются хотя бы условно.
- Выбор в качестве объекта данного конкретного случая зависит от того, насколько он соответствует общим исследовательским целям, в какой степени отражает весь комплекс поставленных задач. Конечно, хорошо бы иметь случай, который дает возможность рассмотреть проблему с разных точек зрения, но можно выбрать и самый типичный или, наоборот, самый экстремальный.
- Очень важна глубина рассмотрения случая. Хорошо бы уже на этапе планирования составить условную матрицу и определить, какова будет глубина информации о тех или иных характеристиках «случая».
- Длительное погружение в поле и одновременное использование разных методов сбора информации обеспечивает понимание глубинных смыслов, подтекста социальных отношений в узких границах данного случая.
- Использование более 3—4 случаев для сравнительного анализа может привести к потере глубины и увеличивает опасность неадекватной интерпретации каждого из них.

Этнографическое исследование как правило имеет описательный характер и представляет собой всесторонний анализ каждодневной коллективной практики определенной общности с точки зрения ее *культуры* (нормы, традиции, ценности, язык, мифы), отличающейся по стилю и образцам поведения от основной массы населения. Эта тактика пришла из культурной антропологии, где применялась для сравнительного анализа примитивных или традиционных культур (Б. Малиновский [99], М. Мид [55]). В настоящее время понимание этнографи-

ческого исследования существенно расширилось и включает изучение культурных образцов и символов не только национального, но и любого социального сообщества, например производственного [35].

В отечественном опыте примером такого этнографического подхода может служить российско-британское исследование русского крестьянства, проводимое под руководством Т. Шанина [46]. Этнографически-описательный характер выстраивает всю логику проекта. Каждодневная практика крестьянской жизни описывается почти дословно, в словах и образах самих крестьян как представителей данной культуры. Наблюдение за каждодневной практикой крестьянской жизни, глубинные интервью с ними демонстрируют, что повседневная культура русских крестьян на протяжении десятилетий оставалась фактически неизвестной и закрытой областью как для исследователей, так и для широкой общественности.

В случае этнографического подхода исследовательская задача состоит в представлении *нового знания об этой культуре*. Как и в любом культурологическом исследовании цель состоит в том, чтобы представить публике нормы и образцы поведения данной общности «глазами чужого», так, чтобы любому незнакомому с данной средой стали понятны «правила игры» и традиции, принятые в данной культуре. Источниками информации в таком исследовании могут быть письма, личные документы, фотографии, образцы фольклора, а также групповые интервью.

По аналогии с экспедициями в культурной антропологии непосредственный контакт с объектом носит название полевых работ и предусматривает интенсивное общение в естественной обстановке с представителями данного сообщества. Тактика состоит в первоначальном поиске «посредников» для вхождения в незнакомую среду, а затем в поиске «ключевых фигур», обладающих наиболее полной информацией о традициях группы.

Итак, этнографическое исследование является прежде всего *культурологическим* описательным исследованием определенного сообщества, обладающего культурным своеобразием или собственной субкультурой.

- Оно предусматривает длительное интенсивное включенное наблюдение за группой с ориентацией прежде всего на ее традиции, нормы, образцы поведения, культурные символы.
- В случае ориентации на такое исследование необходимо заранее познакомиться с основными понятиями и концепциями социологии культуры.
- Тактика полевых работ состоит в первоначальном поиске посредников, способных ввести исследователя в группу, сообщество, а затем помочь войти в контакт с «ключевыми фигурами», хранителями знаний о традициях данного сообщества.
- Описания в этнографических исследованиях, с одной стороны, должны отражать специфику данной культуры, т. е. быть максимально приближены к живой речи ее представителей, с другой — быть понятны широкой публике. Исследователь играет роль посредника между аудиторией и данной общностью.
- Результат этнографического исследования — новое знание как многосторонний социально-культурный портрет группы или индивида. Он включает описание «смыслов» действий, высказываний как с точки зрения представителей данной культуры, так и с позиции аналитика.

Историческое исследование, или устная история (oral history), обычно описывает субъективный опыт переживания исторических событий. Интерес может быть направлен на изучение истории становления локальных сообществ (движений, организаций; населенного пункта) или описание опыта переживания крупного исторического процесса или события (войны, революции, репрессий, катастрофы).

Аспектом анализа являются прежде всего проблемы, связанные с социальной историей или психоисторией (последняя еще не получила достаточного развития в нашей стране). Вот как обосновывает свой интерес к устной истории один из крупнейших социальных историков Пол Томпсон:

«Только совсем недавно обращение к личным документам прошлого стало достоянием широкой науки. Использование таких документов позволяют узнавать, как люди жили в прошлые времена: каково было мироощущение ребенка, как молодые люди встречались и влюблялись, как они жили вместе как муж и жена; как искали и находили работу или меняли место работы, что думали по поводу своей работы; как они относились к работодателям и сослуживцам; как выживали, когда оставались без работы; как классовое сознание варьировалось в городе, на селе, в разных профессиональных группах. Ни на один из этих вопросов мы не получили бы ответа из традиционных исторических источников» [118, с.78].

В российской практике примером исторического исследования может служить проект М. Рожанского, который на примере Усть-Илимска проследил, как складывалась история нового города — «города без прошлого»: как формировалась его культурная среда, как из мироощущения мигрантов-маргиналов рождалась новая самоценная культура [36].

Новые сибирские города рождались как монопоселения, плотно связанные с градообразующим предприятием, и затем уже приобретали или не приобретали статус города. Что делает моноград городом? Смогут ли выжить такие города в современных кризисных условиях при разрушении градообразующих предприятий? Обращаясь к истории города, автор опирается как на официальные документы истории города, так и на устную историю — биографии его жителей как источник, повествующий о становлении культурной среды, неких общинных норм самоценной культуры, отслеживающий процесс вхождения культурных лидеров во властную элиту.

В ходе своего исследования автор выходит на две проблемы: первая — противостояние идейной государственной монокультуры и культурно-антропологического разнообразия реги-

онов России. На примере Усть-Илимска М. Рожанский отслеживает процесс формирования культурного мира города: как из мигрантов, в основном маргиналов, происходило становление самостоятельного сообщества, независимого от центральных установлений. Оно формировалось на основе сложившегося здесь особого соотношения индивидуального и коллективного, на основе традиций, прижившихся в данном монопоселении, своеобразной антропологии власти.

Вторая проблема — формирование в городах органической целостности, культурного единства, отличного от производственного принципа организации. В Сибири, считает автор, эта проблема обнаружила себя наиболее ярко как формирование неисторических культур, ориентированных на экологическое равновесие и единение с природой. В кризисное время многих устьилимчан спасает прочная связь с природой, которой нет как дискурса в наследии северных и южносибирских культур, но что явно присутствует в культуре русской сибирской деревни.

Историческое исследование может быть предпринято и в случаях, если отсутствует достаточная документальная информация об историческом событии общенационального масштаба. Например, сведения о раскулачивании крестьян в 20—30-е годы, о сталинских репрессиях, о жизни кубанского казачества, эпизодах Великой Отечественной войны. Такого рода поиски проводились обществом «Мемориал» и учеными Российского Государственного Гуманитарного Университета (РГГУ), петербургским отделением Института социологии РАН, где создан Биографический фонд. Сейчас в нем около 200 жизнеописаний [15]. Он представляет собой «устный архив»⁵, где записаны на пленку рассказы людей о времени сталинских репрессий, голоде на Украине и жизни советских людей в зонах оккупации во время Отечественной войны.

⁵ Использование архивов устной истории является одним из источников информации в историческом исследовании. Такие архивы стали неотъемлемой частью исследовательской практики во многих странах, вплоть до создания общенациональных коллекций, например, в Великобритании и США. Каждый исследователь, начиная свой исторический проект, может воспользоваться этими данными в научных целях [76, 56].

Особенность данного направления — отношение к информанту как очевидцу исторических событий. Поэтому с точки зрения тактики важно, что исследователь изучает прежде всего *воспоминания индивида* о событиях прошлого, рассматривая их как субъективное свидетельство о прошлом. Исходя из этого центральными задачами являются проблемы искренности информанта, адекватности его воспоминаний, возможности его памяти.

Необходимым дополнением является тщательный анализ *социально-исторического контекста*⁶ события по различным официальным документальным источникам.

Источниками информации в исторических исследованиях обычно служат как письменные источники: мемуары, дневники, письма, так и устные — интервью. Для фонового анализа общего социального контекста необходим всесторонний анализ имеющихся официальных исторических свидетельств.

Основные принципы устной истории как исследовательской тактики:

- Предварительное ознакомление с имеющимися официальными источниками информации по проблеме и данному историческому периоду.
- Ограничение исследования относительно узкой проблемной областью и временными рамками.
- Отбор информантов должен точно соответствовать проблеме и цели исследования.
- Информанты должны освещать одни и те же аспекты исторического события, поэтому перечень вопросов достаточно структурирован.

⁶ Интересным примером является сравнительное исследование Яном Котцы опыта политзаключенных в разных странах — Южной Африке, Чехии и России — и роли социально-культурного контекста при интерпретации таких воспоминаний в настоящее время. Автор полагает, что национальные различия в субъективном отношении к существующему в настоящее время политическому режиму — социально-историческому контексту каждой страны — предопределили различия в эмоциональной окраске этих воспоминаний [71].

- Рассматриваются и анализируются противоречия в высказываниях разных очевидцев или участников события.
- Свидетельства информантов по основным параметрам сравниваются с уже имеющимися документальными свидетельствами.

История жизни, или биографический метод, является изучением индивидуального пути и жизненного опыта на разных стадиях (от детства к взрослению и старению). Это, пожалуй, одна из самых распространенных тактик качественного исследования. Истории жизни используются во многих социально-гуманитарных науках, там, где центром интереса является индивидуальное.

Классические примеры использования этой тактики описывают жизненные практики людей, оказавшихся в нетипичной или уникальной социальной ситуации: история гермафродита (Гарфинкель, 1967 [81]), влюбленной женщины (Шварц и Мертен, 1980 [106]), потребитель героина, окончивший жизнь самоубийством (Хьюс, 1961 [93]), французский убийца-маньяк XIX века (Фуко, 1978 [79]).

Но это может быть и типичная, среднестатистическая история жизни человека. Жизненная история польского эмигранта Владека Висневского (его детство в польской деревне, вступление в трудовую жизнь булочником, его эмиграция в Германию в поисках работы и наконец приезд в Чикаго и мытарства там) легли в основу уже упоминавшегося исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого [117] о польских крестьянах.

По объекту интереса это может быть история жизни великого или выдающегося человека; индивида, достигшего большого жизненного успеха, или история жизни обычного среднего человека. Исключительно редки автобиографические исследования.

Основной метод получения информации — биографическое интервью или длительные диалоговые беседы с человеком. Используются также разнообразные докумен-

тальные источники: от школьного сочинения, написанного на конкурс, до мемуаров — весь набор документальных источников, которые К. Пламер называет «документами жизни» [105]. Их общее свойство в том, что индивид повествует об общем течении, всей истории жизни своими словами. Лучше, если такой рассказ дополнен также свидетельствами других людей из его окружения (близких, родственников), личными письмами или фотографиями.

Н. Денцин [73] выделяет два подхода к истории жизни: первый, так называемый *классический*, где исследователь использует биографический материал как иллюстративную основу для собственных теорий и концепций. Материал представлен в видении и под углом зрения самого исследователя. Именно он создает *историю* жизни, анализируя ее с точки зрения культурных представлений общества, жизнедеятельности отдельных социальных институтов или социальной истории в целом.

Второй подход, *интерпретативный*, предполагает, что рассказанная биография собственно биографией является только частично: она содержит не просто факты и вымыслы о своей жизни, но призвана создать некий «образ себя». «Мы создаем людей, о которых мы пишем, так же как они творят самих себя, когда рассказывают о своей жизни», — пишет Денцин [73]. В таком подходе биографическое повествование как своего рода «сценическое представление» (метафора Э. Гоффмана), рассматривается как некая демонстрация себя — я такой-то. В этом случае интерес исследователя направлен скорее на сам *способ* «конструирования» биографии для выявления социальной идентичности рассказчика (анализируются способы «построения» идентичностей и их изменения).

Создавая такую интерпретированную историю жизни, исследователь должен последовательно пройти следующие этапы:

- Начать с фиксации элементов объективного опыта, обозначая этапы жизненных циклов и событий, которые для простоты можно выстроить в хронологической последовательности.
- Затем собрать более детальную информацию о контексте наиболее важных событий и сформировать таким образом набор отдельных *историй*.
- Истории, касающиеся отдельных событий жизни, организовать вокруг более общих тем и выстроить в эпизоды индивидуальной жизни.
- Исследователь фокусируется на раскрытии смысла отдельных историй для жизни индивида в целом; обращается к информанту за дополнительными объяснениями в поисках разных аспектов этих смыслов.
- В поисках смыслов он обращается также к дополнительным источникам — анализу социально-исторического контекста, отношений в непосредственном окружении — и, в конце концов, предлагает *свою* общую интерпретацию жизненного опыта данного индивида как целостного «произведения».

Такая интерпретированная история жизни наиболее близка к *феноменологической* теоретической традиции. Она ориентируется на поиск общего смысла, значения жизненного опыта индивида или индивидов. При этом жизненный опыт рассматривается безотносительно к реальным фактам жизни, а строится его общая картина, основываясь на воображении и интуиции исследователя. Из значения опыта одного индивида строится его общее универсальное значение для всех, кто имел аналогичный прожитый опыт. При этом предполагается, что такой смысл действительно есть, и он исследуется как определенный социальный *феномен*.

Индивидуальная история жизни может стать основой и при изучении способов «проживания» жизненных событий: индивидуальных кризисов, поворотных моментов в биографическом пути, социально-исторической ситуации.

Биографические повествования могут стать предметом анализа и в своей совокупности — как *коллективный* опыт «проживания» определенной социальной ситуации. Сравнительный анализ большого числа аналогичных случаев (примерно от 5 до 25) становится основой для описания социальной проблемы, которая вырисовывается за сходными обстоятельствами и действиями — общей социальной практикой людей. Такой методологический подход позволяет типологизировать жизненные стратегии в сходных ситуациях, конструировать «образцы» (т. е. нормы) поведения или типы культурных ориентаций, стилей жизни.⁷ В данном случае проблема *сравнительного* анализа историй жизни или отдельных эпизодов становится центральной задачей с целью построения типологии индивидуального поведения.

Источниками информации в этом случае служат некоторая совокупность историй жизни (как основная база), а также официальные и неофициальные документы, социальная статистика, архивы, данные опросов общественного мнения, описывающие социальный контекст коллективной практики.

Итак, история жизни есть способ анализа, который концентрируется на индивиде или индивидах, их опыте проживания жизни и отражении в нем социально-культурных процессов. Эта тактика предусматривает досконально полную информацию о всей протяженности жизненного пути и субъективных переживаниях человека.

- Исследователь должен иметь точное представление об историческом и социальном контексте, соответствующем

⁷ Мы применили этот подход в исследовании жизненных стратегий молодых «интеллектуалов». На основе анализа 30 биографий были реконструированы типичные черты их современного стиля жизни и типология таких стилей в зависимости от ценностных ожиданий [38]. Аналогично Е. Мещеркина на основании анализа коллекции биографий выделила доминантные типы мужской идентичности в современной России и сдвиги в этой области (возвращение к патриархальному типу «добытчика») [33].

щем жизни, чтобы представить себе ее в социальном качестве.

- Необходимо точно определить ключевые моменты жизненного пути, которые анализируются тематически как эпизоды, имеющие скрытый смысл и представляющие аспект жизненного опыта в целом. Исходя из этого возможна интерпретация и объяснение общего смысла данного опыта.
- Используя интерпретативный подход, исследователь концентрируется непосредственно на поиске таких смыслов, используя дополнительную информацию от индивида и свой научный опыт.
- В случае изучения нескольких историй жизни и их сравнительного анализа необходимо: а) первоначально выделить отдельные эпизоды, подлежащие сравнению; б) проанализировать их в контексте данной жизни; в) перейти к перекрестному анализу с биографическими данными других людей.

История семьи. Эта тактика фокусируется на истории семьи как локального сообщества на протяжении поколений. Семья рассматривается как относительно устойчивая малая группа, взятая в исторической перспективе, которая в каждом поколении членится и перестраивается, что не исключает ее «непрерывности» как социального феномена. Анализируются процессы социальной и территориальной мобильности членов семьи в длительной динамике нескольких поколений, преемственность или изменение ее социального статуса, передача «культурного капитала» семьи и трансформации ценностей.

Так, петербургские социологи В. Воронков и Е. Чикадзе изучали, каким образом в период 20—30-х годов происходила утрата культурно-национальной идентичности евреев и формировалась их советская идентичность. Первоначально они проанализировали индивидуальные биографические повествования 50 респондентов из еврейских семей, акцентируя внимание на развитии этнической идентичности. Параллельно изучались изменения в социально-историческом контексте «отношения к евреям». За-

тем сравнивались рассказы о жизни пожилых и молодых людей, представителей разных поколений семьи. Исследователи обнаружили существенные различия в процессах формирования национальной идентичности в разные исторические периоды советской истории. Коротко они сформулировали этот процесс следующими словами: евреи, приехавшие в Ленинград в 20—30-е годы, постепенно становились русскими, чтобы впоследствии их внуки из русских-советских опять превратились в евреев в эпоху разрушения советской идентичности [14].

Источниками информации здесь служат семейные архивы, глубинные интервью с представителями разных поколений, генеалогические графы.

Итак, история семьи концентрируется на семье как малой социальной группе, существующей на протяжении поколений в рамках определенного изменяющегося социального контекста.

- Исследователь собирает информацию об истории и современной жизни семьи от нескольких представителей данной семейной группы, желательно представителей разных поколений.
- Анализ проходит в два этапа. Первоначально анализируются отдельные рассказы людей по тактике истории жизни, а затем анализируется история семьи в целом. При этом учитываются сведения разных членов для поиска противоречий и несоответствий в их рассказах.
- Существенно важным является точное представление не только о социальном контексте жизни семьи в целом, но и информация о региональных особенностях того района, где жила семья.
- Хорошим дополнением к полученной информации служит генеалогический граф о широкой сети родственных связей на протяжении нескольких поколений с указанием годов жизни, места жительства, профессии и т. д.

Восхождение к теории, или grounded theory, как тактику обычно связывают с именами Б. Глейзера и

А. Страуса и созданной ими в конце 60-х годов теорией [84, 113, 114]⁸. Тактика «восхождения к теории» в основном отличается способом анализа данных, ориентированным на построение *теории* случая.

Цель такого исследования состоит в рассмотрении конкретной жизненной ситуации как формы проявления определенного феномена, который подлежит *теоретизированию* — обобщенному абстрактному представлению в виде теоретического утверждения или гипотез относительно данного феномена, наблюдаемого в реальной практике.

Тактика состоит в следующем: исследователь собирает из разных источников информации многоаспектные данные о конкретных событиях, действиях или отношениях людей; группирует и связывает разнородные данные в обобщенные категории. Поэтапно поднимаясь ко все более абстрактным категориям и научным концепциям, он в результате конструирует их в абстрактный «теоретический случай». Это позволяет представить наблюдаемый случай в виде самостоятельной авторской версии относительно природы данного феномена. Приведем пример такого подхода, использованный самими авторами теории.

Группа под руководством А.Страуса вела детальное наблюдение за больными и медицинским персоналом в клинике. Кроме практических отношений медицинского персонала и больных, среднего и старшего медицинского персонала, их интересовала и более абстрактная проблема: хроническая боль и способы ее облегчения, снижения причиняемых ею страданий. В результате анализа разнородных данных возникли две обоб-

⁸ Термин *grounded theory*, обозначающий построение теории, основанной на фактах, у нас иногда переводится как обоснованная теория. На наш взгляд, более важен здесь не момент обоснования, а момент построения теории из реально наблюдаемых фактов. Поэтому в дальнейшем мы используем перевод «восхождение к теории». В других языках этот термин, впервые примененный Глейзером и Страусом и получивший широкую известность, часто используется вовсе без перевода в первичной английской транскрипции — *grounded theory*.

щенные категории как две «стратегии борьбы с болью»: «лечение техническими средствами» (лекарства, операционное вмешательство и другие средства снятия болевого синдрома) и «лечение через адаптацию к боли» (контролирование болевых ощущений самим пациентом и психо-физиологические программы воздействия со стороны персонала). Анализировались последствия влияния этих двух стратегий на моральное состояние пациента, на субъективное представление о хронической боли. Сравнение двух противоположных случаев — двух клиник, придерживающихся одной из стратегий, — позволило авторам концептуализировать феномен хронической боли и способы борьбы с ней [114].

Другой пример, также из клинической практики, — исследование «траектории умирания». Б. Глейзер и А. Страус анализировали экстремальный случай одинокой пациентки, умирающей в больнице от рака. Они описывают стадии, которые прошли пациентка и медицинский персонал, сражаясь с болью и смертью. Обсуждается влияние двух составляющих: знания пациентки о своем состоянии и степень заботливости персонала, которые могут облегчить ее трагическое состояние. Авторы предложили концептуализацию, на основе которой единичный случай стал основой для социологического понимания ситуации в целом и влияния на реальную практику отношения к больным [85].

Процесс анализа данных в тактике «восхождения к теории» имеет свою стандартную технику и предусматривает несколько стадий кодирования (открытое, осевое, выборочное), а затем составление условной матрицы, связывающей влияние определенного социального контекста с различными формами проявления феномена — сравнительный анализ (более подробно см гл. VII с. 205—210).

Социолог, выбирающий тактику «восхождения к теории» должен:

- ориентироваться на теоретическое видение ситуации и ее составляющих;
- несмотря на индуктивный и творческий характер методики помнить, что она предусматривает систематический подход и определенные стадии анализа;
- прочувствовать ту степень абстракции, которая обеспечивает, с одной стороны, конкретность (заземленность)

теории, с другой — ее категориальный характер в научных терминах;

- созданная теория должна хорошо объяснять центральный феномен, определять условия, при которых она «работает», и предусматривать следствия, вытекающие из данной теории.

Итак, теперь мы знаем, что социологи-«качественники» могут использовать разные способы проведения исследования исходя из первичного фокуса своего интереса.

- ◆ Если в фокусе интереса прежде всего проблемы уникального объекта и выяснение скрытых пружин его функционирования как системы, он выбирает кейс-стади. В этом случае результаты его исследования глубоко прикладные и носят характер советов или рекомендаций относительно разрешения определенного конфликта или улучшения системы функционирования данного сообщества или индивида.
- ◆ Если в фокусе в первую очередь новое знание о культуре определенного сообщества, нормах и образцах поведения, он выбирает тактику детального описания его форм поведения и языка — этнографическое исследование.
- ◆ Если исследование направлено на восстановление полной картины исторического события или процесса, и прежде всего его субъективной стороны как последствий для его участников или очевидцев, то избирается тактика устной истории, где первоочередной задачей является проверка степени правдивости воспоминаний информанта и сопоставление их с документальными источниками информации.
- ◆ В случае интереса к ретроспективе социальных процессов и механизмам передачи культурного капитала от поколения к поколению он обращается к тактике истории семьи, привлекая для этой цели свидетельства нескольких членов семьи из разных поколений.
- ◆ Если же интересна прежде всего индивидуальная жизнь и отражение в ней социальных и культурных

процессов, соотношение индивидуального и социального в исторической ретроспективе, то социологи применяют тактику истории жизни.

- ◆ Тактика восхождения к теории используется тогда, когда в центре исследовательского интереса прежде всего теоретическое осмысление данного социального феномена, наблюдаемого в жизненной практике.

В принципе, даже один и тот же источник информации может стать основой для применения разных тактик качественного подхода.

Так, например, биографическое интервью с Л. Мироновым, приведенное в приложении (с. 241), может анализироваться в традициях *кейс-стади*, если сфокусироваться на одном жизненном эпизоде. К примеру, эпизод работы в научно-исследовательском институте в 70—начале 80-х годов можно анализировать детально как ситуацию в научной среде в те годы. Для этого можно привлечь дополнительные источники информации об этой ситуации, рассмотреть ее в единстве социальных условий, индивидуальных стратегий и системы межличностных отношений в науке.

Этот же текст может быть использован для тактики индивидуальной *истории жизни*, если проследить биографический путь этого человека в единстве социально-типичного, характерного для представителей его поколения, и индивидуального, раскрывающего особенные детали в формировании его жизненного пути.

Используя *феноменологический* подход, возможно сконцентрироваться на выявлении общего смысла его социального опыта, жизненного мира этого человека. В таком случае мы прицельно анализируем его рассказ в целом как способ подачи себя и прожитой жизни.

С позиции *устной истории* интерес может представлять, например, период его студенческой жизни — начало 50-х годов — и отношение студенческой молодежи к ста-

линскому режиму для характеристики социально-политической жизни того времени. Тогда биографическое интервью будет служить субъективным свидетельством одного из участников той исторической ситуации.

Таким образом, перечисленные выше различия разных тактик не так уж велики. Они имеют больше сходств, чем отличий. Все дело в фокусе интереса исследователя и специфике подхода к данным. Расхождения связаны также с «происхождением» этих тактик из разных областей знания.

Общими чертами всех этих тактик можно считать:

- а) ориентацию на изучение каждодневной практики социального взаимодействия;
- б) изучение неструктурированных источников текстовой информации как живых образцов устной или письменной речи, содержащих субъективные свидетельства о социальном существовании индивидов и практике взаимодействий с другими людьми;
- в) кроме текстовой информации используются и другие разноплановые данные об объекте интереса;
- г) анализ предполагает всестороннее описание и интерпретацию состояния социального феномена в единстве его внутренних взаимосвязей.

Многообразие тактик качественного исследования отличает этот подход от «количественного». Исследователь волен изобретать свой способ действия или приспособлять существующие применительно к конкретной исследовательской ситуации. Вместе с тем, как и в жестко-структурированном системном подходе, он должен следовать определенным канонам научного поиска, переводить свои наблюдения и интерпретацию на язык научных понятий, обосновывать аргументы, опираясь на достоверные данные (тексты, наблюдения, имеющиеся документы, данные других исследователей).

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Мы уже упоминали в предыдущих параграфах, что во всех тактиках качественной методологии могут одновременно применяться несколько методов сбора данных, так называемый мультиметод сбора данных. Качественная социология существенно расширяет традиционный набор методов и источников информации, вводя в научный оборот широкий спектр неформальных источников, личные документы, которые до сих пор не удостоивались внимания социологов.

В этом параграфе кратко опишем каждый из используемых социологических методов, учитывая то, что основные традиционные методы (такие, как наблюдение, включенное наблюдение) хорошо знакомы из курса общей социологии. На специфике анализа личных документов и особенностях глубинного интервью в качественном исследовании остановимся более подробно.

Наблюдение

Наблюдение понимается как долговременное рассмотрение объекта в естественных для него обстоятельствах. По методике сбора данных и принципам проведения в стратегии качественного исследования оно мало отличается от наблюдения в традиционной социологии. В качественной социологии его часто называют «полевое исследование», поскольку объект изучается в естественных условиях. Единственное отличие от количественного подхода состоит в фиксации номинальных (описательных, неколичественных) характеристик и в более естественном, не структурированном фокусе рассмотрения. Темы для наблюдения только перечисляются.

Преимуществом данного метода в сравнении, например, с интервью, является то, что присутствие наблюдателя не вызывает искусственных изменений в исследуемой ситуации. Наблюдение как метод используется в

тактике этнографического исследования и кейс-стади как фиксирование форм жизнедеятельности определенной группы.

Первичным полевым документом является *дневник наблюдений*, где детально регистрируются как обычные (повседневные), так и экстремальные ситуации в жизнедеятельности сообщества по временным единицам (часы, дни, недели). Исследователь использует все возможности, чтобы уловить общую атмосферу происходящего: внешний вид помещения, детали внешности людей, специфические детали коммуникации (жесты, выражение лиц, жаргон, построение фраз и интонации).

Все факты, комментарии, идеи желательно обсуждать в группе исследователей.

Включенное наблюдение — это наблюдение за некоторой общностью, при котором исследователь является одновременно ее членом. Такое включение дает возможность скрытого наблюдения, когда члены общности не осознают, что за ними наблюдают. Метод особенно продуктивен при исследовании труднодоступных общностей. Применяется в основном в кейс-стади закрытых сообществ и этнографическом исследовании. Применение этой техники требует больших временных затрат. Мы уже рассказывали об уникальном включенном наблюдении А. Н. Алексева, которое продолжалось восемь лет [2].

Глубинное интервью

Как метод представляет собой непринужденную беседу двух людей, в которой один из участников — интервьюер — помнит, что в данной ситуации он выступает как профессиональный исследователь, имитирующий роль равноправного собеседника [50, с. 280].

Технология качественных интервью различна в зависимости от целей исследования. Все они относятся к ряду глубинных (неструктурированных или полуструктурированных) и занимают как минимум 1,5—2 часа.

Нередки случаи неоднократного возвращения к одному и тому же рассказчику для продолжения разговора, уточнения деталей, углубления темы. В общей сложности качественное интервью может потребовать 8—12 часов работы с одним интервьюируемым (до 200 страниц текстовой информации).

Нарративные интервью (narrative — рассказ, повествование) представляют собой свободное повествование о жизни рассказчика без всякого вмешательства со стороны интервьюера, кроме возможных междометий (удивление или одобрение), для стимулирования и поддержания нити рассказа.

Предполагается, что в ходе свободного изложения в памяти респондента ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. Это позволяет выявить наиболее важные «смыслообразующие» фрагменты, конструирующие его рассказ. В ходе интервью человек как бы заново обдумывает свою жизнь, свое «я», отделяя его от совокупного «мы».

Как показала российская практика интервьюирования, самоосмысление, рефлексия и выделение своего «я» наиболее трудно дается опрашиваемым, особенно людям с низким уровнем образования. Русские люди больше привыкли омысливать себя в категориях «мы». Ситуация интервью зачастую впервые заставляет их задуматься о себе как отдельном историческом и социальном субъекте. Это может потребовать дополнительного стимулирования со стороны интервьюера. Например, предварительное «погружение» интервьюируемого в проблемы личного, субъективного, важности его индивидуального опыта для исследуемых целей.

Характерный пример из исследования об отношении россиян к Германии. Интервью проводились в Москве и Берлине на одной и той же художественной выставке «Москва—Берлин». Одни и те же художественные экспонаты выставки у мос-

квичей вызывали глобальные социально-исторические ассоциации, связанные с событиями войны, несходством национальных характеров (мы—они), размышлениями о судьбах Германии и России. По замечанию одного из организаторов, немецкого исследователя Флета, у берлинцев те же самые экспонаты скорей являлись стимулом к размышлениям о собственной жизни (об этом исследовании см. [32]).

После нарративного интервью возможно пополнение необходимой информации путем дополнительных вопросов.

Полуструктурированное интервью понимается как интервью с путеводителем. Предварительно составляется общий план разговора с перечислением тематических блоков, представляющих исследовательский интерес, а также выделением аспектов, относительно которых должна быть получена более детальная информация. Формулировка отдельных вопросов и предполагаемая форма ответов остаются свободными, открытыми, их конкретное оформление происходит в ходе интервью.

Важно, чтобы ход беседы оставался свободным, а вопросы, интересующие интервьюера, задавались в русле разговорного характера беседы, не нарушали общего ее хода, а органически вписывались в рассказ как уточнения. Если сделать это не удастся, лучше не прерывать собеседника, а задать вопросы в конце беседы, вернувшись к данной теме: «Вы мне рассказывали о Вашей первой работе, как много она Вам дала. А не могли бы Вы уточнить, в каком это было году, и кто помог Вам устроиться на эту работу?»

Биографическое интервью является разновидностью полуструктурированного, где тематические блоки соответствуют последовательности жизненных циклов индивида: «Детство», «Юность», «Учеба», «Женитьба», «Дети» и т. д. Интервьюер только направляет разговор на определенную тему и умело подводит к следующему блоку, когда, по его мнению, рассказ о данном периоде жизни исчерпан.

Лейтмотивное интервью напротив ориентирует разговор на отслеживание динамики одного и того же аспекта жизнедеятельности индивида на протяжении его биографического пути. Например, если нас интересуют отношения между супругами на разных стадиях их совместной жизни, то в процессе беседы, при переходе к каждому следующему периоду жизненной истории, мы будем иметь в фокусе именно этот аспект и задавать дополнительные вопросы, касающиеся изменений в отношениях между супругами.

Фокусированное интервью предполагает иную тактику: необходимо как можно больше узнать только об одной жизненной ситуации. Исходя из этого, дополнительные вопросы интервьюера направлены на углубление в определенную тему и предполагают все большую конкретизацию субъективных представлений о предмете интереса исследователя.

Разные виды глубинных интервью прежде всего используется в тактиках, ориентированных на изучение истории жизни человека, истории семьи, в феноменологических исследованиях, а также в устной истории и как дополнительный источник в кейс-стади.

Диалоговое интервью или *свободная беседа* в форме диалога отличается от нарративного и полуструктурированного интервью по форме отношений исследователь-исследуемый. Если задачей предыдущих видов интервью является внимательное выслушивание собеседника с минимумом своих комментариев, то в данном случае и исследователь, и участник исследования занимают одинаково активную позицию. В форме равноправного диалога обмениваются своими взглядами по темам, представляющим исследовательский интерес. Мнения социолога, иногда конфронтирующие с высказываниями интервьюируемого, могут заставить последнего уточнить свою позицию или изменить ее под влиянием диалога с исследователем.

Метод фокус-группы

Это способ выявить различие в понимании некоторой проблемы, события, явлений жизни между определенными группами людей. Методом глубинного интервью постепенно уточняются позиции участников относительно данной проблемы. Однако группы интервьюируемых в целом должны репрезентировать некоторую общность, относительно которой изучается данная проблема. Фокус-группы широко используются в прикладных маркетинговых исследованиях, при изучении покупательского спроса, реакций на рекламу, отношения к политическим деятелям и т.п. Данный метод в некотором смысле комбинирует количественный и качественный подходы.

Дискуссию ведет модератор, т. е. сам исследователь или сотрудник исследовательского коллектива. Он предлагает тему (о чем приглашенные для дискуссии заведомо оповещены) и стимулирует участников к спору, высказыванию своих мнений, отличных от уже предложенных. Вопросы модератора тщательно обдумываются и следуют программным целям. Вместе с тем, модератор изобретательно направляет дискуссию, а ее содержание, как и поведение участников, подлежат качественному анализу и в смысле аргументации, и с точки зрения лексики, интонаций, в общем — всех доступных свидетельств, которые позволяют проникнуть в смысл высказываний самих участников дискуссии.

Исследователь фокусирует внимание как на предмете обсуждения, так и на особенностях мнений представителей какой-то особой общности (социального слоя; профессии; группы, поддерживающей некоторое общественное движение; фанатов «поп-звезды»; потенциальных покупателей конкретного товара и т. д.)

Состав группы определяется целью и задачами исследования. Это могут быть представители полярных общностей (скажем, сторонники и противники некоторой политической партии, любители жанра в искусстве и

равнодушные к нему), гомогенная группа (студенты, пенсионеры, военные), «целевая» (слушатели, читатели некоего источника массовой информации), «случайная» группа (люди, внезапно пережившие общее бедствие). Численность таких групп — от 5 до 15 человек.

Дискуссия записывается на аудиопленку, но часто — на видеокассету с тем, чтобы впоследствии тщательно проанализировать ее содержание и осмыслить соответственно задачам исследования.⁹

Анализ личных документов

В качественной социологии фактически все методы сбора информации (и наблюдение, и глубинные интервью) приводят к появлению текстовой информации, подлежащей дальнейшему анализу как письменный документ. В методике наблюдения анализируются дневники наблюдения, в методе интервью — тексты интервью. Такие тексты создаются непосредственно для исследовательских целей.

Используются также письменные и визуальные источники информации, уже первоначально представленные в виде личных документов или «*документов жизни*», как их называет К. Пламер [105]. Они становятся объектом изучения, но создавались для других, личных целей. Исследователь утверждает, что мир буквально переполнен личными документами, которые являются потенциальной основой для научного изучения: люди ведут дневники, посылают письма знакомым и направляют письма в газеты, делают фотографии, пишут мемуары, оставляют посмертные записки, составляют памятные надписи на памятниках, рисуют картины, снимают фильмы и сочиняют музыку, описывают свои сны. Все эти формы самовыражения и отражения личной жизни характерны для тысяч и миллионов людей. Они могут

⁹ Детально о технике фокус-групп и групповой дискуссии см. [7].

стать предметом интереса каждого, кто захочет изучить их. В широком смысле все «документы жизни» способны расширить круг социологических представлений о реальности [105, с. 13].

Неформальные документальные источники активно используются историками и антропологами при исследовании прошлого или изучении культурного своеобразия сообществ. Для социолога человеческие документы являются «свидетельством индивидуального опыта, который отражает поведение индивида как личности и как участника социальной жизни» [59, с. 29]. Преимуществом при их использовании является эмоционально окрашенная, непосредственно из первых рук полученная информация о субъективном мире и о тех событиях, в которых участвовал индивид.

Дневники как неформальный документ обладают тем преимуществом, что описывают жизненные события «день за днем», а не *post factum*, как в интервью, и, значит, временной эффект не накладывает своего отпечатка на восприятие и описание события. Это очень важное преимущество, так как в биографическом интервью всегда приходится различать два аспекта субъективного видения: каково сегодняшнее видение прошлого и каковы были ощущения человека тогда, в момент совершения события, в прошлом. Дневники же описывают действия «здесь и сейчас». Однако было бы наивно предполагать, что все дневники ведутся изо дня в день и только благодаря этому содержат наиболее полную адекватную информацию о каждодневной жизни индивида.

В настоящее время ведение дневников выходит из моды, но в момент расцвета Чикагской школы они служили источником информации для многих классических исследований.

Как отмечает К. Пламер, в настоящее время дневники как источник информации могут быть использованы следующим образом:

а) по просьбе исследователя индивиды ведут дневник каждодневных событий в течение короткого времени, например, недели или месяца. При этом предлагается короткая инструкция по заполнению такого дневника, где предусмотрены также личные комментарии заполняющего дневник. Такой дополнительный источник был использован в лонгитюдном исследовании образа жизни стареющих жителей Сан-Франциско и дал богатую информацию относительно типичного времяпровождения пенсионеров. Открытый характер заполнения дневника помог также существенно обогатить представление о жизни пенсионеров [98].

б) Аналогичный прием применяется в классических исследованиях бюджетов времени для описания типичного дня жизни. Например, одного дня из жизни обычного американского мальчика [54].

Наиболее эффективно этот подход использован Оскаром Левисом в его знаменитом исследовании трансформации мексиканской культуры в бедных городских семьях «Пять семей» [97].

Метод Левиса состоял в описании одного дня жизни в пяти семьях. Естественно, что он провел в этих семьях значительно больше времени, сотни часов: ел с ними, отмечал их праздники, разделял их заботы и обсуждал их проблемы. Но в конце он решил, что для адекватного аналитического сравнения пяти семей наиболее подходит дневниковый способ описания одного типичного дня. Поэтому каждая из семей была представлена дневником одного дня с описанием специфического характера данной семьи. Левис считал, что изучение одного дня служит наиболее компактной формой для интенсивного описания, позволяющей контролировать сравнение пяти семей как по количественным, так и по качественным характеристикам.

в) Третий тип дневниковых записей можно назвать дневниковым методом интервьюирования. Он применяется обычно для исследования сообществ, трудно поддающихся наблюдению. Поэтому им предлагается заполнять ежедневный дневник своей активности, при этом

подробно раскрывая характер такой активности по предложенной исследователями схеме.

Так, в калифорнийском исследовании молодежной субкультуры исследователи предложили участникам групп за небольшую плату в течение недели ежедневно описывать все виды своей активности. Описывая каждый из видов деятельности, они должны были одновременно ответить на вопросы: «что?», за которым следовало подробное описание деятельности словами самого респондента; «когда?» с описанием времени активности и последовательности событий; «где?» с описанием места события, предварительно закодированного в целях сохранения анонимности участников; вопрос «как?» предполагал описание логики события: как доставали марихуану, как добывали транспорт для передвижения и т. д. [127, с. 15—16].

В предложенной схеме дневниковые записи участников исследования повторяли метод полуструктурированного интервью с повторяющимися вопросами по каждому дню своей активности, но фиксировали события не ретроспективно, а непосредственно в момент деятельности.

Письма довольно редко становятся источником информации и объектом анализа в социальных науках, но без сомнения являются богатым информационным материалом. Активно используя письма в своей исследовательской практике, У.Томас и Ф.Знанецкий классифицируют их следующим образом:

- церемониальные письма — посланные по случаю официального события, праздника, обычно требующего присутствия всех членов семьи — свадьбы, крестины, похороны, Рождество, Новый год, дни рождения. Такие письма заменяют церемониальные речи;
- информационные письма — содержащие детальный рассказ о жизни семьи, предназначенные отсутствующему ее члену;
- сентиментальные письма — которые имеют целью «оживить» чувства человека безотносительно к какому-нибудь особому случаю;
- литературные письма — несущие определенную эстетическую нагрузку.
- деловые письма [117].

Письма в настоящее время используют в основном при исследовании традиционных сообществ и прежде всего сельского населения, где они еще остались составной частью культуры.

Классическим случаем использования писем служит уже упоминавшееся исследование Дж.Олпорта «Письма Дженни», где письма, написанные в течение десятилетия одной женщиной, стали основной информационной базой для анализа трансформации идентичности.

При использовании писем возникает две проблемы. Во-первых, как изящно отметил один из английских исследователей, необходимо помнить, что у каждого письма есть два родителя: тот, кто его пишет, и тот, кто его получает. Другими словами, исследователь, обратившийся к анализу писем, должен хорошо себе представлять, кому направлены данные письма, на чью реакцию они ориентированы. Это редко бывает доступно исследователю, но надо хотя бы помнить, что адресат наполовину определяет направленность и стиль письма. Во-вторых, письма пишутся не в расчете на аналитическое изучение специалистами, поэтому не все в них может представлять ценность как материал для изучения. Олпорт, рассказывая о процессе работы над письмами Дженни, упомянул, что ему приходилось сокращать ее письма на две трети, так как большая часть каждого письма не представляла научного интереса [51].

Визуальные документы

Фотография появилась примерно в одно время с социологией, однако использование фотографий как источника социальной информации так и не стало популярным. Миллионы фотографий делаются каждый год и становятся достоянием семейных альбомов, но социологи не испытывают особого интереса к тому, что могло бы стать основной информационной базой исследования и

продемонстрировать запечатленный образ индивида, группы, места действия.

К фотографии более активно обращаются антропологи, начиная с классического исследования Маргарет Мид «Баленезийский характер» [55], где целый том посвящен фотографическим образам этой культуры. Южноафриканский исследователь Ян Коетцы использовал фотографии при исследовании освободительного движения в Южной Африке, где запечатленные образы *места действия* (улицы, на которых разворачивались расовые волнения) помогают раскрыть смысл происходящих событий. В тактике устной истории группа английских исследователей из Эссекского университета начала свое исследование с коллективной фотографии женского батальона времен второй мировой войны для изучения женского опыта участия в войне и отражения этого эпизода в послевоенной судьбе его участниц. Фотография послужила отправной точкой в поиске служивших в этом батальоне для последующего интервьюирования.

Запечатленный фотографией образ не только воспроизводит внешний вид человека, но и позволяет более наглядно представить образ той эпохи, которой он принадлежит: мелочи быта, одежду, настроение — дух времени. Фотографии могут служить как иллюстрацией, так и визуальной информацией или предметом анализа. В 70-х годах группа американских социологов, пропагандирующих использование фотодокументов в социологии, даже организовала выставку своих фотографических работ, которую назвала «Визуальная социология» [105, с. 28]. Некоторые сторонники визуальной социологии считают, что она со временем и в теоретическом плане может серьезно потеснить социологию, построенную на написанном или сказанном слове [120].

Это предположение находит свое подтверждение в быстро развивающемся теоретическом направлении социологии, которое носит название «*язык тела*». Язык тела

понимается как несловесная эмоциональная форма коммуникации. Ориентация и положение тела, мимика, жесты отражают социальные реакции индивида по отношению к другим людям (реакция на социальный статус, отношения доминирования и подчинения, симпатии и антипатии).

Один из самых доступных и приемлемых способов использования фотографий в качественном исследовании — обращение к семейным альбомам в ходе интервью. Старые фотографии из семейного альбома могут стать стимулом к разговору или источником новой информации о предшествующем опыте жизни индивида или семьи, а также средством проверки или подтверждения сказанного.

Фильмы и видеофильмы становятся все более популярным источником информации в социологии на Западе. Это касается прежде всего семейных видеофильмов, которые, возможно, со временем станут доступными и для российских семей. Широко используются научные видеофильмы, воспроизводящие процесс общения с объектом исследования. Возможно, благодаря видеофильмам осуществится заветная мечта исследователей: воспроизвести события в точности так, как они происходили в прошлом. Естественно, вместе с этим возникнут и новые проблемы (например, как в сжатой форме отобразить происходящее на экране), но тем не менее видеофильмы могут существенно изменить облик социальных наук.

При анализе документов привлекаются и другие, не столь популярные источники информации. Например, производственные биографии как описание профессиональных достижений индивида (производственные характеристики — по-нашему), на которые опирался Р. Тернер при сравнения критериев успешности в США и Англии [41].

Источником информации могут служить и *неодушевленные предметы* (как, например, медицинский ин-

струмент у А. Страуса и Б. Глейзера), предметы обихода, одежды, история вещей или история дома.

Проведите небольшой эксперимент. Огляните свою комнату и попытайтесь представить историю отдельных предметов: были они куплены или подарены? Вспомните жизненную ситуацию, которая способствовала этому приобретению или подарку. Что интересовало вас в то время, кто были ваши друзья, что изменилось с тех пор? Ваше отношение к этой вещи в прошлом и настоящем. Пожалуй, каждое из этих приобретений имеет свою историю, особенно если вы обратитесь к полке с книгами или коллекции аудиокассет с музыкальными произведениями.

Все перечисленные источники информации используются в разной степени. Одни стали общепринятыми, к другим прибегают довольно редко и только единицы исследователей. Наша задача была показать, сколь широк спектр возможных источников информации в качественном исследовании и что он может быть расширен в зависимости от целей и изобретательности, эвристичности автора. Кроме того, методы могут использоваться в разных комбинациях, как это было проиллюстрировано на примерах. Основная задача состоит в том, чтобы применение того или иного метода было обосновано, а полученные результаты строго укладывались в исследовательские концепции при анализе данных.

СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Питер Бергер считает, что одной из ценностей гуманистической социологии является пристальное внимание к таким вещам, которые могут показаться скучными или недостойными научного внимания для тех, кто не обладает широким фокусом исследовательского интереса. «Все, что относится к человеческому бытию, каким бы банальным оно не казалось, может стать значимым для социолога» [8, с. 151]. Поэтому и среди уже описанных

выше исследований так много экзотических, начиная с карьеры гермафродита до траектории умирания и смены идентичностей умалишенного. Их трудно втиснуть в рамки отдельных направлений социологического знания.

Тем не менее, попытаемся систематизировать области возможного интереса по отраслям социологического знания.

Какие проблемы могут стать фокусом исследовательского интереса в разных областях социологии?

Наиболее общий ответ на этот вопрос заключается в следующем: есть отрасли социологии, которые закономерно являются сферой применения качественных методов, другие используют их ограничено.

К числу первых относятся девиантология, гендерные исследования, социология семьи, социология личности, социология культуры, те области, где центральным объектом интереса является индивид как носитель социального и индивидуального опыта.

Другие области, ориентированные преимущественно на изучение социальных институтов, используют эти методы ограничено: это индустриальная социология, социология социальных изменений, социальной стратификации, социология политики. Как правило, в этих сферах качественные исследования служат частным фрагментом рассмотрения более общих проблем и используются для конкретизации полученных результатов.

В *девиантологии* исследователи описывают жизненные практики людей, оказавшихся в нетипичной или уникальной социальной ситуации. Аспектом интереса является ориентация на понимание жизненного опыта этих людей и попытка объяснить их психологию. Наиболее широко в этой области используется тактика изучения истории жизни: история гермафродита (Garfinkel H., 1967 [81]), история жизни проститутки (Heyl B., 1977 [91]), профессионального вора (Sutherland E., 1937 [115]), потребителя героина, окончившего жизнь самоубийством (Hughes H., 1961 [93]), история пяти братьев-преступни-

ков в Чикаго в 20-е годы (Shaw C., 1938 [107]), история городского пьяницы (Spradley J., 1970 [112]).

В российской практике наиболее удачным в этой области является исследование В. Журавлева «История жизни бомжа», которая демонстрирует влияние социального контекста советской системы и правоохранительной системы на превращение мальчика из благополучной семьи в типичного бомжа. Эта история жизни, скорее, экстремальный случай, что и делает его интересным для анализа. Тактика истории жизни позволяет рассмотреть процесс поэтапно, в развитии, раскрыть причины, способы воздействия социума и последствия для главного героя истории [18]. В представлении жизненной истории бомжа широко используются цитаты из интервью с ним, что позволяет также проанализировать нравы и законы, язык девиантной среды.

Гендерные исследования (gender — социальный пол) — это относительно новая область российской социологии, изучающая различия мужских и женских моделей поведения и их вариативность в определенных социальных контекстах [83, 30]. Эта область преимущественно рассчитана на качественные методы, при этом используются разнообразные тактики: кейс-стади, истории жизни, истории семьи.

В отечественной практике основной интерес практиков направлен на изучение особенности мужской и женской идентичности в разные периоды российской истории. М. Малышева [29] в своем исследовании «Идентификация женщин в послевоенной и посткоммунистической России» поставила перед собой цель «глубже проникнуть в индивидуальную психологию и идентификационные сдвиги двух поколений». Историями жизни двух женщин — матери и дочери — она демонстрирует очевидный поколенческий разрыв в видении гендерных ролей, который имеет своей основной причиной исторический и идеологический контекст различий их социального опыта.

Е. Мещеркина [33], используя коллекцию историй жизни, в своей работе демонстрирует способы построения мужской идентичности при помощи различных агентов социализации в советский период (семья, школа, группа сверстников, военно-спортивные лагеря, масс-медиа, армия, возможно, тюрьма), а также современные типы мужской идентификации. Основной интерес исследователя: как существующие локально, в жизненных практиках, типы маскулинности (мужественности) получают (или не получают) подкрепление на уровне социальных институтов, где мужское доминирование как социальный тип пронизывает все сферы: систему разделения труда, идеологию масс-медиа, систему образования.

Публичное обсуждение проблем сексуальности привело к появлению целого ряда работ по проблемам мужского и женского сексуального опыта (Е. Герасимова. «Вербализация сексуальности: разговоры с партнером о сексе», А. Роткирх. «Сексуальные биографии женщин двух поколений. Первая попытка сравнения России и Финляндии», Т. Бараулина, А. Ханжин. «Конструирование мужской сексуальности через презентацию биографического опыта в интервью» [11]).

В социологии семьи качественными методами изучают взаимоотношения поколений в основном как канала передачи социального опыта, типов семейной культуры (языка, мифов, традиций, религии, социального статуса), а также модели семьи, семейные роли, семью как агент социализации, проблемы детства и семейной памяти. Тактикой исследования служит история семьи, история жизни или кейс-стади.

Как и в других сферах применения, качественные исследования ориентированы здесь прежде всего не на выявление общих закономерностей, а больше на обнаружение отклонений, специфику проявления феноменов в определенных ситуациях. Например, как происходит (или не происходит) передача семейной культуры в экстре-

мальной ситуации, когда внешнее влияние со стороны общества препятствует воспроизведению принятых образцов семейного поведения (влияние нацистского режима или авторитарной системы в восточноевропейских странах); как проблема умолчания о семейных секретах влияет на становление следующего поколения; как семьи пытаются адаптироваться к новой социальной ситуации в случае миграции или социальной революции. Для примера можно назвать исследование немецкого социолога Л. Иновлоки «Бабушки, матери и дочери: межпоколенная передача социального опыта в перемещенных еврейских семьях в трех еврейских общинах» [94].

Упомянутая проблема умолчания, в частности для евреев, связана с тяжелым периодом преследования семьи нацистами. Нежелание рассказать о тягостном прошлом своим детям и внукам по-разному воспринимается представителями следующих поколений семьи. На примере трех кейс-стади автор иллюстрирует три стратегии: интеграция в новое национальное окружение и потеря еврейской идентичности последующим поколением; разрушение семейных связей между бабушкой, матерью и дочерью вследствие умолчания о прошлом; вступление в местную еврейскую общину для поддержания общей позиции умолчания о прошлом.

В *социологии личности* важный аспект качественного подхода — исследование проблемы идентификации (способы формирования и динамика изменений индивидуальных идентичностей), а также способы проживания жизненных циклов (детство, юность, зрелость, старость) в разных социальных контекстах [90, 77].

Глен Элдер в своей известной книге «Дети Великой Депрессии» демонстрирует, как жизненный опыт переживания экономического кризиса в конце 20-х годов повлиял на индивидуальные жизненные пути тех, кто испытал этот опыт в детстве: какие социально-психологические качества сформировались вследствие жизненного краха родителей; как люди формировали стратегии своего семейного и профессионального поведения; какие траектории жизни они выбрали для своих детей; как избегали рисков в дальнейшем.

При анализе идентификации интерес направлен прежде всего на поворотные моменты смены идентичностей (причины, способы, следствия), а также на исследование самоопределения людей в специфическом или уникальном контексте.

В этом отношении классическим примером может быть работа Олпорта «Письма Дженни», о которой мы уже упоминали. Из других исследований личности в уникальных обстоятельствах можно назвать изучение траектории умирания (Strauss A. and Glaser B., 1967 [85]) или исследование влюбленной женщины (Schwartz Y. and Merten D., 1980 [106]).

Областью специального интереса могут стать также решающие моменты биографии, жизненные кризисы, которые вследствие одного события или факта кардинально меняют жизненную траекторию (болезнь, смерть близких, развод, миграция, социальный кризис) и ведут к перелому в социальной карьере или внутренней изоляции личности.

Социология культуры концентрирует внимание на особенностях, специфике повседневной практики определенного сообщества в сравнении с большинством населения, используя для этого тактику этнографического исследования. Это может быть культурная практика определенного сообщества, меньшинства, существующего в условиях давления со стороны господствующей культуры: национальное меньшинство, субкультура окраин или сельская культура в условиях урбанизированной среды, культура маргиналов, мигрантов, молодежные субкультуры.

Аспект специального интереса — воплощение определенных типов культуры в индивидуальных моделях, наиболее ярко, экстремально выражающих характерные черты данной культурной практики.

Так, в уже упоминавшемся исследовании О. Левиса «Пять семей» каждая из семей описывает определенный вариант, тип деформации традиционной мексиканской

культуры и становления индустриальной урбанизированной культуры современной Мексики [97].

Качественный подход используется и в других областях социологии, там, где необходимо изучение вариативности, частного, отклоняющегося, а также при исследовании субъектов деятельности.

Так, в *индустриальной социологии* это изучение процессов зарождения и развития рабочего движения (через изучение деятельности профсоюзных активистов, участников и организаторов забастовок). В отечественной социологии с позиций качественной методологии изучалось забастовочное движение (проект Н. Козиной [24]).

Качественный подход для изучения экстремальных ситуаций в производственной сфере часто используется западными социологами. Классический пример — исследование П. Лазерсфельдом безработных в Мариентале [95]. Проблемы конкретных трудовых коллективов: производственные конфликты, структура властных отношений, система статусов и скрытые авторитеты — изучаются тактикой кейс-стади.

Сферой интереса могут стать и индивидуальные трудовые карьеры (*work history*): поворотные моменты и кризисы трудовой карьеры, влияние факта безработицы на трудовой путь; изменения на рынке труда и трудовые стратегии, семейные стратегии и трудовые карьеры; а также субъективные трудовые ценности, проблемы профессионального выбора, смены места работы и профессиональная мобильность.

В *социологии политики* традиционно качественными методами изучают становление, развитие и последствия политических движений. Обычно используются глубинные интервью с организаторами, участниками и очевидцами политических событий и политических кампаний в тактике устной истории. Многочисленные исследования студенческих волнений конца 60-х годов в США являются хорошей иллюстрацией этого типа исследований.

Особо подчеркнем применение качественных методов в изучении *социальной мобильности*. Фактически возник новый аспект проблематики в этой традиционно-количественной области социологии: изучение семейных социальных стратегий — Д. Берто и И. Виам-Берто [10]; проблема социального статуса и социальной мобильности женщин — М. Малышева [29]; падение семейного статуса в результате социальной революции и адаптация к послереволюционной ситуации — Р. Андорка [52], Е.Фотева [38]; тип семейного жилья как отражение социального статуса — П. Томпсон [57].

Урбанистика представляет следующую область активного использования качественных методов. Большие города и их дезорганизирующее социальное влияние, анонимное и пугающее социальное окружение, молодежные банды, нищета, опыт недавних мигрантов — все эти темы, требующие глубинного рассмотрения, широко представлены в социологии города, начиная со времен Чикагской школы.

Преимуществом качественных методов является свойство фиксировать процессы в динамике, в ретроспективе причинно-следственных связей, что непосредственно совпадает с ориентацией *социологии социальных изменений*. Здесь внимание направлено прежде всего на исследование изменений в локальных сообществах: семье, малой группе, на изучение стратегий адаптации к условиям резких социальных перемен.

Выводы:

- Итак, поле возможностей качественных методов чрезвычайно широко и может быть структурировано по тактикам анализа и методам, а также сферам применения в разных областях социологического знания.
- «Качественное» исследование по объекту интереса — каждодневная практика людей, которая существует в

реальности как вариативная и социально-конкретная — как бы напоминает журналистское исследование. Но только социолог-профессионал достаточно подготовлен для того, чтобы концептуализировать живую реальность в понятиях соответствующих социальных теорий. Поэтому в ходе исследования он обязан следовать определенной логике и придерживаться определенных правил научного подхода.

- Мы столь подробно остановились на проблеме использования качественных методов не только для демонстрации возможностей этой методологии, но и для того, чтобы показать, как творчески и изобретательно исследователи подходят к богатству социальной практики, ищут нетрадиционные аспекты изучения социальных проблем, используют новые средства для их изучения исходя из своих научных целей и задач.

Вопросы для обсуждения:

- Каков фокус биографического исследования?
- Какие принципы лежат в основе тактики «восхождения к теории»?
- Какие группы могут быть изучены средствами этнографического исследования?
- Что в первую очередь исследуется в тактике кейс-стади?
- В чем вы видите основные отличия каждой из тактик?

Рекомендуемая литература:

- Об этнографическом исследовании: *Романов В.* Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии».
- О методе кейс-стади: *Козина И.* Особенности применения стратегии «изучения случая» при изучении производственных отношений на промышленном предприятии.

- Об истории жизни и истории семьи: Судьбы людей. Россия. XX век/ Под ред. *Семеновой В. В. и Фотеевой Е. В.*; Биографический метод: история, методология, практика. Под ред. *Мещеркиной Е. Ю. и Семеновой В. В.*; *Томпсон П.* История жизни и анализ социальных изменений.
- О фокус-группе: *Белановский С. А.* Метод фокус-групп.
- О нарративном интервью: *Журавлев В.* Нарративное интервью в биографических исследованиях.
- О полуструктурированном интервью: *Веселкова Н. В.* Методические принципы полуструктурированного интервью.
- Об анализе неформализованных документов: *Козлова Н. Н.* Документ жизни: опыт социологического чтения.
- О возможностях качественной методологии: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях/ Под ред. *Малышевой М. М.*; Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Под ред. *Воронкова В. и Здравомысловой Е.*; *Голофаст В.* Многообразие биографических повествований.

IV

ЛОГИКА ДЕЙСТВИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В предыдущих главах мы описали качественную методологию как исследовательское поле со своей историей, теорией, практикой и как область, накопившую определенный опыт научной и практической работы. Теперь можно сказать, что теоретически мы подготовлены: ознакомились с основными аргументами, концепциями и понятиями, классификацией качественных методов.

Эта глава и последующие направлены на формирование практических навыков и умения самому провести подобное исследование: выстроить стратегию, определить проблему, провести полевые работы и осуществить анализ собранных данных. Здесь больше внимания будет уделено примерам из практической работы социологов-«качественников», а также практическим советам и заданиям, помогающим освоить технику проведения исследования. В отдельных случаях в качестве иллюстрации будем обращаться к материалу биографического интервью Л. Миронова, данного в приложении (с. 241).

Однако еще раз подчеркнем, что существует достаточно широкая свобода выбора собственной тактики и невозможно предусмотреть все особенности конкретной исследовательской ситуации.

В этой главе речь пойдет об общей логике и последовательности шагов качественного исследования, которые необходимо в самом общем виде представить перед тем, как начинать свой собственный проект. Ее можно считать введением в практику проведения качественного

исследования, так как она описывает замысел в целом и отдельные шаги в самом общем виде, чтобы потом не сталкиваться с отдельно взятой проблемой.

Поскольку она является вводной, то построим ее в виде вопросов и ответов.

В чем отличие логики качественного исследования от количественного?

Как мы уже говорили, качественная методология достаточно многообразна, способствует проявлению индивидуального своеобразия исследователя, ее понятийный аппарат и последовательность процедур менее жестки, чем в количественной социологии. Главный принцип — следовать избранной логике рассмотрения и анализа явления. Приводимые здесь и в дальнейшем схемы, последовательность процедур научного поиска скорее носят характер «путеводителя», призванного помочь сориентироваться в особой исследовательской ситуации и выбрать свой вариант.

Разработка процедуры качественного исследования — это работа по формулированию собственной стратегии. Обычно она применима только для целей конкретного проекта. Тем не менее, существуют некоторые самые общие правила, помогающие грамотно выбрать свой путь.

В главе I мы уже говорили об общих различиях в исследовательском подходе в качественной и количественной социологии. Здесь остановимся на различиях в логике анализа и в последовательности исследовательских процедур. Так как стратегия и порядок процедур в качественном исследовании достаточно хорошо знакомы студентам, выделим специфические черты общей стратегии качественного исследования в отличие от количественного, сопоставив их по отдельным шагам. Эти различия отражены в схеме 3 (Источник: Схема Л. Ньюмана [102] в обработке автора).

Схема 3

Содержание и последовательность операций в количественном и качественном исследованиях

Количественные методы	Качественные методы
Г и п о т е з ы :	
Гипотезы формулируются в программе до начала сбора данных. В процессе изучения осуществляется их проверка.	Значения фактов, явлений осмысливаются после "погружения" исследователя в поле. Гипотезы формулируются на заключительном этапе анализа.
Концепции:	
Формулируются из теорий и переводятся на язык операций с данными.	Концепции — результат последовательного обобщения терминологических "гнезд" (таксонов) живого языка, тем, понятий.
Измерительные процедуры:	
Инструменты измерения разрабатываются и проверяются в пилотаже, обычно формализуются.	Измерительные инструменты формулируются в результате полевого исследования; часто являются специфическими, отражают индивидуальный исследовательский подход.
Представление данных:	
Представлены в виде статистических распределений, шкальных показателей, результатов измерения взаимосвязей.	Представлены в виде высказываний, фрагментов документов, наблюдений, транскриптов.
Т е о р и и:	
Гипотетико-дедуктивные, казуальные (причинные).	Могут быть как казуальными, так и интерпретативными, преимущественно индуктивные.
П р о ц е д у р ы:	
Стандартизированы, предполагается их повторение другими исследователями.	Процедуры дублируются редко.
А н а л и з:	
Осуществляется статистическими методами.	Производится путем выделения тем или обобщения идей из собранных свидетельств: организация данных нацелена на получение целостной картины.

Что можно заключить на основании такого сравнения?

1. И тот и другой тип исследований схожи научными категориями: концепции, гипотезы, измерительные процедуры, использование теоретического анализа данных. Обе стратегии предполагают научно-обобщенные формы представления данных. Значит, проводя качественное исследование, необходимо умение работать с научными понятиями и концепциями; быть знакомым с теориями. Однако, как мы убедились, категориальный аппарат гуманистической социологии существенно отличается от позитивистской. Следовательно, исследователь-«качественник» должен быть хорошо подготовленным теоретически именно в рамках данной традиции.

2. Порядок операций в качественном исследовании существенно отличается: гипотезы выдвигаются «на выходе»; концепции и понятия на начальном этапе формулируются в самом общем виде и становятся более определенными лишь в результате слеполевого обобщения; измерительные инструменты разрабатываются по итогам полевого этапа. Это означает, что в отличие от количественного качественное исследование на начальном этапе носит *открытый характер* и конструируется в четкие концепции только на заключительном. Следовательно, приступая к исследованию, нужно быть готовым к самостоятельной аналитической работе в *процессе* самого исследования.

В качественной стратегии форма представления данных и их подача носят *описательный* характер, а это предполагает готовность и умение работать с пространственными текстовыми материалами.

То, что не следует из схемы, но также является отличительной чертой качественного исследования в сравнении с количественным: нет четкого разграничения этапов исследования. Например, анализ и полевые наблюдения часто осуществляются одновременно. Исследователь должен быть готов одновременно и наблюдать и анали-

зирать увиденное, а затем терпеливо неоднократно возвращаться к тексту, корректируя первоначальный анализ.

Другими словами, при количественном подходе исследователь выходит в поле «вооруженный» концепциями, гипотезами и измерительными инструментами с намерением через этот фокус «навести порядок» в разрозненной массе объектов и событий. Избирая качественную стратегию, он отправляется в экспедицию «не вооруженный», но подготовленный своим предшествующим социальным опытом, предварительными знаниями по данному кругу проблем, «с открытыми глазами и наостренными ушами», с намерением распознать, что же происходит в действительности, и описать это теоретически.

Вообще, роль и позиция исследователя в качественном исследовании универсальна. Считается, что качественный метод требует небольших материальных затрат, однако собственно интеллектуальные затраты исследователя здесь очень велики. В большинстве случаев от начала и до конца исследования он выполняет все функции сам.

Исходя из этого, он должен сочетать в себе способность к комбинированию абстрактного и конкретного; широкую социологическую и общекультурную эрудицию; умение сопоставлять разные источники информации; сочетать функции интервьюера, социального психотерапевта и аналитика; обладать научной интуицией и воображением; способностью применять как логику здравого смысла, так и логику индуктивную; наконец, он не может добиться успеха без знания макросоциологических теорий и подходов, равно как и частных микротеорий. Одним словом, быть социологом-«качественником» — это искусство!

Все эти требования закономерны, так как исследователь фактически превращается в «инструмент для сбора информации», который необходимо определенным обра-

зом «настроить» и постоянно поддерживать в рабочем состоянии, т. е. «включенным», готовым к восприятию социальной реальности.

В каких случаях принимают решение о качественном исследовании проблемы?

Выбор качественной стратегии как наиболее подходящей для анализа данной проблемы определяется следующими моментами.

Во-первых, если исследователь намерен обратиться к пониманию повседневной жизни людей и в этом ракурсе объяснить «логику» функционирования индивидуального в социальных структурах.

Во-вторых, если проблема вообще не сформулирована, но лишь туманно просматривается (например, польские мигранты, одни успешны в адаптации, а другие — нет. Почему? Кто успешен? И т. д.). Именно в этом случае она *нуждается* в том, чтобы ее исследовали, так как составляющие не поддаются простому обнаружению стандартными методами, а теория не дает ответа на этот вопрос.

В-третьих, если необходимо *детальное* глубокое описание проблемы, тогда как широкое обозрение массовыми методами не позволяет отразить ее достаточно глубоко.

В-четвертых, если необходимо описание индивидов в *естественной обстановке*, в полевых условиях.

В-пятых, если требуется подробное *текстовое* изложение состояния проблемы с привлечением свидетельств непосредственных участников событий.

В-шестых, если для раскрытия проблемы нужна позиция *активного исследования*, когда важно раскрыть ситуацию глазами и словами участников, а не с позиции внешнего «научного эксперта». То есть при изучении тех аспектов, которые связаны прежде всего с *эмоциональной* сферой человеческой деятельности и практикой жизни.

В чем состоит предварительная подготовка к исследованию?

Мы упоминали, что на подготовительном этапе исследовательская проблема формулируется в самом общем виде и разрабатывается общий подход к стратегии ее анализа без детализации плана и формулировки концепций.

Наиболее важный момент подготовки — ***общетеоретическое определение координат***, в рамках которых будет осуществляться проект.

Это включает в себя:

1. ***Теоретико-методологическое*** представление исследователя о возможностях качественной методологии, что направляет логику его работы. Имеется в виду знание философских концепций понимающей социологии, о которых шла речь во II главе. Схема 4 демонстрирует, как постулаты гуманистической социологии становятся руководящими принципами действия исследователя на полевом этапе.
2. Предварительно определяется также теоретико-методологическая ориентация исследования. Например, как практически-ориентированное (улучшение дел в данном аспекте социальной реальности), познавательное в рамках определенных теорий (интеракционистское, феноменологическое и т. д.) или теоретико-прикладное (ориентированное на построение частной теории). Как результат это приводит к выбору тактики: кейс-стади, история жизни, восхождение к теории и т. д., в разной степени ориентированных на теоретический или практический результат.
3. Желательно предварительно определить, в рамках какой отрасли социологического знания преимущественно будет проводиться исследование (к примеру, социология культуры, урбанистика или теории социальных изменений). Это необходимо для определения основных научных категорий, которыми будет оперировать исследователь в дальнейшем, на этапе анализа.

Схема 4

Перевод теоретических постулатов в практические принципы при организации качественного исследования

Теоретические постулаты:	Практические принципы:
<ul style="list-style-type: none">■ понимание субъективных смыслов поведения индивидов;■ познание реальности через формы коммуникативного общения;■ обращение к скрытым от прямого наблюдения смыслам;■ познание повседневности языком и образами участников общения;■ понимание символов общения неотрывно от определенного контекста реальности, в рамках которого он существует;■ познавательный процесс основан на различении двух равноправных ситуаций: ситуации участников исследования и исследовательской ситуации.	<ul style="list-style-type: none">■ исследователь использует высказывания и образы, описывающие ситуацию языком ее участников;■ реальность изучается путем непосредственного диалога с участниками;■ исследователь идет на длительный контакт с участниками и становится “своим”;■ используется повествовательный стиль информации о повседневной жизни, представленный в основном цитатами от первого лица и словами участников;■ исследователь собирает все виды информации о социальном контексте события начиная от узко-локального до социально-исторического и анализирует объект строго в выбранных рамках;■ в ходе анализа и обобщения социолог постоянно пересматривает формулировки, корректирует их непосредственным опытом жизни участников исследования.

Последнее требование не всегда является обязательным на подготовительном этапе. В некоторых тактиках, например grounded theory, открытый анализ предшествует последующей категоризации в терминах той или иной теории.

Какова последовательность действий?

Перед тем, как приступить к исследованию, нужно хорошо уяснить себе общую *логику* проведения исследования.

В целом мы анализируем качественную информацию индуктивно, поднимаясь от непосредственно наблюдаемых данных к более обобщенным представлениям. Они могут называться темами, кодами или категориями. Иногда это могут быть метафоры, аналогии, образы, матрицы. Суть процесса состоит в разрыве первоначального неструктурированного текста и представлении его в новых компактных формах, более удобных для анализа.

С одной стороны, логика качественного исследования представляется как *линейная*, так как состоит из ряда *последовательных* шагов от первых эмпирических данных к гипотезам, сформулированным в итоге, т. е. в направленном восхождении от эмпирического хаоса данных к упорядочению и концептуализации. (Более подробно о каждом из этапов будет рассказано в главе VI.) Такое движение отражает *линейную последовательность* стадий аналитического анализа — как последовательного восхождения к более абстрактным обобщениям.

Графически это можно выразить следующим образом:

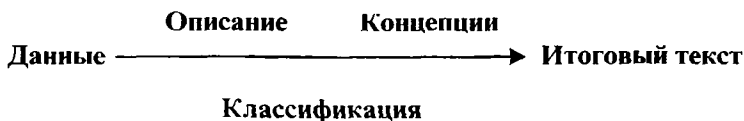

Рис. 2. Качественный анализ как последовательный процесс [75, с. 53]

С другой стороны, логика анализа имеет *циклический*, или петлеобразный, характер, так как происходит постоянное возвращение к исходным эмпирическим данным для проверки и уточнения предварительных теоретических построений (категорий и концепций). Цель такого возвращения — не потерять связь с первичным восприятием реальности людьми, от которых мы получили информацию. Поэтому более реалистично представить качественное исследование как серию спиралей или петель возвратно-поступательного продвижения, которые исследователь предпринимает на каждой фазе общего линейного движения к теоретическому знанию о проблеме.

Таким образом, точнее определить процесс анализа как *спиралевидный*. Он проходит через различные циклы, каждый на более высоком уровне, аккумулируя при этом все большее количество дополнительных эмпирических данных.

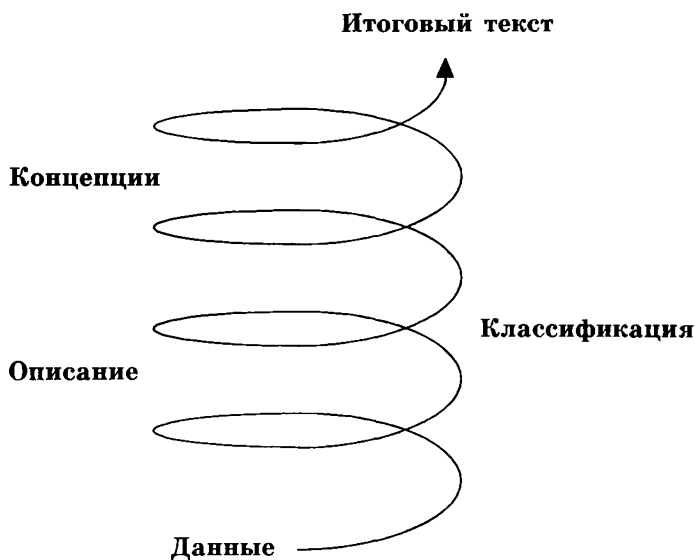

Рис. 3. Качественный анализ как циклическая спираль [75, с. 53]

Такое представление подчеркивает взаимодополняемость отдельных процедур качественного анализа: читая и описывая данные, исследователь не может избежать одновременной их классификации; строя гипотезы, он возвращается к первичным категориям, иногда пересматривает их; в случае новых поворотов анализа вновь обращается к наблюдениям и текстам, пересматривая первичную кодировку. Поэтому отдельные стадии исследования, которые описаны в последующих главах последовательно, можно считать скорее фазами, которые в реальной практике могут и не располагаться в таком порядке.

Тем не менее, **необходимо твердо помнить**: первичный текст представляет собой видение ситуации глазами участников исследования, он для исследователя первичен. Анализ данных не означает полного реконструирования текста на основе исследовательских целей. Он остается *частично* исследовательским, так как учитывает *авторское видение*. Поэтому мы неоднократно и возвращаемся к нему для того, чтобы сверить степень согласованности двух перспектив видения ситуации — авторской и исследовательской.

Как ведет себя исследователь в поле?

Социолог проводит в поле много часов, ведя интенсивный сбор информации. Первоначально он стремится добиться доступа ко всем видам информации, затем получить ее в максимальной полноте, включая сведения о скрытых, внутренних подтекстах социальной практики.

Форма диалогового контакта с исследуемыми и стремление понять их жизнь требует уважительного отношения к ним, общения на равных. Поэтому исследуемые индивиды в качественном исследовании и называются ***участниками*** исследования.

На этапе полевых работ социолог задает открытые вопросы, ожидая пространных ответов. Он должен быть

готов внимательно выслушать, а не занимать позицию «эксперта», который пришел с готовыми вопросами, чтобы получить короткие ответы. У исследователя нет готовых вопросов, форма их постановки может существенно корректироваться по мере проникновения в исследуемую проблему. *Мы задаем вопросы не с целью получить «ответ», а для того, чтобы схватить «образы» реальной жизни, узнать язык и символы, используемые в данной среде, понять субъективные смыслы речи и описываемых действий.*

Нужно также быть готовым к фиксации невербальной информации: наблюдать за выражением лица, жестами, окружающей обстановкой, за другими людьми, попадающими в поле зрения исследовательской ситуации.

В ходе полевого этапа приходится решать ряд этических проблем: добиваться взаимопонимания, избегать конфронтующих тем, сохранять конфиденциальность и защищать анонимность того, от кого вы получили сведения.

На последующих этапах имена участников полевых исследований кодируют и избегают доступа к личной информации всех, кто не имел отношения к данному исследованию.

Какова роль социального контекста?

Ни в одном виде исследований роль контекста не является столь значимой как при качественном, так как смыслы и значения различаются в рамках разных контекстов. События описываются строго в определенных рамках: от конкретного социального пространства — места, где происходят изучаемые события, до локального — региональной специфики, а затем и генерального — социально-культурного и исторического фона.

Контекст структурирует первичное видение объекта, а также возможности его обобщенного анализа. Из этого следует, что любое исследование требует

детального описания социальных «рамочек»: группы, организации, социального института, данной культуры или общества определенного периода; временных рамок определенного процесса, пространственных рамок (социальное пространство); области социальных отношений и т. д.

Например, в биографическом интервью с Л. Мироновым (см. Приложение) рассказчик описывает свою профессиональную карьеру в научно-исследовательском институте. При описании этого жизненного эпизода первично определяют место события: конкретный научно-исследовательский институт со своей системой отношений как физическая точка в пространстве; затем локальные рамки: московская научная среда; далее — временные рамки: научная среда 70—начала 80-х годов и, наконец, советское общество того периода как фон, на котором разворачиваются события.

Именно контекст может стать ключом к пониманию смысла происшедшего для его участников, а также смысла отдельных фраз или слов, которые индивиды используют в своей речи. Исследователь должен учитывать и возможную многоаспектность контекстов и одновременное наложение сразу нескольких контекстов, включая контекст самого процесса исследования. О соотнесенности нескольких «рамочек» анализа мы говорили в главе II. Возвращаясь к предложенному примеру с Мироновым: эпизод с научно-исследовательским институтом существует в нескольких пространственно-временных рамках (Москва, 70-е годы и т. д.), но кроме того он существует как эпизод в контексте общего течения жизни индивида или как эпизод его теперешнего (1995 год) рассказа о событиях прошлого, которые определенным образом повлияли на его теперешнюю судьбу.

Поэтому для проникновения в социальный контекст надо помимо прочего выделить время для заня-

тий в библиотеке — «знакомство с литературой о проблеме и предмете исследования».

Чем заканчивается исследование?

Исследователь ориентирует конечную подачу результатов на определенную аудиторию:

- узкое научное сообщество, хорошо знакомое со спецификой качественных исследований;
- широкую научную общественность, которая заинтересована в результатах, но не готова к пространным цитированиям из текста;
- широкую публику, не понимающую специального научного языка, но являющуюся экспертом в социальной повседневности.

В любом случае объем итогового текста обычно превосходит размеры привычного количественного отчета, так как включает в себя описательный материал и прямое цитирование высказываний людей. Он будет отличаться и по структуре — это скорее размышление с большим количеством ссылок на первичный текст без традиционной структуры отчета, выделяющей вступление, обзор литературы, описание использованных методов, результаты и выводы.

Итоговый текст может иметь самый разный стиль подачи. Мы можем подать его как рассказывание истории; в форме отчета об исследовании, следуя традиционной форме (проблема, вопрос, метод, результаты); можем рассказать о своем опыте проведения исследования или дать слово только информантам, приводя их высказывания почти дословно.

Чаще всего качественные исследования не имеют окончания в традиционном смысле, т. е. не содержат выводов. Они обычно заканчиваются вопросом или же содержат гипотезы. По методической функции их можно назвать стимуляторами дальнейших исследований.

Итак, что означает провести качественное исследование?

- Чтобы исследование соответствовало основным требованиям качественного подхода, оно должно обладать такими характеристиками, как открытая, гибкая исследовательская стратегия; описание социальной реальности в ее многообразии; использование исследователя в качестве «инструмента познания» реальности; концентрация на субъективном видении участниками своей социальной ситуации.
- Оно должно быть предварительно теоретически ориентировано на определенные концепции и подходы, существующие в рамках субъективной или гуманистической социологии.
- Мы начинаем с общего нерасчлененного видения ситуации, с некоей одной идеи или проблемы, которую нужно понять. Проблемы концептуализации, а иногда и выявления связей, возникают позже, после детального описания исследованной проблемы в целом.
- Детализация предмета рассмотрения осуществляется в процессе сбора информации и в ходе ее анализа. Глубинное видение предмета происходит благодаря многоаспектному и долговременному изучению его в поле.
- Мы анализируем данные, используя разные уровни абстракции. Активная работа над качественными данными означает движение от частного, обыденного уровня к более высокому уровню абстрагирования, следуя спиралевидному принципу движения. Иногда исследование останавливается на описании обобщенных характеристик исследуемого объекта, иногда удается добиться более общей, единой картины одного аспекта реальности в абстракциях высокого уровня.
- Итог исследования, в какой бы форме он ни был представлен, должен создавать у читателя чувство «присутствия», включенности в ситуацию. Литературное вы-

ражение «верю!» очень подходит как образ для такой формы подачи данных.

- Описание результатов должно быть ориентированно на раскрытие новых, неожиданных ракурсов рассмотрения проблемы. Общее изложение должно достаточно точно отражать все сложности и противоречия реального бытия изучаемого феномена. Лучшие качественные исследования вызывают у читателя чувство сопричастности и заинтересованности в судьбе изучаемых людей.

Практические задания:

1. Выберите тему собственного качественного исследования. Если тема ваших научных интересов более обширна, чем возможности качественной методологии, попробуйте найти в ней тот аспект, который может быть исследован этими методами. Если же это не удастся, можно определить поле своего будущего исследования более традиционно: «Один день жизни моей семьи», «Мое отношение к социологии» или «История моей семьи», «Учебная группа».

2. Определите общую тактику будущего исследования (кейс-стади, история семьи, история жизни и т. д.). На двух страничках опишите: а) проблему или вопрос, который вы хотели бы исследовать; б) основной вопрос исследования; в) данные, которые вы будете собирать и анализировать; г) опишите возможную научную ценность такого исследования; д) ваше отношение к объекту изучения и участникам исследования.

В планируемом исследовании определите возможные теоретические перспективы, вытекающие из вашего исследования. На практике вы можете и не воспользоваться ими, но для тренировки провести такой анализ весьма полезно. Проанализируйте, каким образом выбранный теоретический ракурс будет ориентировать общий ход вашего исследования.

Следуя схеме на с. 132, определите конкретно, как указанные практические принципы будут реализовываться в вашем случае.

Рекомендуемая литература:

О логике качественного исследования: *Константинова В.* Полевое исследование в качественной парадигме/ В кн: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. *Ярская-Смирнова Е.* Эпистемология и метод анализа нарративов/ В кн.: Социокультурный анализ нетипичности.

V

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАМЫСЛА В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Одна из самых сложных проблем проведения исследования — с чего начать? Два вопроса кажутся здесь наиболее трудными: как выбрать проблему для изучения и как ее сузить, чтобы сделать «работающей»? Эти вопросы кажутся наиболее сложными для новичка в качественной социологии, поскольку процесс выбора темы и проблемы не заданы формальными требованиями в отличие от количественной социологии. Цель данной главы описать наиболее важные принципы, позволяющие сделать правильный выбор проблемы и провести ее анализ в полевых условиях.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор проблемы

Чаще всего тема будущего исследования возникает при прочтении литературы, как желание понять какой-то феномен или разобраться в дискуссии по определенному вопросу. Идея может возникнуть и из жизненной практики исследователя, в частности, его личного опыта общения с данным феноменом или профессиональной сферы деятельности (отношения в науке, учебном заведении или более абстрактно — отношения власти в государственном учреждении). Мы уже упоминали, что целью такого изучения служит ознакомление с определенным аспектом жизненного опыта, который до сих пор не подвергался рассмотрению или мимо которого прошли предыдущие исследователи.

Подход к рассмотрению проблемы обычно начинается с изучения публикаций по теме. Такое предварительное знакомство с ситуацией в науке может различаться по степени глубины, но тем не менее позволяет представить ее в более широком круге проблем и определить позицию исследователя. К примеру, удобно построить общую матрицу литературных источников, т. е. формализовать уже имеющиеся подходы к исследованию темы или же зафиксировать концептуальные различия двух альтернативных подходов к тематике.

Постановка проблемы предполагает также ее рассмотрение в понятиях и концепциях качественного исследования. Например, при изучении истории жизни целесообразно указать, почему в данном случае необходимо обратиться к индивидуальному опыту и почему опыт именно этих индивидов важен для решения проблемы в целом.

Итак, на начальном этапе социолог определяет проблему, затем исследовательский вопрос, на который он хотел бы получить ответ, и общий подход к исследованию.

Постановка общего вопроса

Как и в количественном исследовании, отправным пунктом здесь является проблемная ситуация. Исследователь формулирует проблему, начиная с самой общей постановки вопроса. Такой вопрос обычно начинается со слова «что» или «как». Это означает желание изучить данную проблему с точки зрения того, что происходит в реальности. Сравним: в количественном исследовании исследовательский вопрос обычно начинается со слова «почему» и ответ ищется через сравнение различных групп: почему данная группа отличается от другой. Таким образом исследуются отношения между отдельными составляющими (зависимые и независимые переменные).

В качественной методологии исследовательский вопрос формируется как открытый и широкий: не на-

столько широкий, чтобы объять необъятное, но не настолько узкий, чтобы исключить возможность поиска неожиданных аспектов проблемы.

Это вопрос определяет: а) феномен, подлежащий изучению; б) его стороны, аспекты, на которых вы хотели бы сфокусировать свое внимание и в) что конкретно вы хотели бы узнать о данном предмете.

Обычно основной вопрос ориентирован на изучение *действий и процессов*. Такой вопрос способствует дальнейшему определению исследовательской ситуации: подсказывает *события*, которые подлежат изучению; *источники информации*, необходимые для анализа ситуации; какие *действия* людей подлежат рассмотрению или *кто* должен стать участником исследования. Если в процессе изучения множественность и разноликость данных приведет к утере ориентиров, исследовательский вопрос как компас всегда позволит вернуться к стержневому интересу в изучении феномена.

Вопрос может быть также направлен на описание культурных образцов (типа: Как можно описать или интерпретировать...?) или процессов (типа: Каковы пути, формы достижения...?), на выяснение значений (вопросы типа: С точки зрения (заказчика, участника и т. д. ...) каковы...?).

Вот пример постановки проблемы и вопросов в уже упоминавшемся исследовании А. Страуса о хронической боли и субъективном отношении к ней:

«Цель данного исследования состоит в изучении того, как медики, специализирующиеся в области борьбы с болью, относятся к проблеме боли. Этот аспект работы представляет для них большую сложность, так как не существует единого мнения, на которое они могли бы опереться, чтобы охарактеризовать ситуацию болевых ощущений пациента. Долгое время проблема хронической боли существовала в медицине как данность, хотя она и пронизывает все поля медицинской практики. Теперь медики пытаются конструировать свои взгляды на эту проблему, и это разделило все медицинское сообщество на противобор-

ствующие группы. Центральным в этом противостоянии является проблема формулирования единого авторитетного мнения, так как это позволило бы соответствующим образом определить и практику борьбы с болью. В настоящее время такого консенсуса не достигнуто... *Здесь я изучаю, каким образом медики, имеющие разные позиции, формируют свои стратегии по отношению к пациентам с хронической болью и каковы последствия таких стратегий для пациентов.* Используя в качестве полевого эксперимента два медицинских центра, можно будет посмотреть, как врачи этих двух центров применяют понятие боли к ситуации пациента и какие они дают советы. Проанализируем, как разные стратегии отношения к боли формируют систему отношений врач-пациент» [114, с. 10].

В данном проекте точно указано:

- феномен, подлежащий изучению — «хроническая боль»;
- его стороны, подлежащие изучению, — субъективное отношение к боли;
- общий вопрос — как медики относятся в проблеме боли;
- процессы, подлежащие изучению, — практики борьбы с болью в клиниках;
- источники информации — практики борьбы с болью в двух медицинских центрах;
- кто должен стать участником исследования — врачи, имеющие разные стратегии отношения к боли.

Комментируя это описание замысла исследования, можно отметить, как первично широкая формулировка проблемы постепенно сужается в конкретный вопрос и концентрируется непосредственно на изучении конкретных ситуаций «отношения к боли» (система отношений врач-пациент в условиях клиники и т. д.). В то же время, уже в самом начале ясно: кто конкретно подлежит изучению, в какой ситуации, какого рода вопросы и относительно чего будут заданы, какие дополнительные источники информации привлечены.

В то же время, постановка общего вопроса оставляет свободу для маневрирования: можно переориентировать

исследование на проблему взаимоотношений, на ситуацию в разных клиниках (по типу кейс-стади), если в ходе исследования определенный аспект окажется более интересным для рассмотрения.

Подвопросы

После постановки общего вопроса полезно также предусмотреть его расшифровку через более конкретные *подвопросы*, которые раскрывают общую ориентацию проекта. Например, в рамках каких конкретных проблемных сфер жизни будут анализироваться полученные данные — политической, исторической и т. п. областях? Скажем так: «Как данный случай может рассматриваться с точки зрения политических проблем: политических конфликтов и последствий политических решений?» Проблемные подвопросы могут быть ориентированы на более узкие аспекты исследуемой проблемы (по типу как это отражается на проблеме...).

Подвопросы могут быть предметно ориентированы, т. е. раскрывать отдельные предметные характеристики исследуемого феномена.

Для иллюстрации разницы в постановке проблемных и предметных подвопросов приведем пример из исследования Дж. Гритц «Голоса из класса: представление об учительском профессионализме» [88]. Для феноменологической интерпретации представлений об учительском профессионализме автор использовала два вида подвопросов:

Общий вопрос:

1. Что означает для практиков понятие «учительский профессионализм»?

Проблемные подвопросы:

а) Каковы его составляющие?

б) Каковы подспудные контексты, которые предопределяют такое представление?

- в) Каковы универсальные структуры, обуславливающие чувства и размышления по поводу «учительского профессионализма»?
- г) Каковы возможные альтернативные представления об «учительском профессионализме» у практикующих учителей?

Предметные подвопросы

- а) Какие действия характеризуют профессиональных учителей?
- б) Каких действий не допускают настоящие профессионалы?
- в) Описать одного учителя, который соответствует понятию «учитель-профессионал»
- г) Какие качества учителя-профессионала формируются легче, а какие сложнее?
- д) В какой момент учитель впервые почувствовал себя профессионалом?

Известный исследователь Н. Денцин предлагает другой путь построения подвопросов. Он считает, что подвопрос должен быть один и начинаться со слова «как?». В нем формулируется будущая обобщенная интерпретация случая в понятиях используемых концепций. Например, при исследовании индивидуальной биографии алкоголиков такой тип подвопроса он формулирует следующим образом: «Как простые мужчины и женщины-алкоголики живут и как ощущают свое состояние хронического алкоголизма?» [73, с. 50].

Примеры показывают, что подвопросы могут быть обращены: на сам предмет исследования, его раскрытие; на отдельные проблемные области, в которых он проявляется; на будущие интерпретативные концепции. Подвопросы могут предвосхищать процедурные шаги сбора информации, а также структурировать будущие повествования как рассказы о данной сфере жизнедеятельности.

В этом параграфе мы рассмотрели разные аспекты, касающиеся подготовительного этапа исследования: оп-

ределения проблемы, постановки цели и формулировки основного исследовательского вопроса.

Важно запомнить, что постановка проблемы должна быть связана с уже имеющейся литературой, т. е. с предысторией проблемы, а также исходить из традиций качественного подхода.

Центральный исследовательский вопрос как бы сужает и заостряет предмет интереса в уже принятых терминах. Он может раскрываться через подвопросы, как проблемное, тематическое, концептуальное или процедурное видение общего замысла.

Формулировка цели

Цель исследования формулируется в категориях качественного анализа. Она ориентирует на конечный результат и раскрывает, каким путем будет осуществляться движение к этому результату.

Формулировка цели позволяет определить «конечный пункт» исследования и отследить «маршрут движения в данном направлении». Дж. Кресуэл предлагает своим студентам определенную форму для заполнения, которая помогает им в определении исследовательских целей:

Цель данного _____ (биографического, исторического, этнографического, феноменологического и т. д.) исследования состоит в (Понимании? описании? развитии? раскрытии? выявлении?) _____ (чего? центральный вопрос) _____ в _____ (единица анализа: поведении индивидов? групп? в процессе?). На данной стадии изучения _____ (центральное изучаемое понятие) будет определяться как _____ (дать общее определение основной концепции) [69, с. 96].

При такой форме заполнения, считает Кресуэл, исследователь сразу определяет:

- а) тактику, в рамках которой он работает;
- б) характер научного результата, который ожидает исследователь в качестве конечной цели (описание, интерпретация, концептуализация);

в) субъектов, которые будут служить единицами анализа (индивид, группа);

г) формулировку своей центральной концепции, хотя на предварительном этапе это можно сделать весьма приблизительно. Так, в истории жизни можно определить, какой жизненный этап будет центральным при изучении, а в случае кейс-стади определить границы изучаемого случая по времени и месту.

Приведем еще два примера формулировки цели [96, с. 98]:

С. Конрад (1978) при исследовании изменений в системе академических статусов преподавателей университетов:

«Важнейшая цель данного проекта состоит в теоретическом представлении изменений в системе академических статусов. Такое представление основано на эмпирическом исследовании, в ходе которого решаются два вопроса: каковы основные источники таких изменений? Каковы основные процессы, через которые эти изменения происходят? Для целей этой статьи grounded theory определяется как теория генерирования эмпирических данных на основе их системного анализа и сравнительного метода».

Л. Смит (1987) в исследовании истории жизни Чарльза Дарвина на основе его личных писем так формулирует свои цели:

«В этом эссе я поднимаю несколько вопросов, связанных с общей целью «интерпретативного понимания», (или скорее размышления и предположения), которые возникли в ходе прочтения и осмысления писем Чарльза Дарвина своей семье».

Практические задания:

1. Для своего исследования (см. задание к главе IV) переформулируйте и скорректируйте проблему, цели и общий вопрос, теперь уже опираясь на знание способов такого построения.
2. Составьте несколько подвопросов для своей темы, используя разные типы построения таких подвопросов.

ПОЛЕВОЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

Полевой этап исследования включает:

- поиск индивидов
- обеспечение доступа и установление контакта
- определение круга опрашиваемых для насыщения выборки
- сбор данных
- оформление информации в структурированном виде
- хранение информации.

Как уже говорилось, в качественном исследовании этапы не всегда следуют в определенной последовательности, предложенный порядок может нарушаться, а отдельные процедуры могут происходить одновременно.

Исследовательские приемы на полевом этапе могут несколько различаться в зависимости от основного метода (наблюдение, интервью, анализ документов). Здесь рассмотрим полевой этап на примере интервью.¹⁰

Общую последовательность действий на полевом этапе рассмотрим на примере темы «Опыт военного детства в формировании отношения к Германии¹¹». Используем эту тему исследования для иллюстрации шагов полевого исследования.

Исходя из темы, предположим общий исследовательский вопрос: какова роль военного детства в формировании отношения к Германии?

¹⁰ Специфике наблюдения будет уделено внимание в отдельном параграфе.

¹¹ Такова была только одна из тем в проекте «Отношения Германии и России в социальном опыте трех поколений россиян», проведенном в институте социологии под руководством О. М. Масловой при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Цель проекта — понять, как формируется образ «другой» страны на уровне обыденного сознания, как отражаются международные отношения, «большая политика» в житейском, повседневном опыте простых людей; чем отличаются образы Германии, формировавшиеся в экстремальных условиях (военные конфликты, напряженные ситуации) и в отношениях сотрудничества. В данном случае мы использовали только одну тему в качестве возможного образца для проведения полевых работ [32].

На начальном этапе, как об этом говорилось, исследователь имеет дело с неструктурированным проблемным полем. При выборе проблемы и постановке вопроса очерчен лишь круг исследовательского интереса. Подвопросы позволяют уточнить: какие темы наиболее важны; какие из них уже достаточно известны, а какие входят в круг неизвестных. Обозначим эти подвопросы:

1. Военное детство: где, когда, с кем находился в военные годы?
2. Каково было отношение к фашистам среди людей, составлявших тогда его/ее окружение?
3. Каков опыт личных впечатлений от контактов с немцами в детстве?
4. Каковы теперешние воспоминания о своем военном детстве?
5. В чем состоял последующий опыт общения с немцами?
6. Как относится к Германии сегодня?
7. Место детских воспоминаний в формировании образа Германии.

При этом первичные предположения о влиянии или не-влиянии детского опыта на отношение к Германии не формулируются. Мы только определяем *исследовательское* поле, в рамках которого возможно изучить эту проблему и быть уверенными, что нужная нам информация находится в рамках данного круга. Первичные предположения и формулировка гипотез появляются уже после погружения в «живой материал».

Вполне вероятно, что некоторые области анализа в дальнейшем окажутся незначимыми. Также возможно, что появятся другие проблемы. Все это выяснится в поле. Предварительная подготовка сводится к формированию готовности выделить и зафиксировать, с одной стороны, необычное, специфическое для данной проблемной области и, с другой — типичные, обыденные, рутинные характеристики, известные из других источников (на основе предварительного теоретическо-

го анализа научной и публицистической литературы, консультаций с экспертами и знакомства со статистической или данными предыдущих исследований).

Очерчены также временные и пространственные рамки анализа, исходя из имеющихся источников и здравого смысла. В нашем случае временной период, представляющий интерес, — годы Великой Отечественной войны.

Выбор конкретных лиц (объектов) для интервьюирования представляет собой ответ на главный вопрос: кто в условиях ограниченной численности глубинных интервью может стать наилучшим «экспертом» по данной проблеме (т. е. обладает соответствующим жизненным опытом) и каковы способы достижения контакта с ним? Фактически, каждый индивид может рассматриваться как эксперт в области каждодневного опыта повседневной жизни. Однако все зависит от задач исследования.

Кроме чисто научных целей, существуют прагматические параметры поиска таких людей: насколько они доступны, хотят ли участвовать в исследовании и потратить свое время на общение с исследователями.

Скажем, дети, имевшие опыт пребывания на оккупированной территории, и дети, не имевшие его. Где лучше начать поиск таких людей? Можно пойти путем «случайных встреч на улице», но насколько это будет продуктивно? И где, в каких географических точках искать тех, кто имел в детстве опыт оккупации и не имел его? Где могут быть представлены одни и другие? Наверно, выходцы из Смоленской области будут больше подходить под первый тип, а выходцы из Сибири, скорее всего, — под второй.

При поиске объектов для интервьюирования первоначально определяют некоторые формальные параметры: пол, возраст, профессия, национальность и т. д. Скажем, сколько лет сейчас людям, у которых могло быть военное детство.

По принципам поиска индивидов различают случайный отбор интервьюируемых, поиск среди респондентов ранее проведенного выборочного количественного исследования, а также волонтеров, инициативно высказавших желание участвовать в исследовании (последнее чаще всего происходит в результате публично объявленных конкурсов или призывов присылать свои заметки).

Специалисты обычно не рекомендуют привлекать в качестве интервьюируемых своих хороших знакомых, хотя простота доступа к ним — весьма заманчивая перспектива для начинающего исследователя. Однако минусы перечеркивают возможные плюсы. Во-первых, это может привести к искажению формы подачи информации, во-вторых, существенно сужает социальный круг вовлеченных в исследование, и, в-третьих, может испортить человеческие отношения, так как исследователь становится владельцем информации интимно-личностного характера. Однако и здесь есть исключения. Группа чешских исследователей Пражского университета в течение ряда лет (1990—1993 гг.) проводила взаимные перекрестные интервью в рамках своей исследовательской группы относительно меняющихся стандартов финансового поведения в период кризиса (проблема использования ваучеров, вложение в инвестиционные фонды и их банкротства, изменение в структуре семейных ролей в связи с возросшим значением имущественных основ брачных отношений). Этой группе удалось получить уникальную информацию о скрытых пружинах изменяющегося экономического поведения в условиях кризиса. Такая довольно интимная сторона как долговременные стратегии экономического поведения и финансы обычно редко доверяется посторонним, тем более исследователям. Поэтому социологи и решили пойти на этот эксперимент над собой. При этом им удалось сохранить и нормальные личностные отношения.

Среди интервьюируемых К. Пламер предлагает различать *типичных (обычных) представителей* (образец широких масс населения), *маргиналов* (которые воплощают в себе конфликт двух культур), *экстремальный тип* (как не характерное, но яркое проявление определенной тенденции), а также *выдающихся личностей*» (которые

оказали существенное влияние на определенную эпоху или развитие определенной области).

Как правило, исследователи обращаются к простым, типичным представителям определенной общности. Но для исследования под углом зрения «нормы-отклонения» более подходят экстремальные случаи, а для изучения «пересечения» разных культур — маргиналы.

При обосновании выбора субъектов желательно рационально обосновать, почему именно данные случаи или индивиды стали объектом анализа, и как это соотносится с общими целями. Например, почему избрана тактика типичного или экстремального случая; чем обосновывается выбор маргинального и т. д. В чем проявляются эти типичные или экстремальные черты в данном конкретном случае?

Особый интерес представляет интервью с выдающимся человеком, так как его опыт в концентрированном виде отражает черты, свойственные представителям определенной социальной среды, общества определенного временного периода. Однако доступ к таким людям затруднен. Прежде чем решиться на такой диалог, следует подумать, не проще ли получить информацию у «оставного лидера» (например, находящегося на пенсии: он имеет больше времени, а иногда и более объективен. Однако при этом надо принять к сведению, что этот человек теперь не принадлежит к членам исследуемого сообщества).

Важно иметь в виду, что люди, привыкшие давать публичные интервью, достаточно четко различают деловую и личную тематику. Относительно собственной жизни их разговорить намного сложнее, чем простых людей. *Наилучший объект для интервьюирования тот, кто рассказывает о своей жизни впервые.* Специфика же общения с выдающимся человеком состоит в том, что интервьюер должен тщательно подготовиться к диалогу и быть достаточно информированным в той области, о ко-

торой пойдет речь, дабы не выглядет полным дилетантом. Хотя, естественно, уточняющие вопросы здесь также будут уместны.

На этапе *поиска доступа и установления контакта* нужно прежде всего решить, где легче всего искать таких людей, каковы их сообщества и формы организации. Например, члены определенной партии или люди определенного круга имеют свои формальные или неформальные места встреч, так же как безработные, бомжи и т. д. Личные контакты через общих знакомых являются, пожалуй, наилучшим способом вхождения в «целевую среду», даже очень закрытую, если вести поиск направленно, мобилизовав все свои связи.

Отобрав возможные кандидатуры и заручившись их согласием, полезно обговорить с будущим интервьюируемым его права, а также возможности использования личной информации в научных целях.

С этической и правовой точки зрения закономерно поэтому заранее договориться о нескольких вещах:

- о возможности и форме использования личных документов (анонимно, частично, с комментариями, с предварительным разрешением на публикацию, не для печати и т. д.);
- желателен получить письменное согласие участвовать в исследовании;
- предупредить о его праве в любой момент отказаться от участия в исследовании или от освещения определенных тем;
- дать обязательство не разглашать информацию личного характера вне своего исследовательского коллектива и защищать конфиденциальность сведений, полученных от участника исследования.

В рамках установления первичного контакта желательно также попросить будущего информанта заполнить бланк сведений о нем, что позволяет составить предварительный план интервью и вести свободную беседу,

не задавая нетактичных вопросов (например, о детях, заранее зная что респондент никогда не был женат).

Проблема доступа в закрытые сообщества имеет свою специфику. Здесь важно заручиться согласием на интервью хотя бы одного члена группы, который, после установления с ним контакта и проведения интервью, мог бы порекомендовать двух-трех своих знакомых из того же круга, а они, в свою очередь, «передадут» исследователя дальше.

В случае этнографического исследования или кейс-стади тактика состоит в первоначальном поиске «посредника», связывающего исследователя с группой, а затем в контакте с *ключевой фигурой* — человеком, который долгое время является членом группы и имеет ключевой статус в ней. Такой человек — наилучший информант о ее культурных нормах, традициях, неформальной структуре. Выход на такую ключевую фигуру обеспечит дальнейшие контакты, облегчит поиск других информантов и таким образом познакомит «внешнего» человека с особенностями сообщества.

Важной особенностью организации интервью, особенно глубинных, доверительных, является *выбор места*: дома, на работе, в кругу общения [14]. Неверный выбор места интервью может привести к смещению фокуса идентичности индивида, например на публике респондент может войти в роль «официального» рассказчика.¹² [12, с. 72].

В проекте по поводу «отношения к Германии» случай помог найти оригинальное место интервьюирования. Это была выставка «Берлин — Москва», посвященная искусству России и Германии довоенных лет. Однако в дальнейшем оказалось, что в условиях выставки под-

¹² Как показал В. Воронков, расхождение частной и публичной сфер жизни в российском обществе остается значимым, поэтому люди менее охотно раскрывают свою частную жизнь в публичных местах и наоборот [14, с. 72].

робно «разговорить» людей по поводу их детских воспоминаний достаточно сложно. Пришлось искать дополнительные источники информации. Исследователи пошли по пути случайного поиска объектов интервьюирования (через своих знакомых). Однако при таком подходе встала проблема *насыщения выборки* для адекватного представления тех, кто имел разный детский опыт (был на оккупированной территории и не был).

При обосновании количества случаев существуют в основном две стратегии. Один из способов обоснования — метод «снежного кома». Когда 20-й, 30-й человек называет имена тех, кого мы уже проинтервьюировали, можно предположить, что в основном некая совокупность представителей данного типа уже охвачена. То же самое происходит, если каждое последующее интервью не дает ничего нового, а является по сути повторением уже известных нам точек зрения и круга проблем — значит, достигнут порог насыщения.

Grounded theory А. Страуса и Б. Глейзера предлагает другой подход к рациональному обоснованию выбора определенных субъектов в качестве изучаемых. Он носит название *теоретической выборки* (theoretical sampling), что означает отбор случаев (или индивидов) на основе их характеристик, отражающих определенный аспект разрабатываемой теории. Такой отбор начинается с рассмотрения гомогенных (подобных) случаев, с тем, чтобы потом в ходе построения теории дополнительно отобрать и изучить противоположные или вариативные случаи. Это позволяет уточнить первичные теоретические построения через описание противоположных тенденций и их эмпирических проявлений.

Такой отбор случаев был использован при исследовании феномена «хронической боли», о котором мы уже говорили. Случай использования «медикаментозных средств борьбы с болью» был дополнен противоположным *случаем* «психотропной борьбы с болью», что позволило сконцентрироваться на их

различиях. Аналогичный отбор происходит при построении типов вариации любого феномена.

При любой тактике отбора единиц наблюдения необходимо логическое обоснование своего выбора, хотя бы на уровне здравого смысла, для подтверждения в дальнейшем достоверности своих выводов. Этим правилом нельзя пренебрегать. Оно заменяет процесс обоснования выборки в количественном исследовании и при рациональном объяснении принципов отбора снимает пресловутый вопрос критиков о достоверности и надежности качественных данных: можно ли доверять данным качественного исследования, если в его основании лежит анализ всего нескольких случаев?

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПОЛЕ

Позиция исследователя в поле является важным моментом. Она определяется не только его статусом «представителя» социологического знания, опирающегося на достоверные факты социальной реальности, но в не меньшей мере его личностной ориентацией как человека, взявшего на себя нелегкую миссию повествователя и аналитика жизненных проблем человека в обществе. Именно на полевом этапе, в процессе общения исследователя и исследуемого проявляется «человеческое измерение» данного метода. От умения слушать других не навязывая своего мнения, от характера отношений исследователя к субъектам и социальной реальности во многом зависит конечный результат. Искусству слушать спокойно и внимательно должен научиться любой социолог, если он собирается следовать качественной методологии. Конечно, не стоит преувеличивать важность того, что является по сути не более чем исследовательской техникой, но в поведении исследователя в поле всегда присутствует *человеческое измерение* (П. Бергер).

В отличие от количественного исследования, где индивид — один из многих, формально описанных в паспортичке анкеты, здесь личность выступает перед социологом как глубоко включенная в исследование, на длительное время становится активным участником исследовательского диалога, партнером. Он зачастую поверяет информацию о глубоко интимных сторонах своей жизни. Именно на этом основании, как мы говорили, многие авторы и используют активное понятие — *участник исследования*.

Важно обратить внимание на две особенности позиции исследователя в качественной методологии.

Первая особенность состоит в двойственности его положения. Исследователь отказывается от роли беспристрастного регистратора фактов и играет нелегкую роль одновременно «*сочувствующего*» участника и «*стороннего*» наблюдателя.

С одной стороны, как «сочувствующий» участник он погружается в события, что необходимо для понимания высказываний и действий индивидов в их собственном толковании. Позиция «соучастия» может различаться по степени погружения: от простого сочувствия, сопереживания (в процессе повествования или фокусного интервью, анализа биографического текста, истории жизни) до более активного соучастия (в случае включенного наблюдения, например при этнографическом исследовании) и вплоть до активного вмешательства, внесения в ситуацию дополнительных факторов, провоцирующих изменения¹³ («провокационная стратегия» Г. Гарфинкеля в случаях

¹³ Активная позиция является объектом дискуссий сторонников и противников такого вмешательства. Одни считают, что функция социолога не выполнена до конца, если после его ухода ничего не изменилось в жизненной практике людей. Другие уверены, что предварительно надо подумать, не может ли такое вмешательство привести к ухудшению реальной ситуации или травмировать респондента. Даже вопросы типа: «А почему Вы молчали? Почему сразу не обратились в...?» могут объективно привести к ухудшению ситуации. После ухода исследователя человек остается наедине со своими проблемами, но теперь уже переживает свой негативный опыт.

включенного наблюдения, эксперимента или социальной терапии). Такова, например, стратегия моделирования производственных ситуаций при помощи введения дополнительных факторов со стороны исследователя у А. Н. Алексеева [2].

С другой стороны, роль «стороннего» наблюдателя — сохранение дистанции — является необходимым атрибутом аналитического обзора. Только оставаясь критическим аналитиком, исследователь способен в дальнейшем описать и концептуализировать практический опыт участников событий. Только баланс обеих ролей обеспечивает успех полевых работ.

Излишняя «включенность», особенно на протяжении длительного времени, может привести к утере критической отстраненности в осмыслении ситуации.

Случай из практики: исследователь в течение нескольких лет возвращался к интервьюированию в одной и той же семье, все больше и больше погружаясь в детали семейной истории. Это знание настолько перешло в соучастие, что он стал как бы членом семьи, которому поверялись все тайны. В результате утрачивалась способность к отстраненному анализу, возможность перевести личные переживания на язык формального анализа. К тому же, по этическим соображениям исследователь уже не мог «предать» публичному обсуждению те семейные секреты, которые ему доверяли члены семьи.

Вторая особенность — установление доверительных партнерских отношений «на равных». В качественном исследовании человек представляет для исследователя интерес не просто как «источник информации», но как личность с уникальным жизненным опытом, со своим миром образов и переживаний. Задача состоит в том, чтобы не просто представить себе этот мир, но и попытаться понять человека, встать на его точку зрения, используя его собственные термины и смыслы, попытаться увидеть мир его глазами. Исследователь демонстрирует свое намерение: «Я пришел, чтобы выслушать Ваш рассказ, Вы мне интересны».

Для простых людей часто это редкая возможность высказаться и быть услышанным.

В крестьяноведческом исследовании под руководством Т. Шанина отмечалось: отношение людей к исследованию было таким, что, казалось, все предшествующие годы они ждали, чтобы наконец к ним пришел кто-то, чтобы их выслушать. Социологов воспринимали как первую и единственную возможность «выговориться» [46]. Это, естественно, накладывало дополнительные этические обязательства по отношению к опрашиваемым.

Возможны *разные пути установления доверительных отношений*. Наиболее приняты: доброжелательное, мягкое установление первичного контакта, постепенное включение индивида в исследовательскую ситуацию, демонстрация интереса к его личности и особой истории, выражение признательности за готовность участвовать в исследовании.

Наш собственный опыт использования биографических интервью показывает, что лучше всего начинать разговор с наиболее приятных для человека моментов его жизни. Например, с детских воспоминаний о родительском доме. После такого введения можно более подробно концентрироваться на интересующем моменте биографии или жизненном периоде.

Возможно, исследование будет направлено на изучение одного определенного события в жизни человека. Но и в этом случае следует уделить внимание его предыстории, процессу развития какого-то явления. Тогда рассказ о всей жизни, о «предыстории» окажется необходимым для понимания связи, последовательности определенных событий.

Важный совет: В процессе поиска интервьюируемых необходимо обратить внимание на способность человека к саморефлексии как умению не просто последовательно изложить факты своей биографии, но и поразмышлять по поводу этих фактов и своего отноше-

ния к ним. Это особенно существенно в случае нарративного интервью.

Найти талантливого рассказчика — большая исследовательская удача. В англоязычной практике даже существует специальный термин, обозначающий такого рассказчика, — «storyteller». Ведь даже простой рассказ о своей жизни может оказаться затруднительным, если человек не привык размышлять. Вспоминается случай из собственной практики, когда, предварительно обговорив тему дальнейшего разговора и включив диктофон, я приготовилась слушать длинный рассказ. Вместо этого интервьюируемый в течение трех минут изложил все факты своей биографии как в производственной характеристике, и все попытки дополнительными вопросами разговорить его ни к чему не привели. Человек просто не умел отстраненно анализировать свои поступки и переживания, не видел в них ничего достойного изложения и анализа. Такие неудачи случаются, особенно при общении с людьми с низким уровнем образования.

Другая сложность при поиске интервьюируемых — неумение выделить свое «я» из совокупного «мы». На просьбы рассказать о своей жизни люди начинают рассказывать о крупных исторических событиях своего времени, апеллируя к коллективным чувствам и переживаниям, изложенным языком газет того времени. Все попытки свести рассказ к истории его жизни натываются на аргумент, что «моя личная жизнь ничего интересного собой не представляла», «у меня было, как у всех». Иногда такое предубеждение удается преодолеть, высказав повышенный интерес к какой-либо отдельной детали личной жизни и доказав, что данная жизнь уникальна и именно она интересна для исследователя.

По характеру собираемой информации технология сбора данных может быть различной, в зависимости от целей исследования. О различных методах сбора информации (интервью, наблюдение, анализ документальных источников и аудио-визуальных материалов) мы уже говорили в главе III. Здесь напомним еще раз, что основной особенностью полевых работ в качественном исследовании является не один определенный, но мультиметод, при котором одновременно используются несколько разнохарактерных источников информации.

Перечислим коротко возможные стратегии организации интервью и наблюдения, а также основные сложности полевого этапа при работе с этими методами.

Интервью

Каковы действия исследователя?

- Определить, какой тип интервью будет наиболее подходящим для целей данного исследования (нарративное, полуструктурированное, биографическое, лейтмотивное, фокусированное, фокус-группа), как структурировать интервью по тематическим блокам.
- Определить время и место проведения интервью, наиболее устраивающее обоих участников. Желательно, чтобы это место было немногочисленным, без посторонних. Это важно не только с точки зрения свободы общения, но и по соображениям технического качества записи беседы на пленку.
- Подготовить необходимую технику: диктофон, желательно с выносным микрофоном; чистые кассеты, рассчитанные по времени на длительность интервью. (Перед началом интервью проверьте, работает ли диктофон!)
- Приготовить бланк для протоколирования интервью (4—5 страниц) с внесенными в него общими вопросами или темами беседы, оставив свободное место после каждого вопроса для записи возможных комментариев по ходу беседы.
- Перед началом интервью: объясните цели исследования, договоритесь о продолжительности данного разговора и возможности последующих встреч, а также о праве на использование материалов в публикации или отчете.
- В ходе интервью: старайтесь придерживаться общего плана беседы; поменьше задавать дополнительных вопросов, а больше слушать рассказчика; будьте уважительны и внимательны к его словам; старайтесь избегать личных советов. Лучше запомнить наизусть об-

щий перечень и порядок задаваемых вопросов, чтобы не читать их каждый раз по бумажке. По ходу беседы ведите краткие заметки своих впечатлений и проходящих в голову идей (в том числе будущих категорий анализа), но делайте это в краткой закодированной форме, тактично, так, чтобы не нарушить общего доверительного настроения беседы. Эти заметки должны быть расшифрованы сразу же по окончании интервью.

- В конце работы поблагодарите за беседу, еще раз напомните, что обеспечите конфиденциальность, а также сохраните за собой право на дополнительную встречу или разговор по телефону для выяснения недостающей информации. Необходимость в этом непременно возникнет позднее, в ходе анализа¹⁴.
- Формальная часть протокола интервью заполняется после окончания разговора. Она содержит сведения о времени и месте проведения интервью, имени и фамилии интервьюера и интервьюируемого, перечне тем или вопросов. Кроме того здесь записываются общие впечатления от встречи и краткие комментарии по поводу ответов на отдельные вопросы¹⁵.

В какой форме могут быть представлены результаты полевого этапа интервью?

В зависимости типа интервью и общей организации исследования интервьюер представляет конечные результаты полевого этапа работы в следующих формах:

1. Рукописный текст.
2. Кассета с записью интервью.
3. Распечатанный с кассеты текст интервью (транскрипт).
4. Заполненный бланк интервью и полевые заметки.

¹⁴ Напомним принцип спиралевидного анализа первичного текста как возвращение к исходной информации.

¹⁵ Пример заполнения формализованного протокола и кратких комментариев приведен на с. 241—243.

Какие сложности могут возникнуть в процессе интервью?

Отвечая на этот вопрос, Дж. Кресуэл собрал и суммировал наиболее распространенные мнения своих коллег и студентов. Приведем эти мнения, чтобы начинающий исследователь понимал, что проблемы и неудачи могут случиться у каждого, и знал, к чему надо быть готовым в процессе интервью.

Первое, что отмечает Кресуэл, — новичка поражают временные затраты, необходимые для интенсивного сбора данных, второе — это затраты энергии и психических усилий, необходимых для концентрации при проведении интенсивного интервью.

Обобщая, заметим, что могут возникнуть следующие сложности:

- Проблемы с техникой: диктофон не записал часть разговора; не хватило места на кассете; звуковые шумы на записи не позволяют понять слова.
- Проблемы общения: «приспособление» вопросов к «уровню» восприятия интервьюируемого; формулировка «вводящих» вопросов в начале интервью; трудно правильно сформулировать вопрос; трудно молча слушать пространные высказывания и выдерживать эмоциональные всплески рассказчика; трудно вовремя остановить его и перейти к следующему вопросу.
- Процедура интервью: малосодержательные ответы; трудно одновременно фиксировать ответы и думать над следующим вопросом; прерывание интервью посторонними; нелегко удержать разговор в нужном русле и выдержать общий план интервью.
- Распечатка текста интервью: трудно найти специалистов; огромные временные и денежные затраты, связанные с транскрибированием; сложности дословного воспроизведения неоконченных предложений [69, с. 131].

Комментируя эти сложности полевого этапа, нужно отметить, что все, что связано с техникой, должно быть

проверено и перепроверено заранее. Всегда лучше использовать технику высокого качества, особенно это касается качества кассет, которые потом будут расшифровываться, и чистота записи становится принципиальным вопросом. Перед началом интервью лучше проверить еще раз, работает ли диктофон, и в продолжении разговора несколько раз перепроверить качество записи. Под рукой нужно всегда иметь бумагу для фиксирования беседы в случае поломки техники.

Что касается проблем, связанных с процессом общения и процедурными вопросами, то, конечно, искусство вести беседу достигается в процессе практики. При подготовке своего первого интервью желательно несколько раз «проиграть» в уме или с коллегами возможные повороты разговора, чтобы быть готовым к неожиданностям. Естественно, на этом этапе коммуникационные качества исследователя и его человеческая интуиция играют очень большую роль.

Наблюдение

Каковы действия исследователя?

Наблюдение объекта в естественной обстановке требует от социолога особых организационных способностей, и прежде всего умения найти нужных людей для освещения определенных исследовательских вопросов, умения произвести нужное впечатление и адаптироваться к новой незнакомой ситуации. В практике качественных исследований наблюдение часто называют также «полевым исследованием».

Наблюдение состоит в выполнении следующих действий :

- Выбрать ситуацию для наблюдения, при необходимости получить разрешение на доступ в данное сообщество.
- В поле определить, что и кого именно нужно наблюдать, когда и как долго. Общение с *ключевыми фигурами* будет в этот момент наиболее полезным.

- Лучше, если первоначально кто-нибудь представит вас окружающим. Будьте дружелюбны, но не проявляйте особой активности. Первоначально фиксируют только первые внешние характеристики объекта наблюдения. Первые серии наблюдений должны содержать минимум заметок, они просто снимают ситуацию повышенного интереса к наблюдателю.
- Определить, какова будет ваша роль как наблюдателя. Эта роль может варьироваться от включенного участия до стороннего наблюдения (аутсайдера). Существует также тактика постепенного перехода от роли аутсайдера к роли включенного наблюдателя.
- Подготовить бланк протокола наблюдения, где будут фиксироваться все полевые заметки. В этот протокол будут вноситься как описательные данные, так и размышления по поводу своего опыта, неожиданных открытий и эмоциональных переживаний.
- Хорошо бы записать на диктофон свои впечатления о внешности информанта, окружающей обстановке, основных событиях, а также ваше личное отношение к происходящему [62].
- После окончания наблюдения рекомендуется постепенный выход из ситуации с выражением благодарности участникам наблюдения за помощь в проведении исследования.

В протоколе наблюдения подробно описывается каждая процедура наблюдения, ее длительность. Как и в случае с интервью, фиксируются время и место наблюдения, имя и фамилия исследователя и участников.

«Описательные заметки» состоят из регистрации отдельных элементов процесса или события, а также описания внешнего фона происходящего. Здесь же — «комментарии» исследователя по поводу каждого элемента произошедшего, заметки о ходе наблюдения, его характере, а также о роли данного события или процесса для развития ситуации в целом.

К итоговым документам исследования присоединяются все возможные данные об объекте: полевые заметки, карты, фотографии, официальные и неофициальные документы — все то, что поможет при дальнейшем неформальном всестороннем анализе объекта.

Возможные сложности в процессе наблюдения

Вновь обратимся к Дж. Кресуэлу за информацией о наиболее часто встречающихся сложностях:

- Сложности первого контакта: трудно установить первичный контакт с людьми, подлежащими изучению.
- Сложности доступа к объекту: трудно войти в контакт с определенными группами; непросто решить, в каких случаях необходимо наблюдение в естественной обстановке; можно ли получить надежные результаты, если хорошо знаком с данной средой.
- Сложности процесса наблюдения: непросто решить, какие заметки важны, а какие нет; в какой форме в полевые заметки включать высказывания, мнения участников; трудно сохранять роль пассивного наблюдателя; затруднительно сузить широкое поле наблюдения до исследования узко направленных проблем.

ХРАНЕНИЕ ПОЛЕВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Разнообразные виды текстов, материалы из личных архивов, дневники наблюдений, собранные в поле, представляют собой уникальный исследовательский материал, который может быть впоследствии использован как данным исследователем, так и его последователями. Он имеет социальную и историческую ценность. Обычно на базе качественных исследований (особенно в случае истории жизни или истории семьи) собираются настоящие архивы «человеческих документов», открытые для научного анализа на протяжении десятилетий. Масштаб такой информации далеко превосходит непосредственные

задачи данного исследования и может впоследствии использоваться под разным углом зрения неоднократно.

Поэтому проблема долговременного сохранения полевой информации представляется весьма важным моментом качественного исследования.

Хранение информации включает выбор формы компьютеризации или другого способа сохранения первичных данных для долговременного и многократного использования. Кроме того, полезно предусмотреть и общую систему кодирования текстов по дате и месту проведения, имени участника исследования и т. д.

Здесь разумно придерживаться следующих правил.

Первое правило: Первичная информация должна предельно адекватно воспроизводить высказывания участников исследования. Она фиксируется на аудио- (иногда — видео-) пленку. Стенография не желательна.

Второе правило: Первичная информация содержит также краткий комментарий исследователя, его живые, непосредственные впечатления, вопросы для дальнейшего уточнения. Для полной сохранности их лучше записать на ту же пленку после окончания полевого исследования.

Третье правило: Информация должна быть представлена в форме, пригодной для длительной аналитической работы: в виде текста на бумаге или в компьютерной записи. С точки зрения сохранности, лучше иметь информацию в обеих формах.

Четвертое правило: Хорошо бы сделать как можно больше копий текстового материала для последующей «работы ножницами» — соединения частей текста по соответствующим темам, датам, событиям.

Пятое правило: При кодировании первичных данных реальные имена заменяются символическими или кодами для сохранения анонимности участников исследования.

Шестое правило: Составляется общий список всех имеющихся единиц хранения с указанием присвоенных имен и места хранения. Такой список окажется необхо-

димым при последующих ссылках в отчетах и публикациях на тот или другой документ из общего списка. Еще лучше составить также общий список тем, содержащихся в каждой единице хранения.

Письменной формой воспроизводства устной информации является *транскрипт*. Он сохраняет все дословные высказывания респондента и характер его речи без какого-либо редактирования. Специфика качественной информации состоит в том, что ее источник (индивид) может принадлежать к совсем иной культуре. Фиксация его речевых особенностей может стать отдельным объектом социо-лингвистического анализа. Поэтому так важно дословно фиксировать живую разговорную речь людей.

Правильно оформленный транскрипт облегчает последующую научную обработку текстовой информации при сравнении отдельных текстовых отрывков.

Примером правильно оформленного транскрипта может служить биографическое интервью, данное в Приложении (с. 241).

В нем фиксируется:

а) нумерация строк разговорной речи. Она проставляется при распечатке разговорной речи с кассеты на левом поле от основного текста. Это нужно будет при дальнейшей построчной обработке транскрипта в процедуре описания, а также для ссылки на этот отрывок в итоговом отчете или публикации (см. образец в Приложении);

б) фиксируются паузы, интонации (смеется, удивлен, возмущен), а также эмоциональные междометия (хм, э-э-э, ну-у, нет-нет!). Естественно, не надо превращать это в самоцель и повторять их с рабским упорством. Это необходимо исключительно для того, чтобы подчеркнуть специфику речи говорящего;

в) по возможности, желательно также отражать в транскрипте диалектические словообороты рассказчика и особенности его произношения или интонаций, если это близко к исследовательским целям разработчиков;

г) существуют также общие письменные правила фиксации разговорных форм:

(.) — короткая пауза, остановка

(...) — средняя пауза

(пауза) — длинная пауза

(?) — вопросительная интонация

(з.) — затруднение в формулировке, колебание

хххх — подчеркнутое ударение на данном слове

(смех) — характеристика эмоциональных реакций

(откровенно), (растянуто) и т. д. — воспроизводит интонационные особенности и ставится перед соответствующим местом

(быстро) — быстрое подсоединение к предыдущему высказыванию или ссылка на какой-то источник или эпизод

(нпт) — непонятная фраза

расск... — неоконченное слово

... — неоконченное предложение;

д) оставляются большие поля на правом крае страницы, как минимум в 3 см, для пометок, комментариев или первичного описания;

е) заметным образом выделяются партнеры по интервью. Это можно сделать отделив их высказывания пробелом или выделив курсивом (*И*: — интервьюер, *Р*: — рассказчик). Вопросы, стимулирующие рассказ или направленные на переход к другой теме, можно также выделить шрифтом, чтобы легче было потом различать отдельные тематические блоки.

Соответствующие инструкции по форме фиксации разговорных экспрессий должны быть даны тому, кто делает транскрипт, еще до его написания.

Как мы уже говорили, при составлении транскрипта оставляют большие поля для первичных и последующих комментариев исследователя. Такие заметки обычно называются «*мемос*» (*памятки*). Все заметки, как эмоциональные, так и первые аналитические предположения, фиксируются на полях.

Занесение текстовой информации интервью или наблюдений в компьютер и их одновременное кодирование по тематическим блокам является наиболее удобным способом хранения, особенно в случае большого количества единиц наблюдения¹⁶.

При малой численности интервью нет необходимости в компьютерной кодировке жизненных эпизодов. К тому же, механическая процедура разбивки материала на эпизоды имеет и свою отрицательную сторону — лишает жизненный документ его уникальности как целого.

Выводы:

Полевой этап исследования может быть представлен следующей последовательностью шагов:

- Выбор проблемы, цели исследования и формулировка основного вопроса.
- Определение субъектов исследования и организация доступа к ним.
- Отбор конкретных фигур и обоснование своего выбора; выбор места проведения исследования для детального изучения по одной из тактик.
- Сбор информации по одному из методов при привлечении всей возможной информации, собранной другими методами (мультиметод сбора данных при помощи интервью, наблюдений, документов, аудиовизуальных материалов).
- Подготовка к будущему анализу данных: решение о форме протоколов, полевых заметок, кодировании общего списка

¹⁶ Программы ATLAS и SPSS (СУБД PARADOX) позволяют проводить перекрестный анализ текстовых данных по количественным и качественным признакам. Наш опыт занесения данных о 2 тысячах индивидов позволил структурировать информацию об их жизненном пути на всем его протяжении. За единицу анализа был принят биографический эпизод профессионального, семейного, миграционного пути. Подробней об этом см [37].

интервью и решение этических вопросов с участниками исследования (разрешение на публикацию).

- Выбор формы хранения и способа систематизации полевых документов в единицах хранения.

Практические задания:

1. Проведите первый пробный сбор данных по своему проекту и составьте краткие комментарии о полевых работах. Подумайте, какие сложности на данном этапе оказались для вас наиболее существенными.

2. Опишите последовательность шагов, предпринятых вами для осуществления исследования.

3. Один из излюбленных учебных приемов — привлечение самими студентами все новых, еще не испробованных источников информации: например, анализ переписки по e-mail. Преподаватели в учебных целях также предлагают нестандартные задания, например запечатлеть на фотокамеру образы, символизирующие войну и мир. Попробуйте самостоятельно или с коллегами найти такой нестандартный источник и проанализировать его как текстовой или зрительный образ.

Рекомендуемая литература:

О технологии проведения глубинного интервью см. Биографический метод: история, методология, практика/ Под. ред. Мещеркиной Е. Ю. и Семеновой В. В.

О полевом этапе и исследований: Константинова В. «Полевое исследование в качественной парадигме»; Тюрюканова Е. «Использованные и неиспользованные возможности методологии качественного анализа в одном социологическом исследовании»/ В сб.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях (Под ред. Мамышевой М.).

VI

ПЕРВИЧНОЕ ОПИСАНИЕ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ

Осмысление данных — наиболее кропотливая и интересная часть работы, отнимающая много времени и сил, но приносит творческое удовлетворение новым видением социальной реальности.

В данной главе речь пойдет о первичном анализе текстовой информации — анализе полевых документов. Обычно они представляют собой неструктурированные тексты, которые нужно привести в форму, пригодную для аналитической работы. Принять решение о способе анализа первичной информации — это дело самого исследователя, но такое решение подготавливает почву и предопределяет те или иные результаты научного поиска. Поэтому мы остановимся на общих принципах подхода к текстовым данным, разных способах первичного описания и первичном кодировании. Выбор наиболее подходящего пути — дело самого исследователя.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Независимо от преимущественного метода сбора данных (наблюдения, глубинного интервью или анализа документов) первичная информация в качественном исследовании существует в виде неструктурированных текстов: высказываний о своих мнениях, рассказа о жизни, мемуарах и т. д.

1. Первичное прочтение текста целиком. Оно необходимо для формирования общего видения текста, прежде

чем он будет рассортирован на фрагменты. Уже на этом этапе некоторые исследователи [124] предлагают делать критические «мемос» и разработку первичных кодов, которые позволяют «сортировать» текст по определенным темам. Однако, нам это кажется преждевременным, так как ускользают понятия и термины, выраженные словами участников исследования.

2. Вторым этапом является вторичное, теперь уже более детальное вчитывание в текст, в ходе которого составляется детальное описание текста в терминах участников, так называемое «плотное описание» предложенное Н. Денцином [74], о чем будет подробнее сказано ниже.
3. При последующих прочтениях формулируются коды, комментарии укрупняются и одновременно происходит сокращение текста за счет исключения ненужной информации (как правило, она всегда присутствует в больших текстовых данных). В дальнейшем коды уточняются, конкретизируются, соотносятся с отдельными отрывками из текста. Рекомендуется оставлять на этом этапе не больше 25—30 категорий для одного текста.
4. В результате аналитического описания остается организованный структурированный текст и всего несколько категорий и отрывков из текста, необходимых для дальнейшего анализа.

Логика анализа текстовой информации, как мы уже говорили, состоит в первичной организации таких данных и восхождении к концептуальному видению. Отталкиваясь от зрительного образа, представленного в главе IV (с. 134), конкретизируем эту спираль движения применительно к этапу аналитического описания.

Любое повествование (нарратив) представляет собой личную форму изложения, личное свидетельство, переполненное как субъективным, так и социальным содержанием в их взаимосплетении. Социологическая ценность такого повествования обнаруживает себя при дистанцирова-

нии от текста, т. е. при попытке совместить данное свидетельство с контекстом реальности и теоретическим знанием о данном феномене. Другими словами, *задача интерпретатора состоит в переходе от наивного доверия к субъективным взглядам и оценкам к критическому суждению и сравнению их с позиций социального знания* [16]. Направление поступательного движения при первичном анализе определяется движением от позиции «соучастника», вовлеченного в мир образов индивида, к позиции аналитика, критически осмысливающего ситуацию.

Вместе с тем, требуется многократное и многоаспектное комбинирование и переосмысление огромного объема словесной информации до тех пор, пока мы не почувствуем, что за кажущимся хаосом скрывается какой-то смысл: ключевые идеи и темы становятся, наконец, относительно ясными. Уже сам процесс *первичного прочтения* отнимает массу сил: внимательное чтение текста, разработка первичных кодовых понятий, авторские комментарии.

При *повторном* чтении комментарии переосмысливаются, сопоставляются с контекстом ситуации и научным видением исследователя. В результате одни комментарии оказываются лишними и заменяются новыми, текст перечитывается снова, проясняются новые нюансы. И так несколько раз. Исследователь уточняет свой угол зрения, возвращается к транскрипту снова и снова, открывает новые смыслы до тех пор, пока аналитическая концепция и субъективные смыслы текстового источника не совпадут полностью или достаточно полно. Процесс «*интерактивного*» общения с текстом может продолжаться очень долго.

Основные отличия данной техники от традиционной процедуры контент-анализа в количественном исследовании состоят в следующем:

а) аналитические понятия постоянно переосмысливаются и изменяются;

б) транскрипт как источник информации всегда остается первичным, базовым элементом по отношению к концепциям;

в) элементом информации при анализе является не только сам текст, но и общий контекст ситуации.

В процессе многократного прочтения на полях текста составляются также первичные краткие заметки и комментарии (*metos* — короткие фразы, идеи, ключевые слова, которые пришли в голову по ходу чтения), это начальный шаг к упорядочиванию текста [92]. С другой стороны, исследователь старательно выделяет слова, метафоры и образы, использованные участниками исследования. Дж. Кресуэл рекомендует также одновременно делать наброски общих визуальных образов информации: схем, таблиц, диаграмм или графов для облегчения ориентации в пространном текстовом материале (например, описание жизненного пути по стадиям или годам, составление генеалогических графов истории семьи, географических маршрутов миграции и т. д.).

Так, в Приложении перед интервью с Мироновым вы найдете краткое описание его жизненного пути по годам, что облегчает общее восприятие текстовой информации, позволяет представить последующий текст в более сжатом виде событий и фактов его биографии.

Следует внимательно следить за тем, чтобы при описании полученных данных и последующем переходе к концептуализации не потерять связь с первичным личностным текстом. Мы постоянно возвращаемся к нему как источнику информации, добавляя к прежнему восприятию новые оттенки и подробности, возникшие при прочтении других текстов, анализа других источников, сопоставлении с более широким социальным контекстом.

Таким образом, если *первый принцип* аналитического описания состоит в движении к позиции аналитика, то *второй принцип* требует циклического возвра-

щения к первичному тексту для проверки правильности интерпретаций.

Исследователи предлагают разные пути и этапы первичного описания, что оставляет свободу выбора для аналитика в определении наиболее удобной для него формы описания.

ТРАНСКРИПТ И ВЫБОР ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА

Перед вами транскрибированный текст с отмеченными нюансами речи и широкими полями для последующей работы на них, а также сделанные во время интервью заметки. Вы прочли нужную литературу, помните свои впечатления от этапа полевой работы и готовы к поиску определенного аспекта реальности.

Так, ссылаясь опять на интервью, приведенное в Приложении (с. 243), мы готовы в зависимости от целей искать в нем или отдельные ключевые моменты жизненного пути (эпифании) Миронова, или сконцентрироваться на смене его идентичностей или же субъективных аспектах влияния социальных перемен настоящего времени (изменение образа жизни в период рыночных реформ).

После внимательного прочтения текста в целом нужно отобрать *единицы будущего анализа* (отдельные слова, предложения или фразы, смысловые абзацы).

Иногда за единицу анализа принимается текст в целом (например, как образец языкового своеобразия данного человека), но чаще всего элементарной единицей анализа становится отрывок текста, эпизод, содержащий внутренне законченный сюжет (*пассаж, секвенция*)¹⁷.

¹⁷Секвенция (англ.) — в широком смысле последовательность, непрерывность. В качественном подходе понимается более узко как эпизод или событие, следующее в определенной последовательности. Далее употребляется именно в этом смысле. Различают: хронологическую секвенцию, при которой порядок событий движется линейно во времени; секвенцию последствий: одно событие влечет другое; тематическую секвенцию: эпизоды связаны темой.

В нашем Приложении такой законченной секвенцией может служить первый отрывок (с. 244, со строки 16 до строки 11 на с. 245), где рассказчик формулирует свою жизненную позицию или отрывок о роли книг, чтения в его жизни (с. 245, строки 15—27). В этих отрывках он предлагает законченные высказывания по конкретному поводу (стабильность жизненной позиции, роль книг).

В зависимости от целей исследователя эпизоды могут быть выстроены по темам, по времени, сторонам жизни, эмоциональным переживаниям. Текст разбивается на такие смысловые единицы, и осуществляется анализ каждого отрывка более детально.

В целом процесс реконструирования текста состоит в *переводе текста из его первоначального вида в единицы анализа (секвенции), структурированные по темам.*

По каким принципам структурируются и описываются сами эпизоды или секвенции?

ПОНЯТИЕ «ПЛОТНОГО» ОПИСАНИЯ

Аналитически описать — значит перечислить все интересующие нас характеристики объекта анализа (человека, события, группы). В качественном исследовании такое описание носит название *насыщенного, плотного описания*, в нем, кроме фиксации *самого события или отношения* могут быть выделены:

- а) его *контекст*;
- б) *субъективная значимость* происходящего для участников действия;
- в) *каким образом* происходил процесс.

Разложение эпизода на элементы может происходить и по другим основаниям в зависимости от целей исследователя. Важно, чтобы они позволяли всесторонне описать событие или эпизод.

Иногда рекомендуется ответить на несколько элементарных вопросов относительно данного эпизода. Например: Кто? Когда? Где? Почему?

Б. Глейзер и А. Страус предлагают иную логику описания при фиксации, например, социального действия: условия — взаимодействие — стратегии и тактики участников — субъективные последствия для участников: Каковы были условия? Характер взаимодействия? Стратегия и тактика? Последствия? Постановка таких вопросов зависит от исследовательских задач и характера описываемой ситуации [84].

Важно, чтобы описание было как можно более конкретизированным, всесторонним и содержало на этом этапе минимум исследовательских оценок. Плотное описание представляет собой вариант краткого описания ситуации в терминах ее участников.

Пример анализа способом плотного описания

Рассмотрим пример плотного описания неструктурированного текста интервью (интервьюер В.Семенова):

Транскрипт интервью с П.:

Описание:

1. Я родился на <u>Арбате</u> в 322. году и <u>считаю себя</u> арбатс-3. ким. Именно не москвичом,4. а <u>арбатским</u>.5. Это <u>особый район</u> Москвы,6. типично московские старые7. переулки. Здесь какая-то8. своя <u>гордость</u>, свой <u>патри-</u>9. <u>тизм, отношения между</u>10. <u>людьми</u>.11. Это своя особая страна, где12. сохранилась атмосфера <u>до-</u>13. <u>революционной Москвы</u>.	Факт — место рождения — Москва, Арбат, 1932 год. Культурный контекст: арбатский, тот, кто родился и вырос на Арбате в 40—50-е годы; район дворянства и интеллигенции с дореволюционных времен; люди умственного труда.

14. Ведь и раньше, насколько 15. я знаю, это был не про- 16. мышленный рабочий рай- 17. он, а <u>район дворянства и</u> 18. <u>интеллигенции</u>. Во вся- 19. ком случае, здесь жили 20. люди умственного труда. 21. Да и в мое время здесь 22. почти не жили семьи ра- 23. бочих. 24. Я считаю, меня <u>воспитал</u> 25. <u>Арбат</u>.	Субъективное значение — соотнесение себя с малой родиной: патриотизм, гордость. Видение исторической родословной с дореволюционных времен. Каким образом: факт рождения оказал влияние, имел значение для всей последующей жизни, воспитал.

В данном случае перед нами законченный отрывок, повествующий о времени и месте рождения интервьюируемого (факт) и его субъективном отношении к этому факту (значимость).

Выделение социального контекста — существенная часть первичного анализа. Оно погружает исследователя в определенное место и время действия «драмы», в рамках которой и стала возможной данная ситуация или событие, будь то группа, организация, социальный институт, культура общества того времени. В то же время, это сужает границы дальнейшего обобщения до определенных рамок.

В нашем случае сразу становится понятным, что дальнейший анализ можно вести лишь относительно общности тех, кто были детьми, росшими на Арбате в 40—50-е годы (сверстники П.). Географическое и социальное пространство анализа также должно быть ограничено определенным районом Москвы: «старым Арбатом и его переулками». Это первичный физически ограниченный контекст происходящего. Соответственно, все

характеристики (например, образцы поведения, ценности, которые могут быть выявлены в дальнейшем) применимы только к данному пространству и времени.

Такое ограничение контекста дает символический ключ к пониманию субъективного отношения П. к факту своего рождения: П. ассоциирует себя со средой Арбата 60-х годов. Это не столь явно звучало в данном отрывке и пока скрыто от аналитика. Но фраза: «я считаю себя именно не москвичом, а арбатским» — позволяет сделать такое первичное предположение. Здесь же П. раскрывает свое понимание «арбатского». Рассказчик четко перечисляет наиболее значимые для него характеристики этой культуры: интеллигентская («как культуры людей умственного труда»), преемственная по отношению к культуре дореволюционного времени («сохранилась атмосфера старой дореволюционной Москвы»), а также свое отношение к этой культуре («здесь какая-то своя гордость, свой патриотизм, особые отношения между людьми»).

Пока мы только определяем, как сам человек видит ситуацию и объясняет мотивы причисления себя к «арбатским». Однако будучи исследователями, мы можем уже здесь сконструировать и наши первичные предположения для дальнейшего развития темы, но при этом должны быть уверены, что это совпадает с ходом мысли П. — автора текста. Мы можем вспомнить, что арбатские переулки как символ либеральной культуры были воспиты Б.Окуджавой, а «дети Арбата» описаны А.Рыбаковым в его романе. Об этом ли ведет речь П.? Сейчас, на этой стадии анализа, такое заключение может быть только гипотетическим. Пока мы только фиксируем значимые высказывания П.

Приведенный пассаж (секвенция) сам по себе мало что дает для описания *процесса*: условий, обстоятельств, побудивших П. ассоциировать себя с культурой Арбата. Но из совокупности отдельных фраз вытекает определен-

ная логика процесса в развитии: «я родился на Арбате» — «я считаю себя арбатским» — «Арбат воспитал меня».

Уже на этом этапе, при определенном интересе к данному аспекту, мы можем также присвоить этому отрывку первичный, предельно общий код — «Арбат». Если аналогично мы закодируем другие эпизоды, связанные с Арбатом, то они станут сравнимыми и могут анализироваться в одном ряду. Здесь мы переходим к этапу первичного кодирования.

ПЕРВИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ

Первичное кодирование — объединение единиц анализа текста в более общую категорию или класс с кратким емким названием. Этот процесс можно представить по аналогии с головоломкой (популярной puzzle), которая первоначально состоит из хаотически разбросанных кусочков. Если их определенным образом рассортировать и потом соединить в новой комбинации, они могут образовать законченную и осмысленную картину. Мы берем каждый отдельный кусочек (как отрывок текста) и сортируем его (или относим к определенной категории): синий — это, должно быть, часть неба; коричневый — это, должно быть, часть земли. Иногда мы ошибаемся и сортируем заново на другой основе (рис. 4). Но окончательная картина будет собрана из определенным образом организованных кусочков теперь уже на иной основе их классификации. Некоторые кусочки настолько яркие и запоминающиеся, что их место на картине определяется сразу же. Они играют ключевую роль в процессе классификации. (В нашем случае — Арбат.) Другие мы относим к тому или иному классу по некоторым косвенным признакам. Именно отнесение к классам является инструментом организации. Они помогают упорядочить хаотичную массу. Первичная классификация — синий, коричневый — ведет к более обобщенной — небо,

земля, — т. е. к тем категориям, которые отражают уже будущую картину. Без такой первичной классификации невозможно понять, что подлежит анализу.

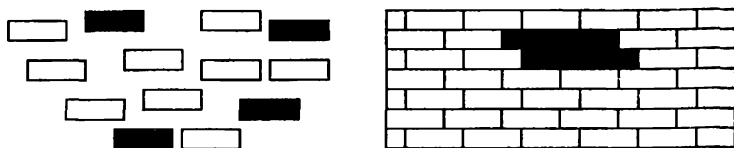

Рис. 4. Общий путь упорядочивания хаотичных данных в определенную структуру в процессе первичной классификации

Итак, первичная классификация данных — это объединение содержания текстовой информации в один класс или обобщенную категорию под кодовым названием (например, синие, коричневые) для определения их места в общей картине изучаемой реальности. Оно необходимо для сопоставления разных сведений (свидетельств), полученных от одного респондента в рамках одного «случая».

Например, в случае сопоставления содержательно разных эпизодов, связанных с миграцией: если мы их обозначим одинаково (под кодовым названием «миграция»), то сможем сравнить их впоследствии как аналогичные.

Такие закодированные данные нужны также для сравнения этого «случая» с подобными, имевшими место в свидетельствах других людей. Это обычный процесс, который мы осуществляем каждодневно на уровне здравого смысла.

Некоторые данные могут быть классифицированы сразу («номинированы»). Скажем, в нашем отрывке из биографии «арбатского жителя» П. данные о его рождении мы сразу можем кодировать как «место рождения». Другие же сведения требуют дополнительного осмысления под углом зрения вводимых научных понятий.

Основания классификации зависят также и от целей исследования. Можно классифицировать отрывок как «место рождения», если цель исследования — понять «отношение людей к месту своего рождения» и для этого сравнить описания места своего рождения, взятые из разных текстов. Этот же отрывок может быть отнесен к классу «эпизодов, связанных с Арбатом», и получить кодовое название «Арбат».

Так, в ходе прочтения данного транскрипта мы натолкнулись на неоднократные упоминания Арбата. В частности,

«... Мы были дети Арбата. Если Вы читали Рыбакова, то знаете, что это значит. В нашем классе многие дети вкусили горечь репрессий. Один мой одноклассник, например, родился в тюрьме, поскольку оба его родителя были посажены, и его воспитывала тетя...»¹⁹

Этот отрывок также получает первичный код «Арбат».

Продолжая систематическое описание данного интервью в том же направлении, из биографического повествования П. мы аналогично описываем все эпизоды, связанные с Арбатом: школьные годы, соседские отношения между детьми; социальный состав арбатских жителей (со слов рассказчика); влияние политических репрессий на судьбы его сверстников и их родителей; эпизоды их дальнейших жизненных перипетий.

В результате мы получим набор эпизодов, связанных с Арбатом в биографии П. В дальнейшем это поможет сконцентрироваться на более общей проблеме, например на его идентичности в качестве представителя арбатской субкультуры, или привести к другим теоретическим по-

¹⁹Заметим здесь, что проблема идентичности респондента и тем более его ассоциативной связи с Арбатом совсем не входила в наши первоначальные планы исследования. Этот аспект исследования возник в процессе анализа интервью и развился впоследствии в центральную исследовательскую проблему уже после выхода из поля. Это хороший пример иллюстрации открытости качественной исследовательской стратегии.

строениям его связей с Арбатом. Плотное, насыщенное описание уже само по себе интересно как повествование, содержащее важные личностные смыслы, восприятие опыта жизни определенной общности — «детей Арбата» времен 40—50-х годов.

Приведя свидетельства других людей, принадлежащих к той же субкультуре, можно многосторонне описать ее существенные черты как одной из форм городской культуры 60-х годов, оказавшей важное влияние на жизнь общества в целом. А это, в свою очередь, есть уже научное исследование жизненных реалий важного периода нашей истории, которое оказало влияние на образ мыслей целого поколения «шестидесятников». Собственные рассказы непосредственных участников событий бывают настолько красноречивы, что добавлять к ним что-нибудь от лица исследователя нет необходимости. Они подчас дают больше, чем пространные теоретические построения.

Первичная классификация обычно требует дальнейшего уточнения (сужения или, наоборот, расширения) после сравнения с другими эпизодами одной биографии или интервью с другими людьми.

Таким образом, в процессе первичной классификации могут быть разные пути упорядочивания в зависимости от характера данных и исследовательских целей:

— некоторые данные (например, дата рождения) могут быть классифицированы сразу путем присвоения номинального кода (место рождения);

— другие — требуют объединения в класс понятий на уровне здравого смысла и присвоение кода, который в кратком виде отражает содержание отрывка (например, «Арбат»), но не имеют пока характера научной категории;

— третьи уже сразу могут быть объединены в нерасчлененную научную категорию (например, под кодовым названием «идентичность»), что приближает

исследователя к научному осмыслению и трактовке эмпирических данных.

Итак, этап первичного описания нацелен на достижение следующих целей:

- «Плотно» описывая полученные данные, мы тем самым отбрасываем ненужные детали и концентрируемся на центральных характеристиках событий. Данные приобретают единство и внутреннюю стройность.
- Отбирая события, сосредотачиваясь на ключевых эпизодах, определяя роли, характеры, хронологическую последовательность действий, мы в результате конструируем новое выразительное и социологически значимое повествование.
- Особенностью описания в отличие от последующих шагов концептуализации является воспроизводство социальной реальности преимущественно языком и образами самих участников, а не при помощи научных концепций исследователя.
- В описании эпизоды могут быть организованы по темам, временной или причинно-следственной последовательности. Иногда уже на этом этапе используются концептуальные построения (по темам научного анализа). Чаще они не структурированы, а построены на простом обобщении слов и высказываний, взятых непосредственно из текста.
- Интерпретация обычно минимальна или ведется в понятиях и образах участников процесса или ситуации, без выделения конкретного концептуального плана исследования.

Логика анализа может привести к необходимости ввести дополнительные коды, не предусмотренные ранее или не имеющие оснований в данном отрывке.

Этапом описания обычно заканчиваются исследования, ориентированные на изучение определенной культуры, этнографические исследования.

ОТКРЫТОЕ, ОСЕВОЕ И ВЫБОРОЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ

Другую тактику аналитического описания предлагает А. Страус [114]. Он рассматривает процесс кодирования более подробно — как многоступенчатую процедуру приближения к концептам и теоретизированию и различает в нем несколько смысловых этапов: *открытое, осевое и выборочное кодирование*, которые соответствуют нескольким этапам прочтения текста.

Смысл поэтапного кодирования состоит в постепенном сужении поля анализа: от предельно открытого поиска смысловых единиц текста до узконаправленного, наиболее соответствующего замыслу исследователя.

На этапе *открытого кодирования* исследователь как бы маркирует все темы, имеющиеся в тексте, как категории, находящиеся на очень низком уровне абстракции. Они вытекают из общих исследовательских вопросов и первого погружения в текст. После первичного кодирования он составляет общий список выявленных тем, что служит ориентацией и стимулом к дальнейшей конкретизации. Такой список наиболее полно отражает всю широту собранной информации и может содержать темы, выходящие за рамки данного исследования (они могут бы использованы в будущих проектах).

Осевое кодирование является вторым «проходом» через данные. На начальном этапе темы сосуществовали разрозненно и о связи между ними исследователь не задумывался. При осевом кодировании он концентрируется на самих кодах и их возможном уточнении применительно к определенному контексту. Он движется в направлении организации идей или устанавливает ось ключевых категорий. Выясняются причины и последствия событий, условия и виды взаимодействия, стратегии и процессы. Возникает вопрос: можно ли комбинировать и выстраивать категории в определенной последовательности и соотнести с основной темой моего интереса?

Осевое кодирование стимулирует размышления о связях между темами и категориями, рождает новые вопросы. Благодаря этому усиливается *связь* между свидетельствами и концепциями, категории уточняются, переформулируются или, наоборот, отбрасываются и заменяются новыми. Устанавливается логическое отношение между центральной темой исследования и ее подтверждениями, разбросанными по разным отрывкам первичного текста.

Выборочное кодирование является последним «проходом» по тексту, когда уже становится ясна центральная тема и ее формулировка, как она вырисовывается из полученных материалов. Выборочно отыскиваются подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему, одновременно осуществляется сравнение или противопоставление разных отрывков текста. Выделяется основное направление и отдельные подтемы будущего анализа.

Если обратиться к тексту интервью Л. Миронова (Приложение), то при *открытом* кодировании мы определим набор тематических кодов (или тем, по терминологии А. Страуса). Например, «книги», «детство в деревне», «переезд в Москву», «студенческие годы», «научная работа». Как видим, коды не имеют никакой связи между собой и сформулированы на уровне здравого смысла.

При *осевом кодировании*, сужая фокус поиска на определенной проблеме (например, место книг в жизненном пути данного человека), будем направленно искать эту «ось», выделяя категории: «книги в детском опыте рассказчика», «книги в студенческой жизни», «книги в профессиональной деятельности».

При третьем «проходе» кодирование формулируется в более осмысленную, с точки зрения будущего анализа, центральную тему: «субъективное значение чтения для становления личности в детские годы». Здесь уже проглядывают будущие аспекты анализа (подтемы): на что конкретно по-

влияло? Снизилась или усилилась их роль в последующие периоды жизни? Как изменился характер чтения?

Одновременно постоянно уточняются аналитические мемы, которые касаются разных сторон рассмотрения и помогут впоследствии при написании теоретического текста.

ПРОВЕРКА НАДЕЖНОСТИ ДАННЫХ

Проблема надежности данных качественного исследования — наиболее уязвимая сторона этой методологии. Она является предметом критики со стороны «позитивистов», так как достоверных статистик валидности здесь быть не может.

Надежность информации обеспечивается следующими действиями исследователя:

- сопоставление высказываний с реальными фактами; особенно, если речь идет о событиях, которые можно проверить по официальным документам: даты рождения, смерти, развода, исторического события и т. д.;
- выявление противоречий в высказываниях одного и того же индивида или разных источников информации. Например, уточняющую информацию о событиях семейной истории или узкой общности всегда можно получить у других членов группы;
- сопоставление с аналогичными обстоятельствами и событиями в жизни других людей, т. е. в рамках близких, сходных социальных контекстов; особенно это значимо при анализе данных кейс-стади;
- сравнение полученных данных с другими источниками информации и прежде всего количественными (если они имеются) для определения степени типичности, репрезентативности данного «случая». Хороший способ повышения надежности данных — отбор

объектов для интервьюирования из выборки уже выполненного массового обследования²⁰.

В любом случае перед началом анализа следует задать себе два вопроса:

Первый — насколько и в чем можно доверять интервьюруемому, что нужно проверить дополнительно?

И второй вопрос — в случае привлечения интервьюеров, необходимо проверить, как сложились его отношения с участником исследования: не были ли возраст, пол, взгляды интервьюера поводом для неискренности рассказчика?

Задача исследователя-аналитика состоит не просто в том, чтобы устранить эти сложности. Более важно при дальнейшей интерпретации материала учитывать их влияние или хотя бы оговорить возможность такого побочного влияния на рассказ.

Вместе с тем, необходимо помнить, что проблема искренности рассказчика для социолога имеет несколько иной смысл, чем, например, для историка, которому необходимы свидетельства очевидцев. Социологу важнее разобратся, какие культурологические особенности стоят за тем или иным «социальным мифом» или искажением факта. Тут прежде всего надо задаться вопросом: какие поколенческие, национальные, региональные или другие особенности жизни человека ведут к искажениям в изложении одного и того же факта?

Сопоставление данных из разных источников может стать самостоятельной темой исследования. Так, в нашей практике исследования истории семей мы столкнулись в одной из семей с таким случаем. Представители двух поколений семьи (мать и сын) рассказывали об одном и том же эпизоде семейной истории: как их предок, крестьянин, выходец из глубокой деревни стал образованным медиком. Мать, принадлежа к так называемому «советскому» поколению передавала этот эпизод как показательный пример, что дала советская власть выходцам из

²⁰ Такой способ отбора интервьюируемых был использован при исследовании адаптационных стратегий молодых людей в ситуации социального кризиса См. [38].

деревни. Ее сын, идентифицируя себя с другим поколением (критически относящимся к советскому периоду), этот же эпизод излагал как случай необыкновенной личной одаренности деда, который смог несмотря на все социальные преграды получить высшее образование благодаря личным талантам.

Центральная задача — выявить скрытый социальный смысл наблюдаемого факта.

ТРИАНГУЛЯЦИЯ

Для повышения надежности результатов при исследовательской интерпретации данных применяется метод *триангуляции* — перекрестной интерпретации некоторого фрагмента, случая тремя исследователями, работающими в команде.

Впервые этот термин использовал Дж. Кемпбелл, считая, что данные, подтвержденные двумя независимыми источниками, более убедительны, чем данные одного источника [35, с. 143].

Перекрестная триангуляция осуществляется: а) как сопоставление разных интерпретаций трех различных исследований; б) как сравнение интерпретаций с позиций разных методов; в) как сопоставление данной ситуации с аналогичными результатами, полученными в других исследованиях; г) как повторение результатов на том же объекте через определенный промежуток времени [72].

Триангуляция повышает надежность данных путем выявления коллективного мнения (или междисциплинарного взгляда) относительно одного эмпирического объекта. Первоначально выясняется независимое мнение разных исследователей по поводу одного и того же объекта. Затем в ходе коллективной дискуссии эти мнения обсуждаются, крайние позиции отбрасываются, в оценке выделяется общее рациональное зерно.

В случае индивидуального проекта возможно привлечение двух-трех коллег со стороны для обсуждения

спорных или сомнительных интерпретаций, чтобы представить наиболее очевидную для всех, единую трактовку изложенного эпизода или рассказа в целом.

Основные требования к этапу описания:

1. Текстовый материал представляет собой информацию о социальной реальности в субъективном видении участников исследования, поэтому, осуществляя аналитическое описание и первичное кодирование, необходимо ориентироваться прежде всего на выявление таких данных.

2. Субъективные значения и смыслы повествования описываются в определенном пространственно-временном контексте.

3. Прежде чем окончательно определить смыслы и значения, полезно обсудить транскрипт с другими участниками исследования.

4. Не следует пренебрегать возможностью несколько раз вернуться в поле и уточнить у участника исследования, какой смысл имело для него то или иное явление, событие, поступок.

5. Одиночное высказывание или субъективное мнение индивида само по себе еще не может служить достаточной основой для анализа и построения гипотез; оно должно быть поддержано другими источниками информации об объекте (научной литературой, данными других исследований или же сопоставлены с другими данными того же источника информации).

Выводы:

- Аналитическое описание или первичная интерпретация данных означает прежде всего интерпретацию личностного смысла человеческого поведения или, другими словами, приписывание ему опреде-

ленных значений прежде всего с точки зрения самих людей. Это первый шаг к анализу данных независимо от избранной тактики (кейс-стади, истории жизни и других). Этот этап может быть назван интерпретацией первого порядка или, по Веберу, «непосредственно наблюдаемым пониманием» действий участников исследования [31, с.118].

- Исследователи, как мы видели, выбирают различные пути соединения аналитического видения проблемы и видения самих участников: от плотного описания, в наибольшей степени приближенного к языку и жизненным реалиям, до более ранней собственно исследовательской интерпретации в тактике А. Страуса (открытое, осевое и выборочное кодирование). От позиции социолога и целей конкретного проекта зависит решение следовать той или иной логике.
- Некоторые авторы (особенно этнографического направления) останавливаются на описательном анализе, иногда с комментариями по поводу субъективной точки зрения участников (*акторов*). В этом случае они предоставляют возможность анализировать их данные и выдвигать гипотезы последующим исследователям. Описанием ограничиваются и тогда, когда источник информации является уникальным, раскрывает какой-то до сих пор неизвестный феномен, подлежащий осмыслению.

О переходе от интерпретаций первого порядка к теоретическим конструктам будет рассказано в следующей главе.

Практические задания:

1. Проведите аналитическое описание собранных вами данных.
2. Используя также текст интервью, приведенный в Приложении, опишите отдельный эпизод способом плотного описания.

3. Выберите один тематический блок и преобразуйте его способом открытого, выборочного и осевого кодирования.
4. Попытайтесь определить, какие из описанных вами результатов требуют дальнейшего теоретического анализа, и спланируйте последовательность шагов для продвижения к этому этапу исследования.

Рекомендуемая литература:

- Об открытом, осевом и выборочном кодировании: *Малышева М. М.* Способы кодирования и анализа качественных данных/ В кн.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях.
- О логике анализа текстового материала: *Ярская-Смирнова Е.* Социокультурный анализ нетипичности. Гл.: Эпистемология и метод анализа нарративов.
- О проверке надежности данных: Биографический метод: история, методология, практика/ Под ред. *Мещеркиной Е., Семеновой В. В.* Гл.: *Э. Хоффман.* Валидность и надежность в устной истории.
- О триангуляции: *Романов В.* Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии».

VII

АНАЛИЗ ДАННЫХ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Из предыдущей главы мы знаем, что процесс аналитического описания является детальной фиксацией того, что исследователь получил в поле от участников ситуации. Такое описание можно представить как расчерченное поле эмпирии. Оно является хорошей базой для начала собственно концептуального анализа и состоит в переструктурировании поля эмпирии в поле научного анализа. Это происходит путем сопоставления полученных данных с теоретическим знанием и построения на их основе определенной концепции, «мини-теории» описываемых событий. Исследователь из эмпирика-наблюдателя становится аналитиком. На этом этапе он сталкивается с проблемой представления полученных данных. В какой форме их изложить (в виде таблиц, матриц или повествовательного изложения)? Как из огромной массы эмпирических материалов выстроить научное видение исследуемого объекта?

Эмпирические данные дают только основу для анализа, а не диктуют ее. Для выстраивания определенного концептуального представления о реальности необходима серия определенных шагов, в результате которых действия и события могут быть переведены в научные категории.

КАТЕГОРИИ И СУБКАТЕГОРИИ

Первый шаг состоит в обобщении сходных данных в одной категории. *Категоризация* — есть метод, посред-

ством которого разрозненные свидетельства объединяются в определенную совокупность, в один класс понятий выраженных социологической категорией. Категоризация всегда служит для определенных исследовательских целей. Обычно в тексте выделяется не более двадцати обобщенных категорий.

Так, например, в нашем примере с жителем Арбата П. первичная классификация «место рождения» и «Арбат» могут быть объединены в одну большую научную категорию «идентичность», если проект ориентирован на это проблемное поле, или «культурная среда выхода», если в фокусе интереса динамика культурного становления личности.

На следующем этапе нам потребуется конкретизировать обобщенные категории в *субкатегории* для конкретизации условий их проявления: т. е. при каких условиях они реализуются или какие условия функционирования объекта приводят к данным результатам.

Дж. Кресуэл приводит аналогию с семьей. Если обобщенная категория — это семья, то субкатегории — дети, а внуки — непосредственный сегмент текстового материала. Другими словами, субкатегории находятся в некотором отношении подчиненности к обобщенной категории. Так, в случае с «арбатским жителем» при исследовании его «идентичности» как обобщенной категории могут быть введены более конкретные субкатегории: «идентичность с малой родиной», «идентичность с профессиональной средой», которые конкретизируют обобщенное понятие и выявляют *условия* его проявления и т. д.

Выделение таких субкатегорий необходимо для построения в дальнейшем *связей, зависимостей* между классифицированными фрагментами.

Рассмотрим пример анализа высказываний о роли и авторитете отчима в семье из исследования Е. Мещеркиной [33, с. 312].

Отрывок из интервью: «... Конфликты с отчимом? Нет, были, конечно, иногда. Но вот, кстати, он никогда не любил меня

учить чему-нибудь или, там, мораль читать. В основном мать, конечно. Она заставляла его даже ремешком меня стегать, но это редко было. Я на них не злюсь. А он считал, что я должен сам все понять, за это я ему благодарен... Он мне не насаждал свое мнение, но когда я уже подросток, уже окреп... К тому же я тогда года два, так 9—10 класс, занимался каратэ, чего-то умел. Помню даже пару раз было — я его побил. И с тех пор он вообще уже ко мне не приставал. Ну, так, поорет...»

Категоризация:

* отношения с отчимом (применение силы в воспитании, «жесткая» практика);

* роли отчима и матери в воспитании (периферийная роль отчима, активная — матери);

* изменение в семейных отношениях по мере взросления сына (занятия спортом, реализующие агрессивность, доминантность);

* ответная реакция сына по отношению к отчиму (ответное применение силы в споре с ним).

Исследователь первично выдвигает категории «отношения с отчимом», «роль отчима и матери в воспитании» и т. д., а затем конкретизирует их в субкатегориях, раскрывающих характер ее проявления в данных условиях. Это в дальнейшем может привести к построению частных зависимостей между разными субкатегориями: например, как «применение отцом силы в воспитании» сказалось на другой субкатегории — «агрессивности сына».

Субкатегории не должны пересекаться, они напоминают неупорядоченную номинальную шкалу в количественном исследовании: описываемые фрагменты либо «включены», либо «исключены» в данной номинации. Это условие является необходимым при построении впоследствии казуальных связей (связи зависимостей) между классифицированными фрагментами, что может быть выполнено только при соблюдении данного требования.

Теоретическое осмысление — весьма тонкая и трудоемкая аналитическая работа. В процессе классификации приходится по нескольку раз вновь и вновь обращаться к первичному тексту, чтобы точнее сформулировать социологическое понятие, наиболее подходящее ко всем фраг-

ментам, пассажирам и ко всем анализируемым текстам. Такая аналитически-интуитивная деятельность исследователя требует воображения, понимания текста и стоящей за ним социальной реальности, но прежде всего — достаточной социологической культуры²¹. Это процесс взаимодействия между проблемно-теоретическим полем исследователя и фрагментом социальной реальности, представленным текстом, в ходе которого сопоставляются, «примеряются» разные категории и окончательно выбирается та парадигма, которая наиболее подходит для данного исследования [16]. Такое решение не может быть механически-нейтральным; оно исходит из определенных исследовательских целей — что я достигну в результате использования тех или иных классификационных понятий?

Для успешного движения к конечной цели А. Страус советует периодически «отступить назад», к первичным данным, и задавать себе вопросы: А что там происходит? Совпадает ли мое представление о феномене с тем, что я увидел непосредственно в данных? Эмпирические данные не могут лгать, наверно, я иду не тем путем.

Сверяя свои данные с результатами предыдущих исследований, необходимо относиться к последним скептически, если они противоречат полученным вами эмпирическим данным. Проверьте, возможно те данные были выявлены в другом контексте? Может, были использованы другие категории?

В целом *классификация* означает организацию данных путем отнесения эмпирических результатов первоначально к обобщенным категориям (первичная классификация) и последующего разделения этих категорий на субкатегории для выяснения связей между ними.

²¹ Известный логик Марио Бунде писал, что интуиция — это «хлам» на чердаке нашей памяти, из которого по необходимости мы извлекаем нужные предметы.

Правила классификации:

Классификация является важным шагом концептуального анализа.

- Она предусматривает новое построение первоначального текста теперь уже на основе обобщенных понятий (кодов, тем, категорий).
- Классификация осуществляется на основе интеграции суждений здравого смысла и аналитической интуиции исследователя.
- Главная цель — сравнение фрагментарных данных, их обобщенное представление для последующего аналитического осмысления связей.
- Многократный пересмотр выбранных категорий способствует более адекватной классификации.
- Итоговая классификация должна соответствовать проблемным целям исследования.

Теперь, когда обыденные понятия классифицированы, мы можем: выявлять закономерности; вариации признаков и условия их появления; отклонения, сходства и различия в смыслах и образцах поведения в разных общностях.

МЕТОД АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ

Как справедливо отметил А.Тоффлер, нам хорошо удается процесс расчленения данных, но при этом мы часто забываем, как соединить эти части снова. Я. Дей в этой связи добавляет, что такая проблема возникает тогда, когда мы забываем, что описание и классификация не являются самоцелью, а служат своей сверхцели — убедительно представить результаты проведенного анализа [75, с. 47].

Субкатегории — это строительные блоки качественного анализа. Мы их сконструировали. Но возведение здания требует соединения блоков в единое целое, руководствуясь определенным проектом постройки. Здесь аналогия со строительством обрывается, так как готового

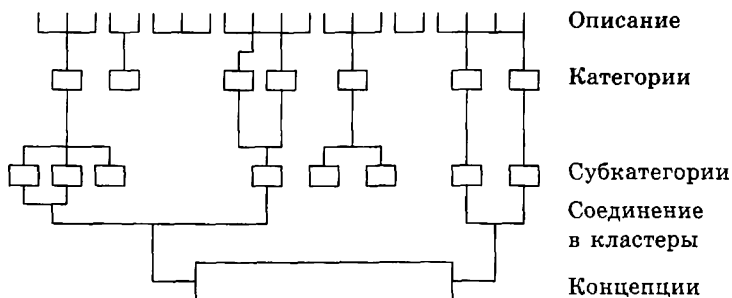

Рис. 5. Путь построения концепций на основании эмпирически описанных данных

проекта постройки у нас нет. Что делает исследователь в этом случае? Он выявляет «естественные» связи между субкатегориями, чтобы посмотреть, каким образом они создают единое здание.

Возвращаясь к образу возведения здания, скажем так: оно строится не из стандартных одинаковых блоков, но из глыб и камней разной формы и размеров. Их надо подогнать друг к другу, имея в проекте идею построения чего-то определенного: либо жилого дома, либо пристройки к нему, но не здания «вообще», как оно получится.

Методом проб и ошибок мы начинаем сопоставлять разные, на первый взгляд, несовместимые части в целое, для того, чтобы взглянуть иначе на уже известные вещи.

Итак, мы объединяем субкатегории в кластеры, которые объединяют внутренне тождественные и не связанные между собой категории в более емкие «образы».

Тогда весь путь к построению теории можно представить схематично как движение от первичного описания к классификации данных в категориях и субкатегориях; последующее выявление связей между отдельными субкатегориями, конструирование кластеров и построение концепций (рис. 5). Рисунок хорошо иллюстрирует весь процесс, включая отдельные «тупиковые» пути возведе-

ния здания: из отобранных категорий некоторые не вписались в будущий проект, некоторые субкатегории также остались вне «естественных» связей. Окончательная концепция состоит всего из двух кластеров, объединяющих внешне несвязанные данные.

Такой путь мы проделали в нашем исследовании передачи социально-культурных ценностей от поколения к поколению. Мы заметили, что часто взрослые исследуемые (1960—65 гг. рождения), имевшие бабушек 1900—1910 гг. рождения, в своих историях жизни упоминали, что именно бабушки (а не матери) оказали на них наибольшее влияние в детстве. В первых же интервью была отмечена очевидная связь между наличием бабушки и культурным уровнем внуков (раннее знакомство с грамотой и литературой, дополнительные внешкольные занятия, получение внуками высшего образования). Возникло основание для первичной гипотезы о «культурном влиянии бабушек на воспитание внуков в русских семьях» (в связи с тем, что матери большую часть времени были заняты).

Оказалось, однако, что рано обобщать наши случаи в качестве русского «феномена бабушек». Там, где есть закономерности, должны быть и вариации, и отклонения. Обнаружились семьи, имевшие бабушек, но их влияние не было напрямую связано с уровнем образования и культурой взрослых внуков. Бабушки респондентов упоминались в качестве влияющего фактора, но с уровнем образования внуков это сочеталось не всегда. Такие исключения заставили внимательно присмотреться к «отклоняющимся» семьям.

В качественном исследовании всегда есть возможность вернуться и более подробно рассмотреть «ключевые» моменты, фигуры или события, характеризующие отклонения, которые тоже подлежат концептуализации. В приведенном примере мы искали отклонения от ряда случаев, первоначально обобщенных как «феномен русских бабушек». *В принципе, поиск отклонений, несоответствий первоначальному обобщению и есть ключевой способ обоснованной кластеризации.*

Мы отобрали такую семью и вернулись к первичному тексту интервью для более подробного рассмотрения эпизодов влияния бабушки на внука. В чем непосредственно оно состояло?

Или, другими словами: каковы были обязанности бабушки в этой семье? Оказалось, что в «отклоняющейся» семье они в основном сводились к уходу за внуком, к функциям «няни». Наше предположение уточняется: не все бабушки выполняли функции культурного воспитания внуков, некоторые исполняли роль заботливой няни. Но почему в предыдущих интервью воспитательная функция бабушек регулярно повторялась, а эта семья оказалась исключением?

Вернувшись к исходным данным, мы убедились, что здесь бабушка не имела высокого образования и большую часть своей жизни прожила в деревне. Теперь возникла уточняющая гипотеза, которая заставила искать связь между несколькими категориями: влияние бабушек, культурный уровень внуков, функции бабушек в семье, а также среда, в которой воспитывалась сама бабушка, и ее образование. Впоследствии из этих категорий возникли субкатегории: «функции образованных бабушек» и «функции необразованных бабушек»; «культурный уровень внуков в образованных семьях» и «культурный уровень внуков в необразованных семьях». Сравнив функции бабушек из образованных и необразованных семей, мы пришли к окончательной формулировке концепции: бабушки из образованных семей по их социальной роли в семьях своих детей отличаются от бабушек из семей необразованных: первые становятся воспитателями и передают внукам культурный капитал, полученный в детстве, тогда как бабушки из необразованных семей не являются «трансляторами» культурного капитала, а выполняют функцию няни.

Заметим, что окончательная интерпретация данных проводилась в нашем примере в социологических категориях: «социальная роль в семье», «культурный капитал», «трансляция культурного капитала».

Таким образом, мы прошли путь *аналитической индукции*:

- первоначально упоминавшиеся в нескольких биографических текстах разнохарактерные занятия бабушек с внуками (бабушка пела песни, рассказывала сказки, кормила и ухаживала, когда болел, учила грамоте и т. д.) были объединены в категорию «функций бабушек в семье»;
- затем категория «функции бабушек в семье» была разделена на две субкатегории: «функции бабушек в

образованных семьях» и «функции бабушек в необразованных семьях»;

- аналогично категория «уровень образования бабушки» была разделена на субкатегории (высокий/низкий); категория «среда выхода бабушки» на «интеллигентская» и «крестьянская»; «успехи внука» как категория на — «интеллектуал», «служащий», «простой»;
- затем субкатегория «функции бабушек в образованных семьях» функциям была соединена с, казалось бы, несвязанными с ней субкатегориями, описывающими ее среду выхода и жизненные успехи ее внука.
- в результате мы получили окончательные кластеры. Первый «образ» — «бабушка-воспитатель», которая передала культуру своей среды внуку, а второй — «бабушка-няня», которая ухаживала за внуком, была его семейным защитником, но не транслятором культуры своей среды.
- первый образ бабушки, как мы выяснили, характеризуется передачей культурного капитала бабушкиной семьи, тогда как второй — лишь функцией ухода за внуком.

Мы выделили, по выражению Знанецкого, *логические классы*, которые в данном случае представляют всю совокупность бабушек, хотя репрезентативно бабушек мы не изучали. Мы только предположили такое обобщение: все бабушки ведут себя аналогичным образом.

Таким или примерно таким образом достигается заключительный этап исследования — *восхождение к некоторой «мини-теории»*. *Используется логика аналитической индукции. Это метод, который предполагает интенсивное изучение отдельных случаев в качестве доказательства того, что некоторая закономерность имеет общий характер и распространяется на всю совокупность.*

В нашем случае правомерность таких обобщений была подтверждена количественными данными лонгитюдного исследования молодых взрослых на большой

выборке, где на основе факторного анализа обнаружилась связь между высоким образованием бабушки и уровнем образования внука, тогда как для «необразованных» бабушек такой зависимости найдено не было.

Однако в количественном исследовании мы смогли зафиксировать только связь между двумя переменными, здесь же удалось построить обобщенные «образы», модели социальных ролей бабушек в разных семьях.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ТЕОРИИ

Американские социологи А. Страус и Б. Глейзер [40] предложили иную концепцию качественного анализа, которую назвали разработкой *grounded theory* (восхождение к теории), т. е. создание мини-теории, непосредственно на основе концептуализации наблюдаемых фактов. Такая мини-теория как бы конструируется, выстраивается на фундаменте фактов из жизни или отдельного случая.

Исследователь выдвигает комплекс идей и, руководствуясь ими, концептуализирует определенный, узкий аспект обыденной практики. Другими словами, интерпретация узкого аспекта всесторонне проанализированного случая поэтапно ведет ко все более высокому уровню обобщения, вплоть до создания «теории данного случая». Выдвинутые идеи позволяют логически выстроить несвязанные части реальной жизни в определенную совокупность конструкций и таким образом создать целостную картину отстраненного видения некоторого отдельного аспекта социальной реальности. Проиллюстрируем это на примере, который мы уже приводили в главе III, но теперь уже с точки зрения *пути* построения теории.

Авторы детально описывают наблюдения за больными и медицинским персоналом в клинике. Обнаруживается, что во взаимоотношениях между ними немалую роль играют приборы и инструменты, часто причиняющие боль и страдания. В результате аналитического описания возникла обобщенная категория «стратегия борьбы с болью», которую они,

в соответствии с конкретными формами проявления этой категории, представили в виде субкатегорий: «стратегия борьбы с болью техническими средствами» и «стратегия борьбы с болью через адаптацию к боли». Затем были сформированы два кластера, где каждая из стратегий рассматривалась в связи с конкретными последствиями для «состояния больного» и его «представления о боли». В результате авторы вышли на теоретическо-философское осмысление проблемы боли: что такое боль, как ее воспринимают люди и каким образом возможно нормальное существование человека в ситуации постоянных хронических болей [114].

Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит в концептуализации обыденного опыта, считают Б. Глейзер и А. Страус [113], и задачей исследователя является создание своей мини-теории. В этом отличие от количественного подхода, где цель — верификация, проверка уже существующих более общих теорий. Здесь же теории и идеи проверяются только в одном аспекте — насколько они адекватны по отношению к конкретным данным.

Согласно grounded theory любой аспект повседневной реальности можно концептуализировать. Восхождение от фактов к теории возможно благодаря тому, что:

- качественные данные всегда содержат информацию о структурах, отклонениях, нормах, процессах, образцах поведения и их результатах;
- полученные полевые данные могут считаться конечными (достаточными) для изучения некоторой узкоограниченной области социальной реальности, в рамках которой обычно действует не так много исследователей;
- эти сведения должны содержать информацию о разных сторонах жизнедеятельности объекта в единстве его сложностей, противоречий, т. е. в реальной ситуации бытия;
- проблема состоит в том, чтобы правильно систематизировать собранную информацию, закодировать ее, а за-

тем — проанализировать так, чтобы в результате она приобрела теоретический смысл.

Рассмотрим, каким образом происходит построение некоей мини-теории при изучении двух случаев: истории жизни двух людей в конкретный период советской истории — России 30—40-х годов [39, с. 144—179].

Мы начинали с «плотного описания» профессиональной карьеры одного респондента Ивана Д. и классифицировали его жизненные эпизоды в понятиях социальной мобильности. Выяснили, что в 30—40-е годы эпизоды его социальной мобильности сменялись очень часто — примерно раз в два года Иван Д. менял место жительства в связи с переходом на новую работу. Его стратегию в понятиях социальной мобильности можно назвать высокой социальной мобильностью в эти годы (см. данные ниже). Она имела особый характер: это постоянное мигрирование по отдаленным от столицы местам, как бы кружение по разным точкам:

1932 — Мариуполь, экономист комбината «Никель».

1933 — Никополь, начальник планового отдела комбината.

1935 — Комсомольск-на-Амуре, начальник планового отдела стройки.

1938 — Азовсталь, начальник планового отдела комплекса.

1939 — Магнитогорск, начальник планового отдела промышленного комплекса.

1942 — Липецк, главный инженер реконструкции завода.

1949 — Москва, строительство высотных зданий.

1950 — Москва, начальник отдела Министерства строительства.

Описывая эту стратегию в контексте того времени, можно предположить, что такая мобильность была: а) следствием общего высокого уровня мобильности в те годы, б) следствием индивидуальных особенностей Ивана Д., победным шествием его по стройкам социализма.

С точки зрения *grounded theory*, для выяснения причин и следствий весьма важным является *сравнительный анализ аналогичных случаев* для выявления их противоположностей.

Мы пошли по этому пути и сравнили стратегию профессиональной мобильности этого участника исследования с мобильностью другого человека, Ивана К., который принадлежал к тому же поколению, имел примерно тот же статус в конце про-

фессиональной карьеры, принадлежал к тому же социальному кругу (они были сватьями, отцами супругов). У второго Ивана — Ивана К. в эти же годы (30—40-е годы) также была высокая мобильность. Однако характер мобильности другой — это путь быстрого вхождения в центральные руководящие органы, во власть. При одинаково быстрых темпах смены работ он в 1932 году только приехал в Москву разнорабочим, а к 1949 году стал начальником отдела в Министерстве строительства.

Итак, при сравнительном анализе двух случаев оказалось, что *условия* ситуации и ее *результаты* в двух случаях схожие, а *характер* процесса — разный. Будем искать различия этих случаев, которые привели к разному характеру мобильности, аналитически продвигаться от достаточно элементарных классификаций событий к некоторым концептуальным обобщениям, соединим эти обобщения в более «емкие» кластеры, постоянно возвращаясь к транскриптам в поисках аргументов для подтверждения теоретической идеи.

Иван Д.: 1904 года рождения, из дворянской среды. В гражданскую войну перешел на сторону «красных» и по окончании войны стал «спецом».

В транскрипте интервью с дочерью Ивана Д. мы находим основание для первичной гипотезы:

«...У папы было много знакомых, еще по дореволюционным временам, которые знали его как хорошего специалиста и приглашали на работу, когда начиналась новая стройка. Все они были крупные инженеры, еще дореволюционные, папа всегда вспоминал их известные фамилии... В 1937 и впоследствии все они погибли. А у папы, наверно, хватало ума, поэтому он часто переезжал с места на место. Сами понимаете, биография у него была не лучшая, а про то, что он окончил семинарию, мы вообще никогда не упоминали. Вот, например, мы уехали из Азовстали, а примерно через год там всех взяли, весь трест сразу, все руководители были арестованы. А его, наверно, Бог миловал...»

Таким образом *дополнительный источник* информации уточнил субъективный смысл описанных перемещений и навел на предположение о «стратегии убегания» как способе избежать репрессий в сталинские годы.

При сопоставлении с *противоположным* случаем — Иваном К. выясняется, что тот был выходцем из крестьян.

На основе сопоставления двух случаев родилось следующее уточнение: миграции Ивана Д. по отдаленным от Москвы

районам являются стратегией, типичной для «спецов» — выходцев из дореволюционных образованных слоев. Это был способ «убегания» от власти и репрессий, а не стремление сделать карьеру. Для Ивана К., выходца из крестьян, эти миграции, напротив были средством быстрого «вхождения во власть». *Социальный контекст* ситуации проясняет судьбы двух Иванов: времена репрессий, поддержка выходцев из крестьян, политика преследований по отношению к «бывшим» специалистам. Здесь мы имеем основание сделать первичное обобщение на уровне типизации случаев: «избегательная» и «достижительная» стратегии, характерные для выходцев из разных слоев. Концептуализируем первый случай в понятиях властных отношений: это была стратегия «убегания от власти» как способ избежать репрессий. Данную стратегию практиковали в 30—40-е годы выходцы «из бывших».

Окончательно это концептуальное построение можно выразить так: стратегии высокой социальной мобильности в 30—40-е годы были субъективно обусловлены разным социальным смыслом: выходцы из бывших привилегированных слоев использовали ее как стратегию «убегания» от власти и ее преследований, тогда как выходцы из низших слоев использовали ее для быстрого вхождения во власть и достижения властного статуса.

Выдвинутая идея о жизненной стратегии выходцев из «нетрудовых слоев» в описанные годы может претендовать на статус «минитеории». Мы дали ей наименование (стратегия «убегания от власти»), она опирается на реальные факты и не противоречит здравому смыслу. Даже если подобную стратегию использовали не все выходцы из «бывших», это ничуть не умаляет ее эвристической ценности. Наша теория удовлетворительно объясняет соответствующие события и помогает осмыслить немаловажные особенности социальных реалий тех лет. Вместе с тем, мы теперь лучше понимаем конфигурации вертикальной мобильности в советской России 30—40-х годов. За внешне похожими фактами скрываются совершенно разные *социальные смыслы* человеческих поступков, социального поведения людей.

Классическим примером поэтапного восхождения от фактов к теории может служить исследование Э. Гоффма-

на о «моральной карьере психиатрического пациента» [86]. Наблюдая процесс изменения идентичности человека до и после заключения его в психиатрическую лечебницу, он фиксирует поэтапные ее изменения: от «нормальных» индивидов до превращения в «больных», лишенных статуса «нормального» члена общества. Концептуализируя этот случай, Гоффман поднимается до теоретических обобщений о границах «нормальности» и «ненормальности» в обществе. Кто и как их устанавливает? Где проходят эти границы?

СПОСОБЫ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Кроме наиболее общего способа построения аналитической теории, описанного выше, существуют его модификации, при которых исследователи ориентируются на разные способы построения теории. М. Малышева в своей статье «Способы кодирования и анализа качественных данных» [31] приводит классификацию таких способов, используемых разными исследователями:

1. *Поступательная аппроксимация* (приближение, соответствие) как переформулировка концепций путем их постоянного неоднократного сопоставления со свидетельствами, полученными в поле. В процессе такого сопоставления концепции постоянно оттачиваются, в результате свидетельства и теория наиболее адекватно соотносятся друг с другом.

2. *Иллюстративный метод*, где эмпирические свидетельства используются для того, чтобы проиллюстрировать или «привязать» теорию к эмпирии. Существовавшая ранее теория оставляет «открытые ящики», пустоты, не описанные теорией, и исследователь выясняет, могут ли полученные им эмпирические свидетельства заполнить эту нишу. Новые свидетельства могут как опровергнуть, так и подтвердить ранее существовавшую теорию.

3. *Аналитическое сравнение* (Дж. С. Миль). Исходя из уже существующих теорий, исследователь развивает идеи о повторяющихся образцах отношений или поведения. Он фокусируется на нескольких постоянно воспроизводящихся явлениях и ищет повторы таких образцов внутри определенного социального контекста.

4. *Метод согласия* развивает предыдущий тип теории, фокусируясь на том, что является общим для всех случаев. Исследователь устанавливает, что случаи имеют сходный общий результат, и ищет общие причинные факторы, приведшие к такому сходству.

5. *Метод различия* отбирает случаи, которые сходны по большинству своих параметров, но по некоторым существенно различаются. Фиксируются черты, которые делают случаи схожими, и черты, посредством которых они различаются. Путем сопоставления исследователь отыскивает черты, которые ведут к различиям в причинах и результатах.

6. *Анализ доменов*. Этнографический подход Дж. Спредли [112] основывается на определении базовых единиц культурного окружения — доменов, организующих определенную концепцию или идею. Путем объединения доменов в более широкие темы достигается более широкая интерпретация культурного смысла данного сообщества.

7. *Идеальные типы* являются моделями или абстракциями социальных отношений или процессов, которые используют многие социологи. Они являются чистыми образцами, которые позволяют соотнести реальные проявления с определенной идеальной моделью.

8. *Выделение контекста* применяется как способ сопоставления идеальных типов в разных контрастных контекстах, что позволяет выявить специфическое или уникальное в каждом из контекстов.

9. *Аналогии* служат для логического сравнения с целью доказательства, что два явления или объекта определенным способом сходны.

10. *Поиск опровергающих или отсутствующих случаев* представляет собой мысленный эксперимент, концентрирующийся на отсутствии данной характеристики в реальной жизни. Рассуждение строится по принципу: что бы произошло, если бы данная характеристика присутствовала? Это позволяет осознать отсутствие явления и проинтерпретировать его отсутствие для данного случая.

Здесь мы только перечислили разные типы анализа качественных данных. Более подробно о них самих и примерах их использования можно узнать из статьи М. Малышевой.

Сформулируем основные рекомендации по созданию адекватной мини-теории.

- Изучение всех доступных источников информации по проблеме в библиотеке.
- Использование сравнительного метода как способа построения теории. Особенно важно «сравнение от противного», т. е. поиск фактов и ситуаций, которые противоречат (или теоретически могли бы противоречить) уже найденным закономерностям.
- Создание новых мини-теорий не может быть плодотворным без знания уже существующих теорий и исследований в данной области.
- Теория, основанная на фактах, предусматривает анализ *всей* совокупности данных, полученных в ходе исследования. Окончательная ее формулировка иллюстрируется отдельными, наиболее характерными примерами.
- Концепции и теории, опирающиеся на более широкий круг данных, могут впоследствии уточнить первоначальную формулировку теории, а иногда и вовсе ее опровергнуть.
- В заключительном отчете (публикации) желательно описать последовательность всех этапов «восхождения» к научным абстракциям, всех процедур, которые привели к формулировке гипотез, что послужит основанием для признания ее обоснованной.

Обобщая описанный выше путь восхождения от фактов к теории, можно заметить, что в целом процесс интерпретации и теоретизирования проходит несколько стадий: от «плотного» описания до концептуального представления результатов (схема 5):

Схема 5

Стадии анализа и интерпретации данных

1 стадия	2 стадия	3 стадия	4 стадия	5 стадия
Первичный текст (дневники, автобиографии, письма). Собственный опыт социолога.	Редактированный первичный документ	Систематический тематический анализ, «плотное» описание событий, тем; их объединение в кластеры.	Верификация гипотез примерами из интервью, текстов.	«Выстраивание» на основе кооптуализаций первичной теории и дальнейшая ее проверка данными наблюдений.

Однако даже досконально выучив правила поэтапного анализа, нельзя ожидать «автоматического» рождения новой теории. В любом качественном исследовании существенно авторское начало, то, что остается за рамками любых правил. Это — научная интуиция, способность осмысливать, сопоставлять полевые данные, быть «настроенным» на социологический анализ. Недаром случайным толчком исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого о польских крестьянах стали никому не нужные письма, выброшенные из окна и подобранные будущими классиками.

В заключение обращаем особое внимание на

Типичные ошибки и трудности качественного анализа:

- Субъективизм интерпретации, вытекающий из односторонности анализа объекта. Способ преодоления — триангуляция.
- Поспешное обобщение данных, основывающееся на малом количестве случаев или неглубоком анализе каждого случая.

- Пренебрежение проверкой надежности информации всеми доступными способами.
- Пренебрежение проблемой памяти людей в изложении прошлых событий (даты и детали событий).
- Необходимо помнить, что актуальная ситуация и сегодняшние оценки могут накладывать отпечаток на описание индивидом прошлых событий.

Теперь, когда мы знаем правила действий, избегаем ошибок, успех зависит от нашей эрудиции и способностей.

Практические задания

1. Опишите полученные эмпирические данные в обобщенных категориях и определите, что в вашем исследовании относится к разряду категорий, а что к разряду субкатегорий. Попробуйте отразить это схематично, следуя образцу на с. 201.
2. Отберите категории и субкатегории, которые могут быть использованы при дальнейшем построении концепции.
3. Что в вашем случае будет относиться к кластерам и каковы будут связи между отдельными субкатегориями? Покажите это на схеме.
4. Попробуйте построить свою мини-теорию, используя метод восхождения к теории.

Рекомендуемая литература:

- О способах теоретизации: *Малышева М.* Способы кодирования и анализа качественных данных/ В кн.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях.
- О методе восхождения к теории: *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ В ПУБЛИКАЦИИ

В количественном исследовании итоговый результат или публикация представлены в виде таблиц и доказательств гипотез в систематизированном виде. В качественном исследовании результат представлен обычно в виде пространного описания с использованием длинных цитат из первичного текста. Форма его подачи различается в зависимости от *целей и фокуса публикации*: кому она предназначена (коллегам, студентам или широкой публике) и что является ее фокусом (сама жизненная ситуация или ее анализ исследователем). Это обуславливает также разную степень авторского «внедрения» в первичные текстовые документы. Обычно используют четыре типа подачи материалов.

Дословное воспроизводство социальной информации как уникального «образца» социальной реальности. Автор такой публикации ставит перед собой одну цель — представить ценное свидетельство, важное «само по себе» для понимания данного аспекта социальной реальности и способное вызвать интерес других исследователей, которые могут интерпретировать текст под углом зрения собственных гипотез и концептуализаций.

Таким путем пошли, например, авторы книги «Наивное письмо» [Н. Козлова, И. Сандомирская, 25], аргументируя это тем, что их задача — («представление образца в оригинальном виде») — только «первый шаг к обсуждению социокультурных проблем наивного письма...» Здесь рукопись, присланная в журнал, ее языковая форма изложения представлены как свидетельство «вне-

письменной культуры, явленное тем не менее представителем самой этой культуры, а не сторонним наблюдателем». Акт «культурно-иного» прочтения «голоса из народа» предлагается осуществить самому читателю или исследователю.

Редактированные тексты — сокращенная и выстроенная рукопись. Как правило, первичные тексты слишком длинны и часто хаотичны. Редактирование — это сокращение и выстраивание оригинальных текстов, акцентирование на определенных эпизодах, темах, позволяющих лучше понять последовательность событий. Степень внедрения в первичный рассказ минимальна. Для сокращения первичного материала иногда используют прямые аутентичные (цитированные) высказывания автора текста, соединенные и структурированные отдельными фразами исследователя. Так, первичные тексты в книге У. Томаса и Ф. Знанецкого о польских крестьянах были сокращены примерно наполовину. Примерами редактированных текстов в отечественных публикациях могут служить биографические тексты из книги «Голоса крестьян...» [46] и первый раздел книги «Судьбы людей. Россия. XX век» [38].

Комментированные первичные тексты — наиболее распространенная форма представления данных в качественных исследованиях. Авторская интерпретация «сопровождает» основной текст — в сносках, на второй половине страницы или следует за каждой из историй; может предшествовать текстам во введении или заключать их в виде комментариев, теоретической интерпретации.

Все приведенные выше типы публикаций используются при акцентировании на описательном подходе к полученным данным.

Авторский текст. Особым типом публикаций по результатам качественных исследований является работа, в которой научный анализ автора выступает центральным элементом, а первичные тексты представлены в

форме отрывков, иллюстрирующих теоретические положения. Общий смысл первичных документов почти полностью теряется, они скорее выполняют функцию аргументов авторской концепции. Примером такого рода публикации служит статья А. Леденевой о трансформации блата как социального явления постсоветского общества [28], где автор представляет отдельные отрывки из нескольких интервью в качестве аргументов каждой своей концепции, опираясь при этом на анализ всей совокупности кейс-стади.

Обычно читателю предлагается лишь несколько наиболее характерных типов. Автор рисует общие «портреты» типов собственными словами, дополняя образы наиболее яркими отрывками из интервью и комментируя их с точки зрения развития собственной теории. В данном случае документы утрачивают свойства индивидуальных субъективных свидетельств, зато приобретают новый социально-обобщенный смысл как интеллектуальные аргументы в теоретических построениях автора.

Такое продвижение по пути «внедрения» в исходный текст при представлении публикации аналогично стадиям анализа, которые мы описали в схеме 4 с. 213: от полной неприкосновенности текста — к использованию фрагментов личных документов в качестве иллюстрации к исследовательской теории и систематизированному анализу социальной проблемы.

Подготовка публикации в первых случаях сводится к умению редактировать или комментировать текстовые документы. Техника и стиль написания теоретических статей более сложные.

В таких публикациях описывают не только и не столько сами случаи, но и более широкое исследовательское поле, научный фон исследуемой проблемы. Например, автор описывает проблематику отклоняющегося поведения, личностной идентификации, культурных норм определенной общности, прежде чем обратиться непос-

редственно к собственным результатам и их интерпретации в понятиях существующих теорий. Элементом такой формы подачи является также краткое методологическое описание пути, пройденного исследователем от отдельных фактов к теоретическим построениям.

В конце представлены обычно размышления автора о возможностях дальнейшего изучения феномена.

Содержание собственного исследования может быть представлено в четырех основных «моделях»:

- В качестве описания ранее неизвестных или необычных деталей уже известного социального феномена, на которые предыдущие исследователи не обращали внимания.
- Как развитие представления об объекте. Это означает открытие важности, значимости отдельного аспекта для целостного понимания данного феномена в целом.
- В форме раскрытия социального феномена во всей полноте его составляющих и концептуализации данного факта.
- Наконец, в виде построения типов, дифференцирующих до сих пор общепринятое, но не структурированное представление о некотором социальном явлении.

Практический совет:

Социологи-«качественники» говорят: *чем сто раз рассуждать о теории качественных методов, лучше один раз выйти в поле и попробовать самому*. Поэтому для того, чтобы проверить свои способности и желание заниматься качественной социологией, попытайтесь «выйти в поле».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социологические концепции и подходы к социальной реальности столь же многообразны и многоаспектны, как и сам объект ее изучения — сообщество людей. Поэтому бесконечные споры и рассуждения по поводу приоритетности одних или других воззрений, тех или иных подходов к изучению реальности лишены оснований и могут продолжаться бесконечно. Это касается и дилеммы качественного и количественного подходов, где не может быть правых и неправых. Каждый исследователь выбирает свой аспект рассмотрения в зависимости от своих воззрений и выбора наиболее адекватного способа изучения данного аспекта реальности.

Качественная традиция, также как и количественная, имеет свою историю и свое теоретическое обоснование, свою специфическую область интереса и разнообразные подходы. Она так же фундаментальна, как и количественная. В ее истории — ряд научных авторитетов, на мнение и аргументы которых не стыдно опереться при обосновании этой традиции.

Кажется неслучайным, что обострение или затухание споров «качественников» и «количественников» и рост интереса к качественной социологии совпадает с определенными историческими ситуациями, переломными моментами в истории, когда от социологов требуются нестандартные подходы и гибкие методы отражения новых процессов. Пример тому — расцвет Чикагской школы в период пика миграционных процессов в США и развитие Франкфуртской школы как реакция на ситуацию авторитарного режима в Германии. В стабильном обществе,

когда тенденции долговременны и малоизменчивы, обычно преобладают достаточно традиционные количественные подходы при стандартных методиках, позволяющих отслеживать долговременную динамику устойчивых социальных тенденций.

Бурно изменяющаяся социальная реальность требует повышенного внимания исследователей к инновациям и углубленному рассмотрению частного, единичного, не массового.

Возможно, именно благодаря этим тенденциям так бурно и спонтанно возрос интерес к качественной методологии в России в последние годы.

Есть еще один аспект, который делает ее привлекательной для отечественной социологии, — это гуманистическая направленность, т. е. интерес к изучению конкретных людей. Собственно говоря, это реакция на засилье «поголовного» подхода в предыдущие десятилетия. Гуманистическая направленность качественной социологии выражается также и в уважительном отношении к частностям повседневной жизни людей, к социально отверженным, к внутреннему миру простых людей.

Однако заниматься качественной социологией не означает «упростить» и облегчить свою профессиональную жизнь, заменив громоздкие табуляграммы и работу с индексами на проведение нескольких неформальных бесед с людьми с последующей свободной интерпретацией их высказываний. Это означает постигнуть огромный теоретически сложный мир «другой» социологии; долгие часы проводить с людьми, пытаясь понять их мир и их беды; и скрупулезно, по несколько раз прочитывать пространственные тексты, пытаясь уловить и вникнуть в их социологический смысл.

Это особая область науки, которая обладает своей логикой и своими категориями, их познание необходимо каждому социологу, который пытается понять «человеческое измерение».

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Биографическое интервью — метод сбора данных об истории жизни индивидов; заключается в устном рассказе о своей жизни исследователю в процессе интервью и последующем анализе текста путем выстраивания биографических эпизодов в определенной последовательности (хронологической, тематической и т. д.). Используется в тактике истории жизни, устной истории, истории семьи.

Выборочное кодирование — заключительный шаг в кодировании в методике grounded theory (после открытого и осевого кодирования), который устанавливает характер связей между центральной темой и отдельными подтемами; выявляет недостающие, дополнительные подтемы, требующие дальнейшего анализа для систематического представления изучаемого феномена [113].

Герменевтика — наука об интерпретации культурных проявлений человеческой деятельности. С точки зрения современных воззрений герменевтики, наиболее важным представляется ее акцент на интерпретации конкретных культурных составляющих исходя из общего культурного фона, контекста, путем восстановления той общекультурной перспективы, в рамках которой автор формулировал свои взгляды (Х. Гадамер).

Гуманистическая социология — направление в социологии, которое возникло в начале XX века как реакция на позитивистский тип мышления. Полемика в идеологическом плане была направлена против исключения из соци-

альной науки «человеческого фактора», а именно проблемы человека как субъекта, практически оценивающего действительность и придающего смысл своим действиям. Акцент на гуманитарной природе науки обуславливал ориентацию на специфические методы познания, отсутствующие в естественных науках, таких как: понимание, ценностный подход, критический анализ действительности. Разновидностями гуманистической социологии считаются феноменологическая традиция (А. Шюц), «аналитическая» социология Чикагской школы (У. Томас, Ф. Знанецкий), а также субъективистские школы этнометодологии, интеракционизма, социальной драматургии и др.

Диалоговое интервью — форма глубинного интервью, протекающего в форме свободного диалога исследователя и исследуемого, в котором оба занимают одинаково активную позицию и равноправно обмениваются мнениями относительно обсуждаемых проблем.

Драматургический подход (Э. Гоффман) — основная идея состоит в проведении аналогии между социальным миром и миром театра, а социальные роли аналогичны театральным ролям, которые разыгрываются для произведения соответствующего впечатления на участников общения и ответа на их ожидания.

Жизненный мир (А. Шюц) — понятие используется для обозначения мира повседневности таким, каким он представляется обычным людям. В феноменологической традиции жизненный мир является основным объектом социологического изучения. Главной его особенностью является восприятие того аспекта социальной жизни, который предстает в качестве непреложного, само собой разумеющегося, обыденного. В этом его отличие от других миров социальной жизни, например мира науки или религии [1, 89].

История жизни — тактика исследования, использующая биографические данные, а также другие источники. Индивидуальная история жизни может стать основой и при изучении способов «проживания» жизненных событий: индивидуальных кризисов, поворотных моментов биографического пути, социально-исторической ситуации, а также при исследовании жизненного мира личности в целом. Разные подходы используют историю жизни также при изучении культуры отдельной группы или в антропологическом исследовании.

Качественное исследование — исследование, где результаты получены не путем статистических процедур или другими методами математического подсчета, а путем раскрытия смысла и интерпретации номинальных ответов, выражающих субъективную ценность данного предмета с точки зрения самого субъекта. Цели такого исследования состоят в понимании и интерпретации субъективного аспекта социальных процессов.

Кейс-стади — глубинное, детальное исследование одного объекта, имеющего четкие временные и пространственные границы. Цель — изучить его уникальную структуру, скрытые пружины его функционирования, совокупность его взаимосвязей как системы или динамику его развития. Результаты обычно имеют прикладной характер как рекомендации относительно данного феномена, а также других объектов, относящихся к этому же классу и находящимся в сходных условиях.

Классификация — процесс организации эмпирических данных и приведения их к обобщенным понятиям (категории, классы, субкатегории) для последующего выявления формальных связей между ними.

Кодирование — процесс соотнесения текстовых данных с более общим понятием путем присваивания им обобщенного короткого названия (кода).

Контекст — набор характеристик, которые уточняют условия существования данного феномена, подлежащего изучению, т. е. локализуют события или процессы в пространстве и времени. Контекст представляет собой набор особых условий, в рамках которых происходят описываемые события или действия. Исторический контекст — контекст жизненного опыта индивидов в историческом пространстве и времени от конкретно-социального до общеисторического.

Культурный дискурс — рассмотрение социальной жизни людей прежде всего с точки зрения языка и понятий культуры, т. е. их ценностного и нормативного сознания. Современное общество рассматривается как совокупность множества «жизненных миров», не обладающих единой культурной системой; культура индустриального общества рассматривается как фрагментарная и разрозненная.

Мемос (памятки, заметки) — письменные комментарии как эмоционального, так и аналитического характера, имеющие отношение к будущему анализу неформализованных данных. Они могут быть в виде предварительных гипотез, идей о возможном кодировании или отдельных аспектах дальнейшего анализа объекта. Такие заметки являются вспомогательным инструментом на этапе аналитического описания, а также при формулировке теории.

Микросоциология — уровень социологического анализа, на котором предметом интереса являются непосредственные социальные взаимодействия людей в

повседневной жизни и поведение в малых группах [1, с. 170].

Нарративное интервью — представляет собой свободное интервью, рассказ о жизни без вмешательства со стороны интервьюера, задающего лишь общее направление ожидаемого рассказа. Предполагается, что в ходе свободного изложения в памяти рассказчика ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые имеют для него наибольшую субъективную ценность, что позволяет выявить смыслообразующие моменты конструирования его биографического повествования.

Осевое кодирование — процедура в grounded theory, следующая за открытым кодированием. Служит для преобразования разрозненных тем текста в ось ключевых, связанных между собой категорий. Этот этап характеризуется выбором одной категории в качестве центральной, возвращением к тексту с целью поиска других категорий, характеризующих условия протекания, контекст осуществления, типы действий или последствия. В целом, это этап соотношения отобранных категорий с центральной, определяющей исследуемый феномен; этап сужения фокуса интереса исследователя до определенной проблемы [113].

Открытое кодирование — начальный шаг кодирования в grounded theory. Маркирует темы текстового источника в категории, находящиеся на очень низком уровне абстракции. Это процесс простого расчленения первичного текста на разрозненные смысловые единицы для последующей классификации в категориях [113].

Понимание (verstehen — нем.) — понятие, применяемое для обозначения способа познания в социологии путем распознавания смыслов, которыми люди наделяют

свои действия. Заключается в том, чтобы ставить себя в положение других людей с целью постижения смысла их действий и намерений [1, с. 373].

Плотное описание — термин, предложенный Н. Денцином, для аналитического описания объекта исследования (человека, группы, события), в котором, кроме описания самого факта, фиксируются условия его протекания и субъективные последствия для участников. Способ детального и всестороннего описания ситуации в терминах ее участников.

Социология повседневности — область микросоциологии, связанная с анализом практик, взаимодействий и культурной организации повседневной жизни; анализ макроинститутов (таких, как экономика и государство) остается вне интереса данной области. Исследование повседневности играло фундаментальную роль в развитии немецкой социальной теории и прежде всего в работах А. Шюца и Ю. Хабермаса [1, с. 220].

Полуструктурированное интервью — интервью, которое состоит из тематических блоков и содержит перечень обязательных аспектов, относительно которых должна быть получена информация.

Постмодернизм — от термина постмодерн, который обозначает качественно новое состояние, предположительно достигнутое современными индустриальными обществами. Постмодернизм как совокупность социальных теорий об этом новом периоде утверждает, что социальное знание о ситуации современного мира должно учитывать многоаспектность и фрагментарность человеческого существования и содержать анализ не только и не столько классовой и экономической дифференциации, но и культурной, этнической, половой, возрастной и т. д.

Ролевая дистанция — термин, предложенный Э. Гоффманом, говорит об отдаленности индивида от той социальной роли, которую он исполняет. Это понятие способствует проведению важного различия между ожиданиями в отношении социальных ролей, исполнением роли и субъективным отношением индивида к своей роли [1, с. 278].

Секвенции (англ.) — в контексте качественных методов понимается как содержательно-законченные эпизоды, следующие в определенной последовательности друг за другом. Они являются элементарной единицей анализа биографического текста и содержат внутренне законченный сюжет. В зависимости от целей исследования могут быть выстроены по темам, по хронологической или причинно-следственной связи и т. д.

Стратегия и тактики качественного исследования — первое используется при сравнительной характеристике качественных и количественных исследований для выявления их различий по логике и последовательности действий при проведении работы. Тактики предполагают внутреннее различие разных способов исследования и анализа в рамках качественного подхода.

Субъективное значение (смысл) — в понимании М. Вебера, значение, которое деятели придают своим действиям и действиям других людей. Действие в соответствии с определенной целью придает поведению определенный смысл. Принципиальным является разделение двух видов значений, которые могут изучаться социологами: значения, которые деятели вкладывают в свои действия исходя из жизненного опыта, и типичные значения, которые приписывает исследователь гипотетическим типам деятелей. Изучение причин или мотивов поведения является центральным для субъективистской школы в социологии.

Теоретическая выборка — выборка, которая базируется на теоретическом представлении об изучаемом феномене и его вариативности. Каждый индивид в такой выборке отбирается исходя из общего теоретического видения феномена и представляет собой определенный аспект такого рассмотрения.

Транскрипт — письменная форма дословной передачи речевой информации, полученной в ходе полевого исследования. Это первичный текстовый документ, который подлежит анализу. Он содержит дословные высказывания индивида, а также регистрацию интонационных особенностей и эмоциональных реакций на интервью.

Триангуляция — способ проверки и повышения надежности интерпретации в качественном исследовании. Предполагает перекрестную интерпретацию одного и того же случая или фрагмента несколькими дополняющими друг друга источниками. Это могут быть исследователи, работающие в одной команде, а также социологи, представляющие разные точки зрения, теоретические или методологические подходы относительно данного изучаемого объекта, что способствует развитию более полного представления о нем. Возможна также триангуляция, основанная на разных «видениях» данной ситуации, т. е. обращение к разным источникам информации в зависимости от их роли и степени включенности в изучаемый аспект реальности.

Феноменологическое исследование — тип исследования, который изучает и описывает жизненные опыты индивидов относительно определенного социального феномена. Цель исследователя — последовательно свести весь такой опыт к его единому центральному значению, смыслу, интерпретируемому с точки зрения данного феномена.

Фокус-группа — метод, пограничный между качественным и количественным подходами, так как, с одной стороны, является способом глубинного изучения различий в понимании определенной проблемы участниками группы, с другой стороны, члены группы должны репрезентативно представлять определенные общности, подлежащие изучению.

Эпифании — отдельные события, которые представляют собой поворотные моменты жизненного опыта индивида. Они различаются по своему влиянию на общий жизненный путь от малых, имевших локальный эффект, до крупных, общезначимых событий жизни. Могут оказывать как позитивный, так и негативный эффект (Н. Денцин).

Этнографическое исследование — изучение узкой культурной или социальной группы (или отдельных индивидов в рамках этих групп), основанное, как правило, в основном на наблюдении и длительном глубоком вхождении исследователя в данную группу. Исследователь слушает и записывает голоса информантов, изучает прежде всего способы и формы коммуникативного общения. Результатом является обобщенный культурный портрет определенной общности [124] как новое знание о ней.

Grounded theory, или восхождение к теории, — тактика качественного исследования, предложенная Б. Глейзером и А. Страусом, где воссоздается абстрактная аналитическая схема наблюдаемого в реальности феномена. На этой основе строится мини-теория, которая объясняет действия, взаимодействия или процессы. Эта тактика отличается своей спецификой, прежде всего, на этапе анализа: предлагает свои принципы кодирования текста (открытое, осевое и выборочное кодирование), а также осо-

бый способ построения аналитической минитеории относительно данного феномена, наблюдаемого в реальной практике [69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь/ Пер. с англ. — Казань: изд-во Казанского ун-та, 1997.
2. Алексеев А.Н. Драматическая социология. — М., ИС РАН, 1997. Кн. 1—2.
3. Альмодовар Ж.П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа// *Вопросы социологии*. — М., 1992. Т. 2. С. 98—106.
4. Американская социологическая мысль. Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А. Тексты. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.
5. Баразгова У.С. Американская социология: традиции и современность (курс лекций). — Екатеринбург: Деловая книга, 1997.
6. Биографический метод: история, методология, практика/ Под ред. Е. Мещеркиной и В. Семеновы. — М.: ИСАН, 1994.
7. Белановский С.А. Метод фокус-групп. — М.: Магистр, 1996.
8. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. — М.: Аспект-пресс, 1996.
9. Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. — М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
10. Берто Д., Виам-Берто И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений// *Вопросы социологии*. — М., 1992. Т. 1. С. 106—123.
11. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ/ Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. — Санкт-Петербург, 1997.

12. Бредникова О. «Семейная» и «коллективная память». (Способы конструирования этнической идентичности) В сб.: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. — С.-Пб., 1977.
13. Волков В.В. О концепциях практик в социальных науках/ В кн.: Социологические чтения. — М.: 1997.— Вып. 2.
14. Воронков В., Чикадзе Е. Ленинградские евреи: этничность и контекст. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. — С.-Пб., 1997.— С. 70-74.
15. Голофаст В. Многообразие биографических повествований// *Социологический журнал*. — М., 1995.— № 1. С. 71—89.
16. Голофаст В. Три слоя биографического повествования/ В кн: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ/ Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой.— С.-Пб., 1997.— С. 23—26.
17. Журавлев В. Нарративное интервью в биографических исследованиях// *Социология: методология, методы, математическое моделирование*.— М., 1993—94.— № 3—4.
18. Журавлев В. История жизни бомжа/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век/ Под ред. В. Семеновича, Е. Фотеевой. — М.: ИС РАН, 1996. — С. 179—207.
19. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии/ В кн. Американская социологическая мысль. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — С. 60—76.
20. Ионин Л. Г. Социология культуры. — М.: Логос, 1996.
21. Ионин Л. Г. Понимающая социология. Исторический и критический анализ. — М.: Наука, 1979.
22. Ионин Л. Г. К антропологии повседневности/ В кн.: Свобода в СССР.— М.: Университетская книга, 1997.
23. Киселева И. Информативно-целевой анализ текста свободного интервью// *Социологический журнал*.— М., 1994.— № 3.— С. 110—116

24. Козина Н. Особенности применения стратегии «исследования случая» при изучении производственных отношений на промышленном предприятии// *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*.— 1995, № 5—6.— С. 28—48
25. Козлова Н, Сандомирская И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения.— М.: «Русское феноменологическое общество», Гнозис, 1996.
26. Кравченко Е. И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства.— М.: МГУ, 1997.
27. Курс экономической теории. /Под ред. М.Н.Чепурин, Е.А.Киселева.— МГИМО МИД РФ, Киров: «АСА», 1995.
28. Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе/ В кн.: Социологические чтения.—М., 1997.— Вып. 2.— С. 113—134.
29. Малышева М. М. Идентификация женщин в поствоенной и посткоммунистической России/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век. — М.: ИСАН, 1996.— С. 276—298.
30. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинаров/ Под ред. М. М. Малышевой.— М.: Московский центр гендерных исследований, 1997.
31. Малышева М. М. Способы кодирования и анализа качественных данных/ В сб.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. — М., 1997.— С.66—85.
32. Маслова О.Е.М. Образы изучаемой реальности в формализованном и нарративном интервью// *Социология: методология, методы, математические модели (4М)*. —М., 1998.— № 10.— С. 5—15.
33. Мещеркина Е.Ю. Введение в антологию мужской жизни/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век. — М.: ИСАН, 1996.— С. 298—326.

34. Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма»)/ В кн.: Социологические чтения. — М., 1997.— Вып.2.— С. 177—190.
35. Романов В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии»// *Социологический журнал*. — М., 1996.— № 3\4.— С. 138—149.
36. Рожанский М. Память города без прошлого/ В кн.: Биографический метод в постсоциалистических обществах.— С.-Пб., 1997.— С. 58—63.
37. Рождественский С. Подходы к формализации жизненных историй качественными методами/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век.— М., 1996.— С. 412—422.
38. Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования (Под ред. Семеновой В.В., Фотеевой Е.В.).—М.: ИСАН, 1996.
39. Семенова В. Из истории советской интеллигенции: семейная хроника Журналистовых/ В кн.: Судьбы людей, Россия. XX век.—М.: ИС РАН, 1996.— С. 144—179.
40. Семенова В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения/ В кн.: Судьбы людей. Россия. XX век. —М., 1996.— С. 326—355.
41. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий// *Вопросы социологии*.—М.,1992.—Т. 1., №1.— С. 121—134.
42. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки/ В кн.: Американская социологическая мысль.— М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.— С. 333—356.
43. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений// *Вопросы социологии*.—М., 1993.— № 1-2.—С. 129—139.
44. Хоффман А. Проблемы достоверности и надежности в устной истории (пер. с англ.)/ В кн.: Биографический метод. История. Методология. Практика.— М.: ИС АН, 1995.— С. 30—65.

45. Хубова Д. After Glasnost: Oral History in the Soviet Union/ В кн.: Memory and Totalitarism, (ed.: L.Passerini).— Oxford University Press, 1992.— P. 54—64.
46. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах (Под ред. Т. Шанина).— М.: Аспект-пресс, 1996.
47. Шюц А. Структура повседневного мышления (пер. с англ.)// *Социологические исследования*.—М., 1988.— № 2.— С. 129—138.
48. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках/ В кн: Американская социологическая мысль.—М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.— С. 526—542.
49. Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. — Саратов, Саратовский технологический университет, 1997.
50. Ядов В.А. Стратегии социологического исследования: понимание, объяснение, описание.— М.: Добросвет, 1998.
51. Allport G. Letters from Jenny.—London: Harcourt Brace Jovanovich, 1965.
52. Andorka R. In: Paths to Social Class. A Qualitative Approach to Social Mobility.— 1997.
53. Archer M. The paper given in Essex.
54. Barker R. and Wright H. One Boy's Day.—New York: Harper and Row, 1951.
55. Bateson G. and Mead M. Balinese Character. A Photographic Analysis.—New York: New York Academy of Sciences, 1942.
56. Bertaux D. Biography and Society: The Life History Approach in the Social Science. —Beverly Hills, CA: Sage, 1981.
57. Bertaux D., Thompson P. (eds.) Paths to Social Class. A Qualitative Approach to Social Mobility.—Oxford: Clarendon Press, 1997.

58. *Between Generations. International Yearbook of Oral History and Life Stories.* eds: D.Bertaux and P. Thompson. — Oxford University Press, 1993.
59. Blumer H. *Critiques of Research in the Social Sciences: an Appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish Peasant in Europe and America.*— New York: Social Science Research Council, 1939.
60. Blumer H. *Symbolic Interactionism.* Englewood Cliffs.—N.-Y.: Prentice-Hall, 1969.
61. Bogardus E. *The New Social Science Research.*— Los Angeles: Press of Jessy Ray Miller, 1926.
62. Bogdan R., Biklen S. *Qualitative Research for Education: An Introduction to Theory and Method.*— Boston: Allyn and Bacon, 1992.
63. Burgess E.W. *Research Methods in Sociology/ In: G. Gurvitch and Moore. Twentieth Century Sociology.* — New York: The Philosophical Library, 1945.— P. 145—160.
64. Burgess R. *Field Research: a Sourcebook and Field Manuel.*—London: Allen and Unwin, 1982.
65. Campbell D. *Factors Relevant to the Validity of Experiment in Social Setting// Psychological Bulletin, 1957.*
66. Carey J. *Sociology and Public Affairs: The Chicago School Sage Library of Social Research, vol. 16.*—CA: Sage, 1975.
67. Cavan R. S. *Suicide.*—New York: Russell and Russell, 1928.
68. Corbin J. and Strauss A. *Grounded Theory Research: Procedures, canons and evaluative criteria// Qualitative Sociology, 13 (1).*
69. Creswell J. *Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Traditions.*—London: Sage Publications, 1998.
70. Cottrell L., Hunter A., Short J. *Ernest Burgess on Community, Family and Delinquency.*— Chicago: University of Chicago Press, 1973.

71. Coetzee J. Broader Context in the Understanding of Private Experience: the Role of Redemption Narrative in the Life of Former Political Prisoners. Доклад на конференции «Биографический метод как гуманистическая парадигма в социологии». — Москва, 11—14 июля 1997 г.
72. Denzin N. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. — Chicago: Aldine, 1970.
73. Denzin N. *Interpretative Biography*. — Newberry Park, CA: Sage, 1989.
74. Denzin N. and Lincoln Y. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. — Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
75. Dey J. *Qualitative Data Analysis*. — London: Routledge, 1993.
76. Dunaway D. And Baum W. (eds.). *Oral History. An Interdisciplinary Anthology*. — American Association for State and Local History, 1987.
77. Elder G. *Children of Great Depression: Social Change in Life Experience*. — Chicago: University of Chicago Press, 1974.
78. Fischer-Rosenthal W. *The Problem with Identity: Biography as Solution to Some (Post) Modernist Dilemmas// Biography and Society, 1996.* — P. 1—5.
79. Foucault M. I, Pierre Riviere, having Slaughtered my Mother, my Sister and my Brother... — Harmondsworth: Peregrine, 1978.
80. Frisby D. *Sociological Impressionism*. — London: Hienemann, 1981.
81. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs. — N.-Y.: Prentice-Hall.
82. Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. — N.-Y.: Basic Books, 1973.
83. *Gender and Memory. International Yearbook of Oral History and Life Stories. Vol. 1Y.* Eds.: S. Leydesdorff, L. Passerini, P. Thompson. — 1996.

84. Glaser B. And Strauss A. The Discovery of Grounded Theory.— Chicago: Aldine, 1967.
85. Glaser B. and Strauss A. Time for dying. — Chicago: Aldin, 1968.
86. Goffman E. The Moral Career of the Mental Patient.— N.-Y.: Anchor Books, 1961.
87. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. — London: Allen Lane, 1959.
88. Gritz J. Voices from the Classroom: Understanding Teacher Professionalism/ Unpublished Manuscript, 1995.
89. Habermas J. Communication and the Evolution of Society. — London: Heinemann, 1979.
90. Hareven T. Family Time and Industrial Time.— Cambridge University Press, 1982.
91. Heyl B. The Madam as Entrepreneur: Career Management in House Prostitution.—New Jersey: Transaction Books, 1979.
92. Huberman A. and Miles M. Data Management and Analysis Research/ In: N. Denzin and Y. Lincoln (eds). Handbook of Qualitative Research.— CA: Sage, 1994.
93. Hughes H. (ed.) The Fantastic Lodge: The Autobiography of a Girl Drug Addict.—Boston: Houghton-Mifflin, 1961.
94. Inowlocki L. Grandmothers, Mothers and Daughters: Intergenerational Transmission in Displaced Families in Three Jewish Communities/ In: Between Generations, International Yearbook on Oral History and Life Stories. — Oxford University Press, 1993., p.70-76.
95. Jahoda M. Lasarsfeld P. And Ziesel H. Marienthal: The Sociography of an Unemployed Community.—London: Tavistock, 1972.
96. Le Goff J. Writing Historical Biography Today// *Current Sociology*.— Vol. 43, 1995.— P. 14—30.
97. Lewis O. Five Families. — New York: Basic Books, 1961.

98. Maas S. And Kuypers J. *From Thirty to Seventy: a 40 Year Longitudinal Study of Adult Life Styles and Personality.* — London: Jossey-Bass, 1974.
99. Malinowski B. *Sexual Life of Savages in Northern Western Melanesia.*—New-York: Harcourt, Brace and World, 1929.
100. Mead J. *Mind, Self and Society.*— Chicago: University of Chicago Press, 1934.
101. Mowrer E. *Family Disorganization.*—Chicago: University of Chicago Press, 1927.
102. Neuman L. *Social Research Methods. Qualitative and Quantitative Approaches.* — Allyn and Bacon, 1994.
103. Nisbet R. *Sociology as an Art Form.*—London: Heinemann, 1976.
104. Park R. *Murder and the Case Study Method// American Journal of Sociology.*—1930, Vol. 36, Pp. 47—54.
105. Plummer K. *Documents of Life. An Introduction to the Problems and Literature of a Humanistic Method.*— London: Unwin Hyman Ltd, 1990.
106. Schwartz G., Merton D., Behan F., Rosenthal A. *Love and Commitment.* — Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
107. Shaw C. *Case Study Method// Publication of American Social Science.*— 1927.— Vol. 21.
108. Shaw C. *The Jack Roller: A Delinquent Boy's Own Story.*— Chicago: University of Chicago Press, 1966.
109. Simmel G. 'The Problem of Sociology'/ In K.H. Wolff (ed.), *George Simmel, 1858-1918.* — Columbus: Ohio State University Press, 1953.
110. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World.* — London: Heinemann, 1972.
111. Spradley J. *You Owe Yourself a Drunk: An Ethnography of Urban Nomads.*—Boston: Little, Brown, 1970.
112. Spradley J. *The Ethnographic Interview.*—London: Holt, Rinehart and Winston, 1979.
113. Strauss A. and J. Corbin. *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques.* CA: Newbury Park, 1990.

114. Strauss A. and Corbin J.(eds.) Grounded Theory in Practice. —London: Sage Publications, 1997.
115. Sutherland E. The Professional Thief by a Professional Thief.—University of Chicago: Phoenix Books, 1937.
116. Tesch R. Software for Qualitative Researchers: Analysis Needs and Programme Capabilities/ In: Feilding G. And Lee R (eds.) Using Computers in Qualitative Research.— London: Sage, 1991.
117. Thomas W. and Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. —N.-Y.: Dover Publications, 1958.
118. Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. — Oxford: Oxford University Press, 1978.
119. Vidich A., Lyman C. Qualitative Methods, their History in Sociology and Anthropology/ In: N. Denzin and Y. Lincoln. (eds.) Handbook of Qualitative Research. — Newbury Park, CA: Sage, 1994.
120. Wagner J. (ed.) Images of Information: Still Photography in the Social Sciences. —Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
121. Waters M. Modern Sociological Theory.— London: Sage Publication, 1994.
122. Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe: Free Press, 1949.
123. Weber M. Economy and Society. — Berkely: University of California Press, 1978.
124. Wolcott H. Transforming Qualitative Data: Description, Analysis and Interpretation.— Thousand Oaks: Sage, 1994.
125. Yin R. Case Study Research: Design and Method.— Newbury Park, CA: Sage, 1989.
126. Young P. Scientific Social Surveys and Research.— New-York: Prentice-Hall, 1939.
127. Zimmerman D. And Wieder D. The Dairy Dairy-interview Method// *Urban Life*.— 1997.—Vol. 5, N.4.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Биографическое интервью с Л. Мироновым

- 1932 — родился в Оренбургской области, в селе
1939 — 1949 — учился в школе в том же селе, потом в районном центре
1949 — 1954 — учился в МГУ на химическом факультете
1954 — 1957 — аспирантура
1957 — 1969 — младший научный сотрудник, сотрудник журнала
1969 — 1973 — старший научный сотрудник, руководитель группы научно-исследовательского института
1982 — руководитель лаборатории научно-статистического центра
1982 — 1983 — ведущий научный сотрудник
1983 — ушел на пенсию
1993 — 1995 — эксперт Думы

Был женат, двое детей, сын и дочь, которые живут отдельно.

Дед — Максим Петрович, из крестьян, родился и жил на Украине, в 1908 г. с семьей переехал в Башкирию.

Отец — Денис Максимович, 1897 г.р., родился в селе на Украине, по происхождению из крестьян, в детском возрасте с родителями переехал в Башкирию.

1919 — воевал, сначала Первая мировая война, потом Красная Армия.

- 1919 — 1930 — участвовал в организации коммуны в деревне, поступил на рабфак, а затем заочно окончил педагогический факультет в Самаре.
- 1927 — женился на крестьянке из украинских переселенцев.
- 60-е — работал учителем, потом директором сельской школы в Оренбургской области.
- 70—80-е — жил в Москве.
- Мать — Евдокия Петровна, 1900 г.р. — из крестьян, переселенка с Украины, колхозница, пчеловод, умерла в 1960 году.

Сведения об интервью:

Время проведения: 25 октября 1995 г.

Место проведения: дома у Л. Миронова

Общая продолжительность : 2 часа 40 минут

Интервьюер: Семенова В.В.

Транскрипция: Кузнецова В.П.

Отличительные черты данного интервью: интервьюируемый очень охотно и пространно рассказывал о своей жизни, что позволило получить всю информацию фактически не задавая дополнительных прямых вопросов. Роль интервьюера состояла только в эмоциональной поддержке рассказчика.

Особо стоит отметить обстановку квартиры Л. Миронова, которая является важным штрихом к его характеру. Книги составляют основную часть обстановки, особенно той комнаты, где живет сам рассказчик. Полки с книгами стоят не только по всем стенам этой комнаты, но и надстроены над рабочим столом, который стоит в центре комнаты и разделяет ее зрительно на две половины. Большую часть книг составляют труды по философии, истории, литературе, словари, старые журналы. Много ценных, уникальных книг, которые подобраны в соответствии с интересами хозяина. Литература по специальности (наркологии) зрительно занимает меньшую часть

книжных полок, что свидетельствует о книжных приоритетах рассказчика. На остальные части квартирной обстановки в семье обращается значительно меньше внимания.

1 **Интервью со Леонидом Денисовичем Мироновым**
2 **(текст интервью приводится с сокращениями)**

3

4 **И:** Леонид Денисович, мы проводим биографи-
5 ческое исследование и пытаемся проследить жиз-
6 ненные пути людей Вашего поколения. Нас
7 интересует, как складывалась Ваша жизнь, Ваше
8 детство, юность, зрелые годы, какие события ока-
9 зали на Вас решающее влияние; были ли какие-
10 то переломные моменты. Поэтому попытайтесь
11 изложить всю жизнь так, как Вам она теперь
12 представляется, не спеша и стараясь не упустить
13 моменты, которые, на Ваш взгляд, имеют важное
14 значение...

15

16 **Р:** А-а-а, у меня не было каких-то там пере-
17 ломных моментов, значит, в динамике моего (...)
18 моего интеллектуального, так сказать, существо-
19 вания, не было переломных ..., просто наращива-
20 лось количество знаний. А характер, у меня
21 такое впечатление, сложился еще в школе, в стар-
22 ших классах, тогда уже все было закончено... В
23 раннем детстве этого нет, пока еще калейдоско-
24 пично все. Вот тебе кусок показывают чьего-то
25 мира, вот еще, там, учителя, родители, жизнь на-
26 талкивает — и ты пока фрагментарно видишь,
27 вот. А потом, где-то, вот, уже в возрасте, у меня
28 где-то в старших классах, там, например, в 9-м, в
29 10-м все стало соединяться в целую картину.

30 А особенно, когда уже стал студентом. Тут уже
31 все. Никаких не было, значит, вопросов таких, ну,
32 недоумения: «А это что? А это что? Почему так в
33 мире?» Нет, все стало на свои места. Потом, про-
34 сто дополняться стало информацией, и как вот
35 было тогда это, так и осталось сейчас. Тут ничего
36 не изменилось. И все эти потрясения, которые...,

1 свидетелем которых я был, и в которых я уча-
2 ствовал, они ничего не изменили... это и круше-
3 ние коммунистической этой идеологии... Какое
4 там крушение? Для меня никакого крушения не
5 было! Это логические катаклизмы, и ничего. Я счи-
6 тал, что этот самый... что демагогия... еще тогда, еще
7 даже при Сталине видел, почувствовал, что это —
8 демагогия. А там дальше — тем более. При Хру-
9 щеве, а при Брежневе просто надо мне было очень
10 много...терпения, чтобы все это переносить. Чтобы
11 слышать, но стараться не слушать...

12

13 И: Но, как Вы считаете, что Вас так сформировало?

14

15 Р: Книги! Так вот я ...

16

17 И: То есть, Вы считаете, что, прежде всего, бла-
18 годаря чему?

19

20 Р: Так вот... Книги, конечно, если уж искать исто-
21 ки и механизмы формирования какого-то, значит,
22 уже представления неизменного, и, наверное, все-
23 таки адекватного, ну... (...) Это — книги и притом
24 отец мой — педагог, учитель литературы был, рус-
25 ского языка, истории (*вздых*) и даже немецкого язы-
26 ка... когда не было учителя немецкого языка у него
27 в школе, он потом был директором...

28

29 И: А как его звали?

30

31 Р: Денис. Денис ... Денис Максимович (*вздых*).
32 Он потом был директором школы средней и
33 очень многое... ну, он был от природы учителем,
34 таким... просто врожденным, в отличие от меня.
35 (пауза) Да! Учился, ну... он так хорошо образо-
36 вался, успел....

1 Вот такой эпизод, например, такой эпизод. Его в
2 16-м году взяли... ему тогда девятнадцать лет испол-
3 нилось... взяли его в армию, и он попал на фронт, он
4 успел воевать в первой мировой войне. Воевал он в
5 Бессарабии, вот, на Южном фронте, там, против Ру-
6 мынии, в основном, да и австрийских войск... и про-
7 чих там. И он попал в окружение, притом, ну, как-то
8 там войска обошли, попал в окружение, но не попал
9 в руки, а спрятался на брошенной какой-то дворянс-
10 кой усадьбе. Спря... ну, как-то он ожидал, верил, что
11 вот повернутся опять, может, его, так сказать, выру-
12 чат. И действительно. Ну, он там что-то неделю пря-
13 тался, брошено, никого нет, абсолютно! Чего-то
14 находил, ел, и там была великолепная библиотека, и
15 он там познакомился впервые с Шопенгауэром. Уви-
16 дел, что он на русском языке. Значит, стал читать
17 Шопенгауэра, обалдел от этого, значит, такого мира,
18 мыслей таких и этих формулировок, что... ну. Надо
19 быть способным, чтоб воспринять Шопенгауэра!

20

21 И: Да, да.

22

23 Р: Не для каждого... Значит, он был подготовлен?

24

25 И: Он ведь просто крестьянским парнем был?

26

27 Р: Да, он что... он так это все воспринял и про-
28 чувствовал, ему показалось настолько это сильно,
29 что он многое запомнил на память... я и... он силь-
30 нее в этом смысле был меня. Он потом мне, когда я
31 был сам уже мальчишкой, школьником, он мне ци-
32 тировал Шопенгауэра... он был запрещен уже при
33 советской власти, его не печатали... а он цитировал
34 громадными кусками этого Шопенгауэра.

35

36 И: Замечательно!

1 Р: Вот так, скажем, мудрости всякие, красивые
2 такие, это помнил, значит, он был достаточно обра-
3 зован, хотя он гимназию не кончал, он в каком-то
4 немножко училище поучился, значит, ... сначала он
5 кончил обычную школу, сельскую, церковно-при-
6 ходскую там, а ...

7

8 И: А потом он, наверное, потом все-таки в ка-
9 ком-то городе учился?

10

11 Р: Да, немножко учился, но такого не закончил, ...
12 университета он, конечно, не кончал, вот ... и был
13 способен воспринимать, понимать и чувствовать
14 мудрость этого Шопенгауэра, оригинальность, там,
15 своеобразность и все такое. Вот и ... ну, потом он
16 попал ...

17 Я про отца немножко расскажу, потому что от
18 отца пошло и ко мне все это... Он потом, после рево-
19 люции, попал (...) попал в Красную Армию, воевал
20 на гражданской войне, там, в тех краях. Он вернул-
21 ся, а потом попал в Красную Армию, и как раз там
22 был Колчак, он ...

23

24 И: Это где было, опять в Бессарабии?

25

26 Р: Нет, он, когда кончилась ... вернее ... ну, когда
27 ушли с фронта наши солдаты, он с ними вместе, так
28 сказать, ушел в 17-м году и... Ну, а в 18-м уже забра-
29 ли в Красную Армию... Да, и пришлось воевать. Как
30 раз вот Колчак был, 18—19-й год. Он был ранен, вот,
31 осколком в лоб, артиллеристом он был, вот, но, он в
32 это время был молодой, ему было 20 лет, 21... Кончи-
33 лась гражданская война. Еще тогда большинство
34 все-таки верили, молодые особенно, что вот им теперь
35 надо новый мир строить, более совершенный, чем тот
36 был... Давайте по-новому все... Он был увлечен, по-

1 ступил на рабфак и стал создавать (...) сельскохозяй-
2 ственные коммуны. Да, вот. И они там все, так ска-
3 зать, старались сделать по-новому, по справедливости,
4 там, и прочее... И как раз вот во главе этой коммуны
5 он, когда он был во главе этой коммуны, началась
6 коллективизация, и их заставляли... им...

7

8 И: Раскулачивать?

9

10 Р: Раскулачивать. Он стал сопротивляться этому
11 и говорить, что некого раскулачивать. Все, нет бур-
12 жуев, нет никаких-таких кулаков, которые сосут
13 кровь... все они трудятся. Вот, и кто если зажиточ-
14 ный, богатый, он богат за счет своего собственного
15 труда, ну, ведь тогда считалось, что если одна ло-
16 шадь, это уже нехороший...

17

18 И: Это в Башкирии было, в тех же самых краях?

19

20 Р: Да, в его родных краях. В этих краях... Вот, он
21 так несколько раз отказался, а там наезжали вся-
22 кие оперуполномоченные и всякие прочие, комисса-
23 ры, там, всякие, тогдашние наезжали ГПУшники, и
24 прочие, как-то они назывались, которые вот там
25 организовывали это раскулачивание. В общем... во-
26 обще, все эти репрессии. И, значит, как-то сказал он
27 слишком уж резко. Он так тактичный был у меня
28 человек, отец... в лоб не лез, так сказать, ну не... (па-
29 уза) старался как-то из положения выходить, так
30 сказать, гладко, но если уж доходило до чего-то
31 принципиального «или-или», то тут он принципи-
32 ально действовал. Как в этом случае. Он резко от-
33 казался. И на другой день... и в общем... он был
34 где-то там, в районном центре... и его знакомый из
35 НКВД предупредил, ну, какой-то, может быть, его,
36 может быть, однополчанин или что-то такое, значит,

1 предупредил, что следующей ночью его будут
2 брать. Он попал в список, значит, на арест, должны
3 его арестовать, должны его брать. Ну, если его взять,
4 то тогда ... и тогда уже, в общем-то не жаловали. И
5 говорит: «Слушай, ты уходи! Потому что плохо бу-
6 дет! Может, и живой не будешь»... Там, значит, бу-
7 дут всех... наводить порядок...

8

9 И: А какой это год был?

10

11 Р: Это был 30—31 год.

12

13 И: Еще до репрессий?

14

15 Р: Да, до репрессий, ну, репрессий... тогда ничего
16 не было... Тогда и лагеря были, и Соловки во всю
17 действовали. И в Сибири, и расстреливали тоже. Ну,
18 расстреливали не массово, а так, вот, для остратки,
19 временами тоже по списку, по плану, надо навести
20 порядок. Расстрелять такое-то количество. Ну, про-
21 цесс над промпартией тогда... еще что-то такое, вот,
22 значит, репрессии пошли, но выборочные. Хотя
23 большие, по всей стране.

24 И он понял все, представил все и, в эту же ночь,
25 когда это узнал, приехал домой, забрал... моей сест-
26 ре было три года тогда... Забрал, значит, жену, маму
27 мою, и значит, с дочкой, и помчались... отсюда. А
28 надо было перебраться... тогда еще не было такого,
29 всесоюзного розыска, таких случаев... Вот список в
30 одной области будет... они, значит....

31

32 И: Нужно было просто подальше уехать. И куда
33 они решили уехать?

34

35 Р: В другую область перебраться... Он решил, да,
36 в Оренбургскую область и перебраться. Там надо

1 было километров 200 или 250... и вот они... где —
2 на попутках, где — пешком, за несколько... три или
3 четыре дня они, там, пробирались... Не железной
4 дорогой, железной дорогой ни в коем случае
5 нельзя было, в том-то и дело, его искали, как обычно,
6 на станциях, там, везде... Там все объявили по этой
7 области, по Башкирской, и так далее, значит.

8

9 И: Понятно. И как же дальше сложилась его
10 судьба?

11

12 Р: Взяли его сначала в глухой деревушке — там
13 была только начальная школа — учителем этой
14 начальной школы. Потом в соседнем селе, уже
15 большом, была средняя школа, значит, он перешел
16 туда. Сначала ему дали амбар от раскулаченного
17 кулака, где было там, пара маленьких окошек, куда
18 кулак этот ссыпал зерно...

19 Ведь, действительно, это было преступление жут-
20 кое! Вот как раз по поводу этих кулаков... Я сам в
21 детстве видел эти амбары, оставшиеся от этих так на-
22 зываемых кулаков. Просто это действительно ферме-
23 ры, труженики, которые, вот, ... эффективно и все, они,
24 набивали, ну что такое амбар? Это вот эта комната,
25 даже больше, набитая, вся засыпанная зерном вот от
26 пола до потолка. Вот что такое! На каких-то несколь-
27 ких гектарах или десятках гектар что делалось, ско-
28 ро собирали... ну, кроме этого, еще много чего
29 другого, там... И коровы, там, и овцы, и лошади.

30

31 И: И, значит, в этом амбаре они и стали жить?

32

33 Р: Да, в амбаре стали жить, это уже тридцатые
34 годы. И вот в это время начало... и работать на-
35 чала система, где это издание... «Академия»... тут
36 у меня немножко осталось. Я, вот, большую часть

1 оставил у сестры, ну, Вы знаете, это «Академия»
2 ... что бы что-то от отца осталось... Я хочу отдель-
3 но поставить, от отца какие книги остались. Вы
4 знаете, это «Академия»?

5

6 И: Да-да-да...

7

8 Р: Вот, как раз это — начало тридцатых годов...
9 33—34-й... А! Ну, вот, например, это как раз (*шелест*
10 *листов*)...

11

12 И: Да-да!

13

14 Р: 35-й, вот, «Академия», вот как тогда издавали.
15 Ну, это культура еще была дореволюционная.

16

17 И: Да-да, там наверняка те же люди работали.
18 Теперь эти книги имеют большую историческую
19 ценность.

20

21 Р: Да, вот, и как раз, вот, не успел... Ну, к амбару
22 он немножко, там, пристроил, ну, он уже выписывал
23 книги из Москвы, тираж-то маленький! И вот книги
24 почтой приходили, ... тираж-то, ну, что за тираж
25 тут? Тираж — 5 тысяч экземпляров! На весь Советс-
26 кий Союз!

27

28 И: И он выписывал?

29

30 Р: Он выписывал, значит, ... эта «Академия»...
31 И когда я уже подрастал, когда я, значит, пошел в
32 школу и даже до школы ... уже шкаф был набит
33 этими «Академиями»... Потом второй шкаф по-
34 явился, потом — третий шкаф с книгами. Это
35 вот в таком глухом месте, в селе, значит, росла
36 вот эта библиотека.

1 И: А высшее образование Ваш отец получил?

2

3 Р: Получил, да, в Самаре. Ну, вот... И поэтому я,
4 когда мне было 5 лет... я уже жил среди книг. Рос
5 среди книг.

6

7 И: Лев Денисович, а как же вот... Мама Ваша
8 работала, а в семье трое детей было. С кем же
9 Вы оставались?

10

11 Р: Сами по себе.

12

13 И: Как сами по себе?

14

15 Р: Сами по себе. Вот сестра старшая, это, на пять
16 лет... Она в 27-м году родилась, она, так сказать, за
17 нами следила, ну, мы все имели обязанности, я обес-
18 печивал там, дровами, допустим, мне было лет 7—8
19 ... я их рубил, колол, тащил ... И я должен был печ-
20 ку (пауза)... К печке притащить это. Там же была
21 печка, я тащил все эти дрова. Воды натаскивал
22 чтоб, вот, когда мама придет с работы, чтоб ей и вода
23 была, и дрова были, и все... Потому что готовила она
24 даже летом в печке, там же не было ничего, ни газа,
25 ничего, и электричества тоже не было.

26

27 И: Ну, понятно. Как же мама Ваша успевала все
28 делать?

29

30 Р: В общем-то, мать справлялась с этим, она даже
31 песни пела. Я хорошо помню, значит, она что-ни-
32 будь делает, она на всех шила, у нее была машина
33 «Зингер», ей подарили на свадьбу, значит, машина
34 «Зингер»... И она шила все. То есть, шила на нас
35 все, и на отца все. Она даже как-то взяла и сшила
36 ему костюм. Ну, не говоря, что брюки, куртку из

1 чего угодно она могла сшить, скроить. Она тогда,
2 когда «Зингер» получила, она тоже... на какие-то
3 зингеровские курсы (пауза)... тогда были...

4 Вообще Россия была очень культурная, вот даже
5 в тех краях она ходила на какие-то зингеровские
6 курсы, там, несколько месяцев. (...) Вот, так что все
7 это — вранье, что у нас была дикая Россия, и даже
8 дер... да нет! Сейчас более дикая Россия! Сейчас село
9 более дикое, несмотря на телевизор и все! Я был
10 убежден, давно в этом убедился, да много есть
11 объективных признаков, что осталось от тех еще,
12 как говорится, ... от того времени... не говоря уж о
13 том, что я читаю... Вот, у Шаляпина воспоминания
14 о деревнях. Там, по-моему, в деревне тетки у него
15 были, он ездил ...с Коровиным они ездили туда.
16 Где-то под Нижний Новгород они ездили и были
17 там. Вот как раз Коровин вспоминает, да и Шаля-
18 пин в воспоминаниях тоже ... Читал я про эти вре-
19 мена... Что считать культурой? Надо культуру
20 считать в контексте того времени, так вот наша
21 культура, культура нашей деревни в те времена
22 была не хуже культуры, там, допустим...

23

24 И: Деревни на Западе?

25

26 Р: Да, немецкой деревни, французской деревни.
27 Какие-то вещи, значит, трудные там, тяжелые, тра-
28 гичные, ну, были и в нашей деревне, там, допустим,
29 или проявления какой-то дикости были. Но они не
30 больше, чем во Франции, скажем.

31

32 И: Во всяком случае, Вы считаете, что дикой де-
33 ревню не назовешь?

34

35 Р: Ну, взять Золя, взять Мопассана, когда он пи-
36 шет, помните, там, о крестьянах тех? Ну чем они

1 лучше наших крестьян? Нет тех случаев, когда ка-
2 кой-нибудь там.... ну, Успенский, описывает дерев-
3 ню, или, там, этот... Решетников, там, «Подлиповцы»,
4 Вы знаете? (...) Ну, все-таки я заговорил о матери, я
5 добавлю еще: моя мама...

6

7 И: Она вообще украинка?

8

9 Р: Украинка.

10

11 И: И пела она, значит, украинские песни, да?

12

13 Р: И русские, и украинские. Она очень была музы-
14 кальная, пела очень хорошо, и тогда вообще, вот, эта
15 была деревня такая, ну, глубинная, русская деревня...
16 Были все только русские, украинцев совсем не было,
17 и отец, ну отец-то был он... по складу-то совсем рус-
18 ский, да и по специальности... Да нет! Он уже, соб-
19 ственно, уже до армии как-то стал ну, ощущать себя
20 русским, видимо, представлять себя русским. Вот,
21 хотя он родился-то и в украинской семье, на Украи-
22 не... (...) Да, среди них (переселенцев — И.) бедняков-
23 то вообще не было. И речи не могло быть. Вот и ... и
24 моя мать тоже, вот они туда приехали — стали свои-
25 ми, и отец, ну, отец-то тем более, он — литератор, и он
26 учил русскому, да еще как учил! Русскому языку.
27 Вот, и поэтому и мать восприняла эту культуру, пес-
28 ни, это окружение. Она очень была гостеприимная,
29 все время ходили соседи, много было знакомых — к
30 отцу приезжали всякие уже по линии учительс-
31 кой — всякие и коллеги, и еще там, какие-нибудь...
32 Начальство там, так сказать, все время приезжало,
33 районное, областное, педагогическое, и не только пе-
34 дагогическое — партийное. И со многими из них
35 были, так сказать, хорошие отношения, приезжали
36 просто в гости. Поэтому всегда что-то было, какие-то

1 были люди и пели, и разговаривали, и выпивали, и все
2 такое. У отца всегда стояли бутылки какие-то, вина,
3 там, и водки в запасе, и просто полный графин так...
4 двухлитровый, налитый водкой, всегда для таких
5 случаев: когда кто-то вот придет неожиданно. На-
6 лить ему, там, стакан с дороги или, там, или угостить,
7 вот. И мать моя, (пауза) не только она была музы-
8 кальная, а такая вот общительная, и очень хорошая,
9 но она и... Хотя она институт не кончала, но она вот
10 очень грамотная была. Она вот эти ... все пчеловод-
11 ство освоила. У отца была, и, кстати, где-то сейчас в
12 ящичке лежит, подборка, наверное, штук 20 книг по
13 пчеловодству того времени. Притом, переводные
14 были тогда книги ... с американского... немцы, немец-
15 ких и американских специалистов. Он все это поку-
16 пал, привозил. И вот она тоже читала, в соответствии
17 с этим она и вела пчеловодство. Цивилизованное
18 пчеловодство. Да! Кстати, пчеловодов там не было,
19 некому было... она, собственно, и развела пасеку ...
20

21 И: А Вы кончали ту школу, в которой Ваш отец
22 учительствовал?

23

24 Р: Нет, я кончал, когда? ... Я сначала учился в этой
25 школе, а когда, значит, кончилась война, в 48-м году, в
26 сорок ..., нет, не помню... ее потом пришлось закрыть,
27 некому было учиться, потому девятый класс отпра-
28 вили на фронт. Тогда в 8 лет начинали, в первый
29 класс поступали, к 9-му классу уже было 17 лет. Или
30 некоторым — 18. Их отправляли, еще даже 17-лет-
31 них, на фронт до конца войны.

32

33 И: Прямо классом, да?

34

35 Р: Да, всех ребят, классом, и когда я уже, ... когда
36 мне надо было поступать в 8-й класс, там уже 8-го

1 класса не было. Война... И я учился в районном
2 центре. От нас это было 18 километров, я там сни-
3 мал койку, коечку в углу, в доме таком, значит, в
4 домишке. Большая семья, отец договорился за не-
5 большую цену, там была у меня, значит, маленькая
6 железная кровать, уголок, какая-то тумбочка, на
7 которой я занимался. И я каждую неделю ходил за
8 18 километров домой, значит, в конце субботы, вече-
9 ром. (...) И (пауза) ну, не знаю, может быть, действи-
10 тельно, у меня еще, то есть... зарядка была от
11 окружения, от, так сказать, атмосферы...

12

13 И: В семье? Что Вы имеете в виду?

14

15 Р: В семье. Ну, как сказать? Я учился, конечно,
16 хорошо. И до этого учился хорошо, и там — хоро-
17 шо. И каждый год заканчивал с похвальной гра-
18 мотой, кончил я с золотой медалью. Хотя золотую
19 потом мне выдали... там ... превысила школа раз-
20 нарядку, в общем вместо золотой мне ..., а я окон-
21 чил с золотой... В области — область мне
22 выдавала, — мне выдали серебряную...

23

24 Ну, все равно я с этой медалью поехал... а куда?
25 Конечно, в Московский Университет! Я считал, что
26 меня там должны взять (*смеется*). Приехал... дей-
27 ствительно, меня взяли, прошел я, так сказать...

27

28 И: Это какой год был?

29

30 Р: 49-й год, прошел я отборочное собеседование,
31 все эти тесты, тогдашние, вот, все прошел, меня взяли.

32

33 И: На какой факультет?

34

35 Р: Я хотел на философский сначала, пошел, там,
36 присмотрелся, поговорил там, ... болтуны,... если я,

1 так сказать, этой философией, думаю, займусь, я, где
2 бы я ни был, ... философия — дело особое... Имея
3 любую специальность, если ты имеешь склонность
4 к этому, ... рассуждать...то чего, уму все равно меня
5 не научат (*смеется*) . Если он у меня есть, этот та-
6 лант, он проявится в этом смысле, так сказать, ...
7 Пойду-ка я на химию.

8

9 И: А почему выбрали именно химию?

10

11 Р: А на химию я пошел, потому что хотел разга-
12 дать тоже философскую тайну жизни. Значит, где
13 грань между живыми молекулами и неживыми.
14 Где тут что происходит? Вообще принципиально хо-
15 тел знать. Решил, значит, я тут займусь биохими-
16 ей, ... биохимией, биологией, ну, химией белка,
17 химией жизни.

18 Поэтому я в медицину так постепенно и транс-
19 формировался, потому что у меня интерес был тогда
20 еще. Ну, пошел, это был 49-й год, еще при Сталине.

21

22 И: А где Вы жили?

23

24 Р: Жил я на Стромынке, в общежитии, 12 чело-
25 век нас было в комнате; перелезали друг через дру-
26 га, когда надо было... У кого койка, там, в углу, и
27 ничего — жили... Дружно. Коммуна у нас там
28 была тоже. Ну, какая коммуна? Складывались, там,
29 чтобы более рационально ужинать и завтракать.
30 Там была на этаже одна большая кухня, на весь
31 этаж, и можно было там готовить. И вот мы, там,
32 всякие вещи простые готовили, ну, человек, там, де-
33 сять складывались... человек десять-восемь там
34 было, с девчонками, девчонки там, ребята, вместе... и
35 по очереди дежурили. Со стипендии сбрасывались.
36 Да что-то так тогда складывались рублей 12, так,

1 15, ... так примерно. Ну, небольшую часть стипендии,
2 ну, в общем, так это хватало нам, ... да, почти на ме-
3 сяц. Кормились.

4

5 И: У Вас остались близкие друзья с того времени?
6 Ну, близкие люди, с кем Вы дружили? Москвичи?

7

8 Р: В основном по интересам, да, вот... Были у
9 меня там, друзья, значит, один из Иваново был, дру-
10 гой — из Саратова, кстати, Феликс Величко, вот, ко-
11 торый выступает, этот... астролог — это мой друг,
12 мы жили вместе, учились вместе, вот. Он из Сарато-
13 ва. Ну вот, и из разных городов... Из Калуги один
14 был друг, значит, у меня в те времена. Так что мос-
15 квичи или не москвичи... Я не... я, кстати, ... я сразу
16 не почувствовал разницы, даже в уровне подготов-
17 ки. Ну, я уже на первом курсе был отличником,
18 первую сессию я сдал только на «отлично», да вооб-
19 ще у меня диплом с отличием.

20

21 И: Это в МГУ — с отличием?

22 Р: Да. С отличием. Только единственное у меня
23 там «четыре» стоит по истории партии.

24

25 И: Почему?

26

27 Р: Тогда это называлось «Основы марксизма-ле-
28 нинизма». А я поспорил с преподавателем, что не
29 обязательно именно наизусть знать цитаты Стали-
30 на. Я ей сказал... Она побледнела, потом покрасне-
31 ла, потом выскочила... В общем, был скандал и мне
32 поставили «хорошо».

33

34 И: Как Вам запомнились студенческие годы?

35

36 Р: Ну, как? Хорошие!

1 И: Ну, вот некоторые так говорят, что это —
2 очень важный этап в жизни, некоторые считают,
3 что — не очень...

4

5 Р: Ну, как — не очень, интересно?! Это в жизни...
6 это большой кусок жизни! Я думаю, они не просто
7 интересные, они очень важные! Конечно! Ну, труд-
8 ные, кстати. У меня лично был (*непонятно*), я забо-
9 лел сильно тогда, и боролся еще с этой болезнью,
10 пришлось, так сказать, не обращать на нее внима-
11 ния. Я одолел ее, эту болезнь. Так что ... легкими я
12 заболел, у меня был туберкулез. И я лежал сразу, на
13 Стромынке... Там туберкулезный институт,... я
14 там три месяца провалялся. Хотя парень я был
15 крепкий, я в школе тоже занимался, там, гимнасти-
16 кой, спортивной гимнастикой, на снарядах, на коль-
17 цах, на турнике. Крепким был парнем. Мне и
18 работать приходилось очень много. Физически. В
19 семье. Я крепкий был. Снегом натирался. Ну, а
20 тут, конечно, перемена вот ...

21

22 И: Ну, да, и, конечно, студенческая жизнь. (...) Но
23 лично Вам студенческие годы дали много, да?

24

25 Р: Ну, как дали много?! Вот я просто... я жил
26 на всю катушку, как говорится! Головой! Головой
27 прежде всего, так сказать, ну, не головой, ну, эмо-
28 циями, ну, эмоциями такими вот, в мире, так ска-
29 зать... в интересном мире. Вот, скажем. Большой
30 театр... я на все оперы... За студенчество я на все
31 оперы... все основные оперы прослушал там, и
32 «Евгения Онегина» несколько раз, и «Пиковую
33 даму», и «Риголетто», и «Травиату», в общем все,
34 что тогда было. А! И «Аида» тогда была! И при-
35 том, какие певцы тогда были! Исполнители! Вели-
36 колепные, там! Рединг, там, Нелеп, Козловский,

1 Шпиллер, которая, там, великолепное колоратур-
2 ное сопрано... или та же Вишневская. Это все
3 там, да, и Вишневская Галина... В общем, тогда
4 все, все это... вот, и не говоря об остальном. И вы-
5 ставки, если, вот, говорить о... вот эта сторона...
6 так, формально, о культурной жизни. Ну, не
7 только, не только это самое, там... (...) Я же не
8 просто, как говорится, учился и не просто, так
9 сказать, познавал что-то интересное, вот, в Москве,
10 в окружающем мире, но я жил и жил! Наверное,
11 не случайно, что нашлись у меня союзники, вер-
12 нее, не союзники, а единомышленники, по... ну, у
13 меня какая-то идеология развивалась, ну, в широ-
14 ком смысле идеология, то есть...

15

16 И: Как взгляд на мир?

17

18 Р: Да. Взгляд на мир, на происходящее, оценка
19 политической ситуации, оценка политики. Я Вам
20 уже говорил по телефону, что я еще в школе стал
21 чувствовать, подозревать, что режим-то не совсем
22 справедливый и не совсем честный, и что комму-
23 низм-то — это все... это, может быть, фикция. Что
24 же, тут ничего конкретного нет и, кстати, я там ре-
25 бятам... собственно, знакомство единомышленников
26 с этого и началось еще на первом курсе. Что, мол,
27 ну, вот коммунизм? Ну, если эти наши лидеры, зна-
28 чит, относятся всерьез к этому коммунизму, если
29 всерьез они строят, то почему они не думают над
30 тем, как он будет выглядеть, что надо для того, что-
31 бы его строить. Как он будет выглядеть тогда, и как
32 мы постепенно... какими шагами придем? Что они
33 вот называют прежде всего: «Каждому — по по-
34 требностям, от каждого — по способностям»?

35

36 И: Только лозунги, да?

1 Р: И все! И несколько лозунгов, голых лозунгов, а
2 ничем не наполнено и не стараются наполнить.
3 Значит, они нас дурачат, возможно. Надо, так ска-
4 зать, предполагать, что они нас дурачат! О комму-
5 низме они и не думают, это просто так, как
6 говорится, это — приманка! Чтоб все сейчас труди-
7 лись (*смеется*), терпели, так сказать. И несвободу...
8 я же видел, что это все-таки несвобода. Это все вид-
9 но. Да это элементарно, я рос-то на (пауза) миро-
10 вой литературе, там же впереди-то прежде всего
11 свобода личности, вот. (Пауза) Да.

12 И тут уже я так обрадовался, что есть люди, кото-
13 рые точно так, постепенно к этому подошли, вот, ... и
14 мои, так сказать, рассуждения, это просто для них
15 тоже выражение ... И мы в общем-то — это еще при
16 жизни Сталина, 53-й год — мы все больше и боль-
17 ше стали мечтать, когда, наконец, он сдохнет. Вот. А
18 некоторые даже говорили: «А может быть, нам
19 надо что-то делать? Надо какую-то партию?» Ну
20 пришлось всем говорить, ну, игра в партию сей-
21 час — это вообще бесполезно, не стоит. Слава Богу,
22 что мы вот такие есть и есть кто-то, кто смотрит на
23 всех честно, и понимает, что творится. Потому что
24 сначала мы, ... сначала мы так, вообще рассуждали,
25 а потом мы все конкретнее, и все, как говорится,
26 круче оценивали... обстановку. У нас было нетерпе-
27 ние, так сказать, освободиться. Нетерпение... уже на
28 третьем, на четвертом курсе у нас уже терпения, так
29 сказать, не хватало, пережить этот репрессивный
30 режим...Этот жестокий, античеловечный режим... И
31 совершенно мы потом...

32

33 И: Леонид Денисович, студенты всегда идеалис-
34 ты, они идеалами, категориями мыслят. А у Вас эта
35 критика режима, если так можно назвать, она отку-
36 да шла? От литературы или от жизни, от фактов?

1 Р: От жизни, от фактов.

2

3 И: А какие факты? В газетах-то их не было
4 нигде?

5

6 Р: Вот тогда я уже читал газеты по-своему. Я
7 читал, там... я много газет читал. Я уже тогда чи-
8 тал все расшифровывая, вернее, я не расшифровы-
9 вал, я... ну, перекодировал что ли на нормальное, на
10 нормальное представление. То есть, эта вот демаго-
11 гия, эта болтовня, я ее не воспринимал никогда, она
12 где-то просто так была. Шелуха... постоянная ше-
13 луха, я уже вот эту шелуху ни... Просто на нее не
14 реагировал, я ее не видел, а читал и выискивал, там,
15 на пространстве из тысячи слов, я вытаскивал, там,
16 слов двадцать, которые мне давали новую информа-
17 цию. Добавляли какую-то информацию. А ведь
18 она, болтовня-то, была... она же была шаблонная...
19 эта болтовня.

20

21 И: Ну да, там, может, определенный код, постиг-
22 нув который, можно было читать все остальное...

23

24 Р: Мои друзья, вот этот... с биологического фа-
25 культета ...Он мне больше, подробнее рассказывал.
26 Он, кстати, был знаком — уже после, когда уже вы-
27 шел из этого самого... из лагерей... — с одним из
28 основателей нашей отечественной генетики... Выс-
29 кочило, а! С Шмальгаузенем он был знаком, вот.
30 Это — великий генетик, и второй, на (непонятно)
31 кладбище даже одна могила (непонятно)...Ну, по-
32 том вспомню, он мне как раз о них даже конкретно
33 ... Какие они умники! Я с ними очень хотел с ними
34 познакомиться, но как-то не пришлось. А, вот, на-
35 сколько они прекрасные люди, умные, чистые, заме-
36 чательные люди, значит, талантливые. С

1 восхищением рассказывал, он у них учился и под-
2 ружился с ними и все.

3 Так что просто не надо было....Я мало знал конк-
4 ретных фактов от кого-то там... кого зря расстреля-
5 ли, кого... У меня среди родственников не было
6 репрессированных среди родственников. Ну, отец...
7 То, что его должны были, так сказать, может быть и
8 расстрелять, а во всяком случае арестовать, он мне
9 об этом сказал, когда уже Сталина не было. А до
10 этого — ничего, я и предполагать не мог, что отец,
11 там, что-то... был на каком-то там подозрении хотя
12 бы. Так что просто, ну, вот...

13 Вот то, что и сейчас, все то лживое, что творится, ка-
14 кая-то демагогия, какая-то фальшь, что-то... чем-то,
15 на чем-то нечестно играют и манипулируют, так ска-
16 зать, сознанием граждан или манипулируют инфор-
17 мацией и все, — ну, для меня же это элементарно! Я
18 еще в то время ...Через нормальное сито, так сказать,
19 ну, правды и логики, что ли, а главное — порядочно-
20 сти в этом отношении. Вот, политической порядочно-
21 сти, если говорить об этом. Есть какое-то чувство
22 политической порядочности, и это сразу, как-то до-
23 вольно быстро сформировалось. И это и помогало.

24

25 И: А куда Вы пошли работать после универси-
26 тета?

27

28 Р: Я? Меня взяли в аспирантуру, взяли в аспи-
29 рантуру на кафедре, кстати сказать, лекарственных
30 веществ... технология лекарственных веществ... И я,
31 моя тема была, я занимался, значит, ну, там, пробле-
32 мами строения гемоглобина в связи с этим, ну, там,
33 промежуточные вещества. Кстати, тогда же у меня
34 одна из работ была по кокаину... конструкторы ко-
35 каина, ну, в общем, связь биологических свойств с
36 физической...

1 И: А! Это еще тогда сложились Ваши интересы?

2

3 Р: Еще тогда. Да. Учился в аспирантуре, потом
4 меня там оставили, я был научным сотрудником,
5 младшим научным сотрудником, ну, вот, а потом ...

6

7 И: Это — на химическом факультете?

8

9 Р: Это — не в МГУ. Меня взял мой... руководи-
10 тель моей дипломной работы рекомендовал вот
11 своему знакомому, как раз, вот, своему знакомому.
12 Как раз его просил, говорит, дать такого способного,
13 кто бы мог заниматься строением вещества, в свя-
14 зи, значит, с его действием на организм, и рекомен-
15 довал, там, моему руководителю будущему ... моей
16 диссертации... И он меня взял к себе сразу же, я
17 еще нигде не работал, взял тут же в аспирантуру, я
18 там проучился три года, потом защитил диссертаци-
19 цию и работал.

20 Я, если уж говорить, как я развивался, значит, я
21 по науке пошел ... Ну, я в журнале некоторое время
22 проработал, и в ИНСИ, в ИНСИ, вот, работал, значит,
23 в реферативном журнале, и химия ... Хотя сначала
24 по биохимическому направлению, а потом, значит, в
25 Институте эндокринологии и химии гормонов, уже
26 совсем пошла уже медицина сплошная, и ...

27

28 И: Это была чисто научная работа, да?

29

30 Р: Да. Научная работа, старшим научным меня
31 взяли. Тогда, это был 69-й год, и потом — институт
32 Сербского. Эпидемиологией заниматься. Я там
33 тоже как-то у меня проявилась эта склонность, зна-
34 чит, к тому, чтобы разбираться в больших каких-то
35 крупных явлениях с помощью статистики, цифр и
36 так далее, и так далее. Не доверяя, там, каким-то

1 впечатлениям. А вот то, что можно доказать цифра-
2 ми, показателями, расчетами — вот это мне очень
3 интересно было. И до сих пор у меня большая лю-
4 бовь все-таки к цифрам.

5

6 И: Почему именно к цифрам?

7

8 Р: К большому количеству данных. Я в них
9 очень хорошо ориентируюсь и с удовольствием ко-
10 паюсь.

11

12 И: Простите, я Вас прерву. А вот, интересно, —
13 когда Вы переходили с места на место на работу...
14 Вас как брали? На основании Ваших публикаций,
15 по личному знакомству, кто-то замечал Вас на кон-
16 ференции? Как Ваше продвижение происходило?

17

18 Р: Ну, сначала... Ну. Как? В общем-то, я думаю, не
19 только я, но и многие другие, так сказать, молодые
20 ученые, они продвигаются и куда-то их приглаша-
21 ют все-таки через общих (...) через контакты.

22

23 И: Через личные контакты?

24

25 Р: Через личные контакты, значит, через кого-то,
26 через систему с кем-то... Через кого-то ты сконтак-
27 тировал, так сказать, он в другом месте работает.
28 Он рекомендует тебя там, значит, руководству како-
29 му-то, они знакомятся и берут: давай, давай, давай.

30

31 И вот так меня в институт эндокринологии взя-
32 ли, значит, через одного моего знакомого, который
33 там работал. Он говорит: »Слушай, а у нас тут
34 организуется новое направление, давай, может, тебя
35 возьмут, все-таки, ты способный человек?» Я гово-
36 рю: «Ну, давай, интересно». Он, значит, меня позна-
комил со своим научным руководителем, тот

1 поговорил со мной и тут же взял. И тут же мне
2 старшего научного дал. А до этого я был младшим
3 научным. На новом месте мне тут же дали старше-
4 го. Но я действительно там, вот, в эндокринологии,
5 довольно много успел сделать за четыре года...

6

7 И: А докторскую Вы не защитили?

8

9 Р: Докторскую...Руководитель, который меня
10 пригласил... Был такой Научно-статистический
11 центр, при Институте Сербского...Он мне твердо
12 обещал: «Ты быстро здесь наберешь материал на
13 докторскую». Он не только мне обещал, а обещал
14 другим, а старался выжать, старался выжать лично
15 для себя...

16

17 И: То есть, он использовал Ваши результаты?

18

19 Р: Он использовал, он везде ставил свою подпись,
20 и он иногда, скажем, для какого-нибудь.... там, для
21 Минздрава, по заданию Минздрава... какую-нибудь
22 разработку такую надо было сделать... анализ, то он,
23 значит, ... потом вот результаты анализа описыва-
24 лись, ситуация, там, наркологическая, в общем, оче-
25 видная в стране. Вот, он старался так делать,
26 значит, отрезать фамилию того, кто выполнял, и
27 поставить свою только, а его вообще (пауза) не
28 упоминать. И под всякими предложениями. Даже
29 присваивать мог просто.

30

31 И: Ну, понятно.

32

33 Р: И даже иногда напрямую, когда уже, вот, у
34 меня подобрался материал. Потом у моих коллег
35 тогдашних — там было несколько кандидатов
36 наук, очень способных, — а когда мы....У нас нако-

1 пилось много таких обобщений по стране, притом,
2 обобщений новаторских, никто так еще не разби-
3 рался в этой ситуации и — методы, значит, подо-
4 брали соответствующие. Накопился ряд таких вот
5 статей, докладов, справок серьезных по заказам
6 Минздрава. И видно было, что что-то получается,
7 какая-то большая, серьезная картина. Он сообразил,
8 что из этого можно построить книгу. Интересную
9 книгу, целый, так сказать, том, монографию... И он
10 нас несколько раз собрал, это перед тем, как раз, как
11 я ушел, за год до этого (*непонятно*). Я у него рабо-
12 тал 10 лет. Терпел... Ну, как терпел? Иногда, так
13 сказать, ну, бывали конфликты в связи с этим, с ка-
14 ким-то присвоением. Присвоением или чего-ни-
15 будь такое. Проявления вот какого-то самодурства.
16 Хотя я его, когда он уезжал за границу, почти два
17 года отсутствовал, я его заменял. Он на меня сва-
18 лил этот Статцентр, там 70 сотрудников с лиш-
19 ком... 70 сотрудников там, две вычислительных
20 ЭВМ крупных было и, в общем, много чего... И поток
21 информации со всего СССР. Карты на каждого боль-
22 ного, вновь выявленные случаи наркомании... карты
23 вот... Это интересный материал, с характеристиками,
24 прямо поступали. Не просто, значит, сведения...

25

26 И: А патент Вы не получали? Какой-нибудь па-
27 тент?

28

29 Р: Патент? Мы должны были получить, но что-то
30 как-то опять все замоталось...

31 Так вот, значит, доскажу про эту монографию... вот
32 этот случай. Он нас собрал и говорит: «Вот, надо на-
33 писать монографию! Мы можем создать...» — «Да, —
34 мы говорим, — можем». «Вот из таких-то и таких-то
35 глав». — «Да». И вот эту главу будет писать, значит,
36 он, я — эту главу... Ну, мне он там три главы даже,

1 значит, давал. Потом мои коллеги, там. Кто — по од-
2 ной, по две главы. Нас, значит, четыре человека таких,
3 ну, четыре че... У нас ведь Статцентр состоял из пяти
4 отделений и лабораторий, это крупная была органи-
5 зация. Там, ну, в одном отделении пять-шесть-восемь
6 человек, машина, то есть — это вычислительный
7 центр был, ВЦ у нас свой, вот. И ... две машины. Ко-
8 роче говоря, вот, четыре таких, наиболее активных...
9 Соображали, писали, так сказать, все. Вот всем (*непо-*
10 *нятно*)... Теперь, ну, мы будем-будем. Потом в следу-
11 ющий раз: «Ну, как? Вы уже начали набрасывать
12 какие-то схемы? Материал?» Потом — еще раз со-
13 брал. Собрал, а потом, значит... Сначала я говорю...
14 А потом он. Да! Говорит: «Вот я уже с директором
15 нашим, академиком Морозовым, обо всем договорил-
16 ся», слышали?

17

18 И: Кажется, нет...

19

20 Р: Вот, «Мы договорились, что он дает все. Добро,
21 будет это напечатано, в редакции «Медицина», там
22 все — договорились, и, значит, все — зеленая ули-
23 ца... книга будет... Но он будет... он будет тогда со-
24 автором». А я говорю: »Вторым автором, конечно,
25 Вы?» Он говорит: «Да, я буду вторым». — «А мы
26 как?» — «А вы? А вы что, претендуете на обложку,
27 что ль?» Я говорю: «Ну, хотя бы, если будут эти
28 главы, то хотя бы против каждой главы! Должно
29 быть соответствие фамилии автора! Ну, как, пожа-
30 луйста, мы не претендуем на обложку! — я гово-
31 рю, — мы не претендуем».

32

33 И: Но около главы, хотя бы авторство....

34

35 Р: Общее редактирование, там, все...И вот он, так
36 сказать, тут же нам устроил, хотел, так сказать, уль-

1 тиматум сделать: «Вы на что претендуете? А мы
2 вас упомянем в списке тех, кто ...»

3

4 И: Участвовал?

5

6 Р: В списке участников. «А зачем это все марасть,
7 вот главы не принято, вот в монографии это плохо,
8 когда против главы стоит это...» Я говорю: «Поче-
9 му не принято? Это ведь принято?» — «Нет, это не
10 хорошо будет! И академик этот, то есть... Морозов,
11 не пойдет! Вот. А упомянут...» Я говорю: «Нет! Я
12 тогда отказываюсь! Писать, чтоб где-то быть упомя-
13 нутым?» Я думаю, это театр...

14

15 И: Это планировалось как коллективная моно-
16 графия, да?

17

18 Р: Да, и я говорю, что, значит, я не хочу, чтобы
19 меня... У меня украли прямо так, на моих глазах то,
20 что я сделал, вложил... Это есть авторское право, во-
21 вторых, я.... В-третьих, я не раб! Я никогда рабом не
22 буду, что я — раб что ли бессловесный? Что я — соб-
23 ственность? Я — Ваша собственность или собствен-
24 ность этого Морозова, что ли? Я не собственность! Я
25 ничья не собственность и все! Вот. И все тоже отка-
26 зались (*смеется*). Значит, он у нас выкручивал-
27 выкручивал руки и все, потом отстал... и я стал от
28 него уходить...

29

30 И: Ну, а книжка? Она появилась без Вас?

31

32 Р: Нет! Книга не появилась.

33

34 И: Так вообще они и не договорились? ...Ни в ка-
35 ком виде не появилась? Ни с академиком, ни без
36 оного? Вообще не вышла, да?

1 Р: Нет. Не вышла...эта книга не вышла. И я тог-
2 да от него стал уходить, а он еще меня и не отпуска-
3 ет. Он меня там целый год травил и портил кровь,
4 я никак не мог уйти, он мне препятствовал. Я по-
5 давал заявление, он или говорил Морозову, чтобы он
6 не подписывал... В общем, мотал-мотал...

7

8 И: А как Вам могли запретить уходить?

9

10 Р: Ну, придумывал всякие... что вот отчет я
11 еще не сдал научный и, там, все эти... В общем —
12 нарушение законодательства, а уходил-то я внут-
13 ри института...

14

15 И: А какая там была система взаимоотношений?

16

17 Р: Ну, во всяком случае, он (новый руководи-
18 тель — *И.*), так сказать, и не старался присвоить
19 мой труд, и не считал, что я его, так сказать, соб-
20 ственность, совсем другие отношения. Он потом
21 был замдиректора нашего наркологического цен-
22 тра, когда мы отделились от Института Сербско-
23 го. Выделились, и все было хорошо, интересно и
24 до его смерти, и после его смерти, с новым руко-
25 водством. Мне тут уже давали, под занавес, и от-
26 дел, чего угодно, и все... И я уже отказался сам.
27 Потому что у меня тут пенсия подходила, время
28 быстро прошло, ну, вот там я, конечно, десять лет,
29 может быть, зря потерял, надо было раньше, ко-
30 нечно, оттуда уходить.

31

32 И: А как получилось, что вот Вы все видели,
33 какой он из себя, и он все-таки был Вашим на-
34 чальником?

35

36 Р: Что?

1 И: Почему он был Вашим начальником, хотя
2 Вы все понимали, что как специалист он в об-
3 щем-то, не тянет?

4

5 Р: Нет! Его ... когда организовывали этот Науч-
6 но-статистический центр, его сразу поставили во
7 главе этого Центра.

8

9 И: За какие заслуги?

10

11 Р: Ну, за какие заслуги? Ну, наверное, опять же за
12 болтовню, наверное, там, нахватался ... за болтовню,
13 что он может там, ну, нет, он организовал, конечно,
14 организовал, вот, этот сбор этих данных, да, вот это он
15 организовал. Он такой настырный и пробивной, он
16 где-то пробил там, все и организовал, вот, его и ... Это-
17 то он сделал... А дальше, когда надо было уже, надо
18 ко всему этому материалу еще дать какой-то методи-
19 ческий аппарат, научный уже анализ, там, метод,
20 подходы... То тут вот он стал как раз и мошенничать
21 даже претендовать на какие-то там открытия ме-
22 тодов и матема... применение математики там, так
23 сказать, и прочее.... Вот моделирование там, и сис-
24 темный анализ. Вот он съездил....Ему поверил один,
25 там, замминистра и послал его, когда был организо-
26 ван Международный институт системного анализа, в
27 Вену. Он ему поверил, что знает, разбирается... и по-
28 слал его, значит, нашим представителем, да. И он
29 там нахватался, но нахватался по верхушкам, конечно.
30 Он, в основном, так, кой-какие, значит, какие-то
31 определения узнал.

32

33 И: А почему все-таки решили уйти с работы сра-
34 зу после того, как у Вас пенсионный возраст подо-
35 шел? Ведь в последнее время у Вас все удачно
36 складывалось?

1 Р: Как уйти?

2

3 И: Но Вы сказали, что Вы работали там до пен-
4 сии ... «пенсионный возраст — и я решил уйти»...

5

6 Р: Нет! Я ничего не решал, я думал, что я, когда
7 будет пенсия, ... когда я думал? Когда мне было
8 55 лет, то я думал, ну, вот, еще пенсия далеко, там,
9 пять лет или пятьдесят... Вот на пенсии я замыс-
10 лы все творческие свои осуществляю, спокойно,
11 свободно, не будет этой текучки, организацион-
12 ной суеты, поэтому я, когда мне было что-то
13 58 лет, мне предложили, когда Кураков умер, этот
14 мой, значит, начальник.

15 Я был ведущим научным сотрудником. Ну,
16 мне опять стали давать... Я до этого был руково-
17 дителем лаборатории, отделения побывал. А тут
18 опять мне стали давать это отделение эпидемио-
19 логии, я отказался — принципиально. Ну, думаю,
20 ну что? Вот в таком возрасте? Я говорю прямо:
21 «Слушай, мне скоро к пенсии, я уж думаю спо-
22 койно, творчески поработать, а вы будете... зас-
23 тавлять меня...»

24

25 И: Руководить?

26

27 Р: Руководить. На фиг мне это? Вот и у меня
28 были, так сказать, какие-то намерения, ну, на пен-
29 сии в научном плане и более широком таком...
30 Культуральном, что ль, плане, так сказать, много
31 чего изложить, обобщить и, если уж говорить конк-
32 ретно, у меня в замысле и даже в деле, (и уже час-
33 тично сделано вообще) энциклопедия отношений
34 человека с алкоголем, вот такая штука. Вся, вот, рет-
35 роспектива, панорама, с прошлых времен, а в основ-
36 ном ... А в основном — последние два века,

1 медицинской помощи, на развитие службы, на...
2 на позиции, так сказать, практических работни-
3 ков здравоохранения, и даже, в том числе... Вот
4 есть... он работал, был главным наркологом Ми-
5 нистерства здравоохранения, значит, Федерации,
6 долго... сейчас он — председатель наркологичес-
7 кой ассоциации. И он мне еще несколько лет на-
8 зад говорил, и сейчас... Он сейчас едет в Лондон
9 на конференцию рассказывать о ситуации у
10 нас... Он прямо сказал, что он всякие материалы
11 берет, в том числе мою работу по этой ситуации.
12 Она только что, недавно вышла... Он говорит:
13 «Это основное, на что я буду опираться», — гово-
14 рит. — «Ее, вот, использую...»

15

16 И: Он высоко отозвался о ней, да?

17

18 Р: Он меня благодарил, да! Говорит: «Вот, значит,
19 эта...» (стучит по журналу — *И.*)... Он по ней сде-
20 лает доклад. Я говорю: «Ради Бога!» Я не возра-
21 жаю, чтобы он, так сказать, прочитал ее. Да вот, в
22 этом номере эта работа: «Проблемы современной
23 алкогольной политики в России и за рубежом».
24 Тут и ситуация в России, и проблемы, и противоре-
25 чия, и все, так сказать, излагается. Вот тут участву-
26 ет мой теперешний руководитель лаборатории,
27 отделения. Это — юбилейный номер у нас, вот, мы
28 десять лет существуем. Тут участвуют ведущие спе-
29 циалисты нашего Центра, в том числе, значит, и я.
30 И это тоже мне приятно, что я, вот, так сказать, в
31 юбилейном номере — один из ключевых, что ль,
32 специалистов. И это я не для того, чтобы похва-
33 саться, а для того, чтобы Вы поняли, что есть у меня
34 основания быть...

35

36 И: Удовлетворенным?

1 допустим, или последний век. Особенно этот век,
2 прошлый век, ну и многие поучительные, так ска-
3 зать, моменты из эпохи Возрождения, из Античного
4 мира, особенно — из эпохи Возрождения. Начиная
5 с Македонского. Македонский умер от чаши Герак-
6 ла, например, вот, он... у него была лихорадка, он
7 действительно болел. Ну переболел, был слабень-
8 ким, и чего-то они там отмечали с друзьями, у него
9 несколько было соратников таких, близких, и он
10 сам говорил: «Вот надо что-то отметить!» Этот
11 друг, значит, ну, он любил пиры устраивать в честь,
12 там, чего-нибудь, победы в основном. А его друг
13 один говорит: «Слушай, ты же плохо себя чувству-
14 ешь? Чего ты...?» Ну, я так уже передаю, вот, этот
15 момент. Просто такая ситуация была. «Тебе и
16 пить-то нельзя!» — «Как?! Да я слабый? Я могу
17 чашу Геракла выпить!» — «Да брось ты, да не мо-
18 жешь!» Ну, в общем, поспорили. Он выпил эту чашу
19 Геракла. Это 4 литра вина, кстати, и утром умер
20 (*смеется*). По-видимому, он все-таки (так легенда
21 говорит) умер от чаши Геракла. Может, от лихорад-
22 ки-то он еще не умер бы. А тут он слабенький, так
23 сказать, — и все, и упал, так сказать, пьяный, и все
24 (*смеется*). Ну, это — вполне возможно.

25

26 И: Значит, у Вас есть большие планы на будущее.
27 А что Вам кажется наиболее важным в пройден-
28 ном жизненном пути?

29

30 Р: Я почувствовал... И у меня такое впечатле-
31 ние, что все-таки, и не только у меня, но и у моих
32 коллег, вот теперешних, которые давно работают
33 в этой области, в том числе в Министерстве здра-
34 воохранения... Ну, такое впечатление, что все-
35 таки моя позиция оказала влияние на развитие
36 всей системы нашей наркологической помощи,

1 Р: Удовлетворенным, да! Большая статья — вот,
2 видите? Вот — раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь
3 журнальных страниц в таком тесном номере... Это,
4 все-таки.. немало, неплохо...

5

6 И: А теперь у Вас начался новый этап в Вашей
7 карьере — политический?

8

9 Р: Да! Можно сказать и политический... Ну, как
10 эксперт Думы... и мне даже там заплатили за экс-
11 пертство.. значит, вот там 300 тысяч мне выписали,
12 пожалуйста.

13

14 И: Это когда Вы стали экспертом?

15

16 Р: В прошлом году меня подключили. И в этом
17 году, вот, достаточно активно я там много раз, так
18 сказать, заседал, и в этом Комитете заседал, у Илюхи-
19 на, в безопасности, и вот, у Глазьева заседал. И рядом
20 со мной сидела Хакамада... (*смеется*). Вот. Она,
21 правда, помалкивала. Очень хитрая такая Хакамада.
22 Она тут сидела, присутствовала, но помалкивала, а
23 там было несколько депутатов, они спорили, что-то
24 доказывали, в основном загибали ерунду всякую, в
25 этом не разбирались... Нет, некоторые — ничего так,
26 здраво, а другие — наоборот. Представление у них о
27 ситуации, как, вот, во время антиалкогольной кампа-
28 нии было.

29

30 И: То есть, по уровню, как эксперты, они там на
31 высоком уровне, Вы считаете?

32

33 Р: Депутаты? Нет, не на высоком!

34

35 И: Ну, есть еще, наверное, и эксперты, так же, как
36 Вы, да?

1 Р: Эксперты. Разные эксперты: от самой про-
2 мышленности алкогольной были эксперты-хими-
3 ки, от химической промышленности... Речь шла о
4 техническом эксперте, что делать с ним, брать его
5 под контроль — не брать? Налоги наваливать — не
6 наваливать, ну, я как раз отстаивал... все-таки на-
7 верное, и меня послушали... что если наваливать на-
8 логи на технический спирт, то тогда у нас
9 остановится химическая промышленность, потому
10 что это сырье для пластмасс, там, для всяких для
11 полимеров и для... для тех же лекарств, красителей,
12 не красителей, там, пол... — этот спирт участвует в
13 очень многих производствах.

14

15 И: Если сравнивать Вашу жизнь в целом, тогда и
16 сейчас, то как изменилась она? Ну, скажем., по сравне-
17 нию со временем работы в институте эндокринологии?

18

19 Р: Да! Ну, у меня была зарплата 250 рублей, это
20 немало для того времени. В то время средняя зарп-
21 лата что-то 150 рублей была в стране или 130, ну, у
22 меня вот ... в справочнике есть эти цифры. Я гораз-
23 до больше средней зарплаты получал, и все-таки
24 тогда кандидаты наук и доктора со степенями чув-
25 ствовали себя... Знали, что они более обеспечены...

26 Вот, у нас местком тогдашний... Местком тог-
27 дашний, профсоюз договорился, ну, кого-то там они
28 подлечили в глубинке и договорились, что мы там
29 будем заказывать икру. Тогда было принято — за-
30 казы. Каждую неделю комплектовали нам короб-
31 ку, так сказать, мы заказывали...

32

33 И: Это в Вашем институте было так, да?

34

35 Р: Да, в институте. Туда клали вырезку, там, све-
36 женькое мясо, курицу, значит, колбасу хорошую, по-

1 лукопченую или сырокопченую, тогда в магазинах
2 было очень редко ... хорошую колбасу, ну, хотя
3 было, если поискать, можно было купить в магази-
4 не. Ну, там, нам все готовенькое, значит. Чего-ни-
5 будь сладенького, там, шоколадки, там, печенье
6 хорошее, еще что-нибудь, вот, и пару баночек икры, а
7 икра стоила тогда 1 рубль 97, я хорошо помню это...
8 когда банка, 100-граммовая банка, — рубль девяно-
9 сто семь...

10

11 И: Это они Вам с какой-то дотацией давали?

12

13 Р: Да! И бутылку коньяку еще.

14

15 И: С дотацией или по ценам, которые в магазине?

16

17 Р: Нет, как в отделе заказов, 10%. 10% от сто-
18 имости этого самого заказа и все. Добавить 10% и
19 это... и значит, так скажем, все это рублей на 15,
20 предел — 20 рублей. Если тянуло рублей на 20, —
21 это такая набитая коробка. Они все по коробкам
22 расфасовывали и привозили, сколько коробок им
23 сказали, приезжала утром машина, значит, приво-
24 зила, и мы разбирали все, что мы заказали, плюс
25 10%. Вот и, значит, клали туда, значит, пару банок
26 икры. Так сказать, наиболее дефицитное.

27 Это такой эпизод, у меня дача, дом в деревне. Ког-
28 да-то с моим отцом купили под Москвой тут, летом
29 жена с сыном там была по три, по четыре месяца в
30 основном, в это время с малышкой, и ...а! Ему-то уже
31 ... это уже было — я продолжал получать заказ —
32 когда ему было уже лет 5. Родилась у меня еще доч-
33 ка. В это время. А дочка на три с половиной года
34 моложе сына, жена с дочкой еще, там, и с сыном. С
35 ней там три года была, значит. Не работала. Я кор-
36 мил. Все хорошо, никаких проблем. И вот приво-

1 зил ... И как-то я приезжаю вечером с работы туда,
2 слышу рев, значит, сын кричит... А жена все беспоко-
3 илась, что сын, значит, ослабленный, так сказать, вот
4 их надо подкормить. В общем, короче говоря, я захо-
5 жу в эту комнату, а он, значит, почему кричит и про-
6 тестует — она ему сует ложками икру в рот, а он ее
7 выплевывает. Он вертит головой, кричит «Не хочу!».
8 И все такое. Значит, вот такая ситуация, мой сын
9 выплевывал икру! Такой характерный эпизод. Но
10 это, конечно, так, больше для ...

11

12 И: Иллюстрации.

13

14 Р: Иллюстрации, для иллюстрации...

15

16 И: А жили Вы тогда здесь? Вы купили эту квар-
17 тиру, да, вот Вы говорили, кооперативную?

18

19 Р: Нет, когда я в эндокринологии (работал—И.),
20 я еще... я жил на... около Павелецкого вокзала,
21 бывшая Большая Дворянская улица, в старом
22 доме кирпичном, это уж потом я вот здесь купил,
23 в 80-х годах.

24

25 И: А там была маленькая квартира? Почему Вы
26 оттуда решили уехать?

27

28 Р: Да! Маленькая, там 35 метров было жилой
29 площади, а нас — 4 человека, да еще отец был
30 живой. Пять человек у нас там было. И я ока-
31 зался как раз на учете в жилорганах. Тогда при-
32 нимали в кооператив, когда 7 метров, а у меня
33 оказалось ровно 7 ...

34

35 И: Но, сравнивая примерно с тем уровнем жиз-
36 ни, сейчас Вы как живете? Хуже или лучше?

1 Р: Значит, вот тогда я получал уже 300, 350. А ког-
2 да был заведующим, я 400 получал. Я заведовал лет
3 десять, наверное, значит, с небольшими перерывами.
4 Я получал 400 рублей, это было раза в три больше,
5 там, в 2,5 выше, чем в среднем по стране. А веду-
6 щим научным сотрудником я 350 получал. Значит,
7 это в два раза выше, средней. Ну, потом она средняя
8 тоже немножко поднялась, а нам-то они не добавля-
9 ли. И все-таки, средняя зарплата 80, у научных со-
10 трудников по-прежнему те же самые ставки были:
11 300—400 у заведующего, у доцентов 400 тоже.

12 В общем, мы постепенно беднели по отношению
13 к средней зарплате. А нам ничего это уже лет, ну,
14 начиная, по-моему, с 47, года, вот тогда ставки как
15 установили, так с тех пор они с 47-го и не менялись
16 до 91-го года. И мы немножко беднели, ну, ничего,
17 все равно мы были выше, чем средние, так что жить
18 можно было. И не немножко, а вот раза в два, там,
19 ну — в полтора. А теперь мы получаем в два раза
20 меньше среднего по стране. Вот, получаем в два
21 раза меньше.

22

23 И: Вы имеете в виду— научные работники?

24

25 Р: Да. Научные работники, это, значит, по отно-
26 шению к среднему по стране, а по отношению, допу-
27 стим, к доллару, ну, тогда сколько был? Ну, доллар
28 был так, примерно, одно время на черном рынке 2
29 рубля, 2 рубля — доллар, значит, я получал 200 дол-
30 ларов, а сейчас я получаю 50 долларов. Значит, ну, в
31 4 раза. Мой уровень упал в 4 раза. Поэтому сейчас
32 приходится выживать. Только на еду зарплата. Это
33 если ты будешь есть достаточно плохо и не обедать.
34 Вот. Ну, надо ж квартплату еще платить, то есть мы
35 здорово... научные работники пострадали, очень
36 сильно!

1 И: Да...

2

3 Р: (*эмоционально*) И это — беда! Это — трагедия
4 страны тоже! Потому что у страны в таком случае
5 нет перспективы никакой! Абсолютно! Выкрутить-
6 ся из этого кризиса экономического невозможно,
7 если не оплачиваются сильные мозги, не оплачива-
8 ется интеллект страны. Ученые, специалисты. Осо-
9 бенно — ученые.

10 Япония ... почему она совершила чудо? Да пото-
11 му, что они сразу после войны, в трудных условиях,
12 в разрушенной стране, они прежде всего стали раз-
13 вивать этот самый интеллектуальный потенциал!
14 Они послали несколько десятков тысяч студентов
15 учиться. И не только студентов, а и своих, уже за-
16 кончивших, стажироваться. И те, кто, так сказать,
17 работали в науке и в технологии, в разработках, в
18 этих поисковых работах, — они сразу, еще в 40—
19 50-е годы, они стали оплачиваться выше среднего,
20 средней заработной платы, там, ну, в несколько раз.
21 Их выделяли! И они старались! Они вот и...

22

23 И: Леонид Денисович, а вот то, что касается конк-
24 ретно Вашей жизни. Вы можете сказать, что стало
25 в Вашей жизни хуже? Лучше? Что — чисто конк-
26 ретно, по материальному уровню хуже?

27

28 Р: (*возмущенно*) Нет! Конкретно материально, ко-
29 нечно, стало все хуже! И, значит, в каком отноше-
30 нии? Я перестал обедать, уже третий год или
31 четвертый год, ну, начиная с 1 января 92-го года я
32 ни разу не был в столовой. И даже не знаю, какие
33 цены. Говорят, там очень большие цены. Правда, в
34 Думе я второй раз пообедал, там поменьше цена и
35 хорошо готовят. Вынужден был пообедать там. Ка-
36 кое-то время я там ... Вот летом я там пообедал,

1 по-моему, сколько? .. за 5 тысяч. Ну, взял скромный
2 такой обед. А в столовых сейчас, говорят, там гораз-
3 до больше, за 15 или 17, даже не знаю! И никто из
4 моих коллег, в том числе и доктора наук, не ходят в
5 столовую уже 4-й год, это уже говорит о чем-то, да?

6

7 И: Да.

8

9 Р: Теперь я. У меня даже вот там, наверху, у меня,
10 значит, наверху — жалко, я их не буду выбрасы-
11 вать — журналы, я их каждый год выписывал, то
12 есть я... я потерял возможность жить в естественной
13 своей, так сказать, привычной микро- этой ...

14

15 И: Среде?

16

17 Р: Культурной микро-, так сказать, материаль-
18 ной среде. То есть, прежде всего, книги, газеты (пау-
19 за). Я каждый год выписывал, мне каждый день
20 приходили, значит, несколько газет: утренняя, ве-
21 черная, «Литературная» обязательно, «За рубе-
22 жом». Потом, когда можно стало, «Московские
23 новости», я на «Московские новости», значит, под-
24 писывался обязательно, каждый год!

25 Это было и раньше, и до Горбачева, и при Горбаче-
26 ве, до 92-го года! Значит, «Огонек» еженедельно и тол-
27 стые: «Новый мир» обязательно, потом, когда
28 интересные материалы пошли, еще и «Октябрь», и
29 «Знамя». Всякие архивные и прочие... То, что рань-
30 ше не появлялось, я все выписывал... Почтальон...
31 значит, я уже ходил сам на почту, брал эти журналы.
32 Она отказывалась носить, потому что не влезает в
33 ящик... Газеты они мне клали, а толстые журналы я
34 ходил туда, время от времени, значит, заходил и брал,
35 спрашивал, есть ли мне. Пришли, значит, сам их
36 брал. «Огонек» мне клали сюда, а вот толстые, значит,

1 на почте. Или вот, например, пошли приложения.
2 Это же великолепно, приложения к «Вопросам фи-
3 лософии». Вы, наверное, знаете эти вот...?

4

5 И: Да. Да-да.

6

7 Р: Вот, пожалуйста, тут и Бакунин, и Чаадаев, так
8 сказать, вот, и Шпет, и прочее. Тут был и Соловьев, и
9 Флоренский, и все! Значит, для меня это не состав-
10 ляло....Хотя это тройка, между прочим, пятый том.
11 Теперь этот тройка 15 тысяч стоит, ну, они, кстати,
12 дороже сейчас идут, потому что они — маленьким
13 тиражом... Вот. Я этого лишен.

14 Я на газеты не могу подписаться! Я даже в ки-
15 оске их не покупаю, иногда только беру вот за
16 500 рублей эти... «Московские новости», и то,
17 только там вот, где у нас есть фирменный киоск,
18 там подешевле. А так они и 800, и 1000 стоят. И
19 «Общую газету». Вот. Иногда, ну, раз... два-три
20 раза в месяц. Каждый день не могу, не позволя-
21 ют финансы. Вот. Значит я лишен вот этого (пау-
22 за) потока информации.

23 Не только информации, а вот таких вещей ли-
24 шен, которые, как говорится, представляют вечные
25 ценности... Книг я теперь лишен, возможностей
26 покупать книги, как раньше покупал. Иногда уж,
27 вот, просто невозможно не купить. Редко, когда что-
28 то такое, исключительное. Беру. Беру, но очень ред-
29 ко. И то, вопреки возможностям своим. И мои
30 коллеги, товарищи по работе.

31 Ну, что еще? Я лишился вот еще чего: лишился
32 того, на что я надеялся и многого из того, что было.
33 Все. Вот эта атмосфера была уже при Горбачеве, ка-
34 кая-то развивалась... какая-то атмосфера, значит,
35 возрождающейся свободной духовной жизни, что-
36 то такое возрождалось...

1 И: Возрождение нации?

2

3 Р: Да. Это было и в газетах, то же в «Московских
4 новостях» отражалось. Что-то такое возникало...
5 Вот, и политическая, и духовная активность какая-
6 то там... Противоречия, так сказать, во всем...

7 Горбачев во многом виноват, и у меня есть конк-
8 ретные ему обвинения. Можно было все-таки луч-
9 ше вести страну, и не доводить до краха, то есть
10 развала СССР. Эти намеренно развалили, а он не
11 хотел, все упирался, но все-таки подводил ...

12 Так вот, что-то развивалось и это стало быстро
13 исчезать в 92-м году, а сейчас совсем исчезло. Сей-
14 час в общем-то и возможностей никаких нет, то
15 есть и материальных возможностей нет, и ориенти-
16 ры, просветы закрылись. То есть у тех, кто по-насто-
17 ящему... Ну, скажем, Монтень, сейчас бы он жил,
18 конечно, он бы грустил: все-таки какой-то свет по-
19 явился, просвет, а теперь уже все, нету!

20 *(Проникновенно)* Если говорить конкретно, до-
21 пустим, проблема покаяния. Ну, вот, вышел
22 фильм «Покаяние». Проблема покаяния. Ведь,
23 значит, при Горбачеве, было уже заявлено и пока-
24 зано, и доказано, и развернули документы, так
25 сказать, — все: что все-таки режим коммунисти-
26 ческий совершал, ну, колоссальнейшие преступ-
27 ления против народа и человечества, своего
28 народа, в течение многих лет и десятков лет. И
29 конкретно! И эти убийства, так сказать! Массо-
30 вые... Лагерь, так сказать, и репрессии, и страна
31 лишилась много чего, что могла иметь. И что
32 имела — потеряла, и в виде, так сказать, каких-то
33 духовных ценностей, и много чего. И счастье, вот.
34 И совершили, значит, массовые преступления!
35 Против человечества. Против своего народа и
36 против человечества! И расстреляли тех достой-

1 нейших польских офицеров под Катынью, в Ос-
2 ташкино. Это же ... за одно это преступление их
3 надо судить!

4 *(Эмоционально)* Суда не состоялось, покаяния не
5 состоялось, интеллигенция ждала этого покаяния,
6 такая, ... передовая. И, ... ну еще это все как-то
7 жило, так сказать. Еще люди к этому, так сказать,
8 стремились, надеялись на это, говорили об этом, тре-
9 бовали. Понимали, что без этого дальше мы не
10 очи... не пойдём дальше. Мы ... это мы — больны
11 этим, и эта болезнь вот эта, отсутствие вот этого по-
12 каения, очищения. Значит, у нас...(пауза)

13

14 И: Нет возможностей?

15

16 Р: Да, нас, значит, ... мы постепенно, так сказать,
17 все превратились в плесень, так сказать. И мы сдох-
18 нем, наши души в этой плесени — все, погибнут!
19 Постепенно. Ну, так и оказалось, к сожалению!

20 Не покаяться при новом режиме, так сказать. Это
21 вообще даже теперь и не вспоминается, и вообще эта
22 тема — глупая, и она — неуместная. И сейчас вот ре-
23 формы, реформы, там, вот объявлены, значит ... вот эта
24 рыночная-рыночная... эта вся болтовня, и это уже
25 всем надоело, потому что нет никаких реформ фак-
26 тически. Ничего не улучшается и просветов нет в
27 экономике. А в духовной жизни сан...

28 *(Возбужденно)* И вот этого, вот этого — я лишил-
29 ся, это мне очень тяжело переносить, что все! Этой
30 перспективы нет! Нет перспективы! И не случайно
31 все диссиденты и всякие выкинутые, там, наши та-
32 ланты за рубеж, значит, там. Став на ноги и про-
33 явив себя, так сказать, они обрадовались, что рухнул
34 коммунистический режим, который их притеснял,
35 потом — выкинул. Теперь они, значит, все это при-
36 ветствуют, чего-то там творят, но сюда не возвраща-

1 ются! Это вообще трагедия тоже! Все ... а, кстати, все
2 лучшее, что у нас создано в культуре, создано все-
3 таки ими, немногими...

4

5 И: Теми, которые там?

6

7 Р: Которые там.

8

9 И: Ага.

10

11 Р: *(Возмущенно)* Начиная, кстати сказать, с того
12 же Растроповича, который тут суетится, приезжает и
13 лицемерно что-то поддакивает этой власти, и даже
14 грандиозные концерты устраивает на Красной пло-
15 щади, в честь расстрела парламента, фактически. А
16 сам смывается! И — там... А чего же тут-то?

17 Вот единственный Солженицын долго-долго
18 ехал и наконец все-таки приехал сюда... Собирался
19 и собирался, и вот приехал и сначала чего-то ничего
20 говорил, пока ехал, а теперь вообще бормочет чего-
21 то... вообще такое. Совершенно ненужное и неумес-
22 тное и просто что-то непорядочное! Он бормочет
23 опять о каком-то шовинизме, каком-то опять патри-
24 отизме... (...)

25 Ну, гастролеры! Ну, вот, там, Аксенов... Таланты,
26 кстати, таланты в литературе, настоящие таланты,
27 но они, действительно там создавали и создают что-
28 то стоящее, эти... художники. И почему они в Рос-
29 сии не хотят жить? Вот сейчас бы они здесь нужны
30 очень, они очень нужны! Я претензии все-таки к
31 ним имею, но на сто процентов не могу их, так ска-
32 зать, обвинять, потому что тут исчезла среда, где они
33 могли бы творить. Исчезла вот эта самая... эта...
34 экология, так сказать...

35

36 И: Аура?

1 Р: (*Прочувственно, быстро*) Аура духовная, так ска-
2 зать, душевная. Нет этого! Нет этой среды! Нет людей!
3 Нет публики, каким-то образом чувствующей вот ка-
4 кую-то... не просто общность... (пауза) позиции, а пуб-
5 лики, чувствующей контакты. Ведь должно быть ...
6 Чувствовать контакты, духовные контакты!

7
8 И: Ну да, какое-то духовное поле должно быть...
9

10 Р: То, что чувствовали, там, тот же Блок в свое вре-
11 мя здесь... Они были, и чувствовали себя частью вот
12 этого чего-то, этой общей, так сказать, ну... общей не
13 просто атмосферы, а даже, так сказать, геосферы. Так
14 сказать, общее какое-то течение, вот, стихии какой-
15 то... общей, вот, стихии, важной, душевной, духовной...
16 И любые представители, так сказать, творческих... Да
17 и не только творческих... Даже какой-нибудь учи-
18 тель гимназии тоже чувствовал, если он не совсем
19 был такой... примитивный и тупой, ... и то чувство-
20 вал часть чего-то важного, что развивается, что живет
21 (*непонятно*)... Этот учитель, так сказать, гимназии.
22 Блок там чего-то определенное создавал, но он был
23 рад, что существовал учитель, для которого эта новая
24 вещь Блока — было событие!

25 А для какого теперешнего учителя такое — со-
26 бытие?... Да их и нет этих событий: кто-то там
27 чего-то опубликовал, написал... Поэтому-то и не
28 пишется, не публикуется. И эти наши деятели ли-
29 тературные, которые остались здесь, они же пустые,
30 они пустопорожние, они ничего не создают!

31
32 И: Ну, это, наверное, просто какой-то период в
33 развитии?

34
35 Р: Какой период! Ведь взять любой период в ис-
36 тории любого государства, в том числе — нашего

1 государства: в самые трудные периоды тем более
2 создавалось что-то. Скажем, та же Гиппиус, там.
3 Скажем, страшные, читали «Черные дневники» ее?
4 Страшные годы, когда она это все скрывала, но пи-
5 сала! Бунин «Окаянные дни»! Он, чтобы хозяина не
6 подвести, он зарывал это... зарывал в огороде этого
7 хозяина, чтобы потом вытаскивать — при свечке
8 записывать. Он же писал! И все, значит, наши, кото-
9 рые потом попали в эмиграцию, они или тут, или по
10 дороге все старались быстрее записать, пока свежо!

11 Так что ж эти-то не торопятся записать, что они
12 пережили недавно, при тоталитарном режиме?! Не
13 торопятся! Им плевать на это! Они не чувствуют
14 этой потребности! И долга не чувствуют, понимаете?
15 Это нельзя ничем оправдать! Что им слишком
16 трудно? Не оправдывает! Потому что в этих труд-
17 ных положениях и наши деятели, и зарубежные
18 бывали. Там, Сервантес написал «Дон Кихота» в
19 тюрьме. Начал, накатал первый том... Он в тюрьме
20 написал!

21 *(Возбужденно)* Дело не в трудности, а дело, вот, в
22 пустоте! Они просто — пустые! Вот остались... Те, ко-
23 торые уехали, они — не пустые, но они не хотят вер-
24 нуться, потому что они эту пустоту чувствуют, им,
25 ну, страшно здесь жить! Страшно жить! Вот о какой
26 духовной пустоте я говорю, понимаете?

27

28 И: Мне понятны Ваши переживания... Лев Де-
29 нисович, а, вот, с другой стороны, что-то в жизни
30 у Вас стало лучше? Вот теперь Вы работаете в
31 Думе как эксперт....

32

33 Р: Ну, лучше — нет! Это просто то, что я эксперт.
34 Это сейчас Дума... И что я по-прежнему нужен мое-
35 му ведомству, Минздраву, так сказать, нужен... Да
36 просто — это мой энтузиазм! Мой энтузиазм! Моих

1 коллег все меньше и меньше остается! Просто они
2 хотят делать что-то полезное! И это полезное все-
3 таки используется поневоле. А куда они денутся?!
4 Ведь эксперты все-таки нужны! Они плюют на нас...

5 В смысле, создали нам возможности человечес-
6 кие трудиться и работать, более благоприятные воз-
7 можности, там, материально, чтобы мы не думали,
8 так сказать, чтобы мы питались хотя бы нормально!
9 Ведь наши ученые скоро, так сказать, поголовно
10 начнут ложиться на койку с гастритами, с язвами, с
11 язвами кишечника, с болезнями печени, потому что
12 плохо питаются, неправильно питаются, недостаточ-
13 но питаются. С анемией ...То есть вот что нас ждет
14 в ближайшее время!

15 Вот они держатся, еще года два-три-четыре про-
16 держались, а дальше уже некуда, так сказать, дер-
17 жаться! Многие начнут просто болеть и терять
18 силы для продуктивной работы, хотя все они ...
19 ведь в ученые попадают большинство все-таки не
20 случайно! Есть и случайные люди из каких-то там
21 соображений, ну, сейчас случайные отпали и новые
22 случайные не особенно идут. Вот.

23 (*С пафосом*) Потому, что ученый — это человек
24 не просто тот, который хочет, там, зарабатывать и
25 получать неплохую зарплату, иметь карьеру. Но он
26 еще, значит, (хочет — *И.*) ощущать себя... Долг, про-
27 фессиональный долг, — вот смысл его жизни...
28 Это что-то создавать, находить, искать, значит, дока-
29 зывать, доказывать как ученому, открывать, в конце
30 концов, и себе, так сказать, и стране, и миру. И что-
31 бы тебя, значит, оценили и похвалили. И не просто
32 похвалили... Это если ученый настоящий, он не
33 просто ради поощрения какого-то работает, а в нем
34 еще живет эта вот (пауза)... и это изначально...

35

36 И: Самостимул?

1 Р: Да. Самостимул. Это чувство такого научного
2 любопытства, исследовательского. Если это ... это —
3 черта внутренняя, она не внешняя, а внутренняя.
4 Ученым становится тот, у кого есть этот, вот, иссле-
5 довательский какой-то, если не инстинкт, то черта.
6 Исследовательское любопытство может и похоже
7 на любопытство детское, ну, не совсем такое. Это
8 профессиональное любопытство.

9 Так же, как у писателя. Вот, писатель, допустим,...
10 уже настоящий писатель он сочиняет, ну, так, как
11 сочинял, допустим, тот же Булгаков. Он же знал,
12 что «Маргариту» не напечатают, да и другие вещи.
13 Знал, что его не напечатают! Он пытался, там, «Теат-
14 ральный роман» какой-то невинный протолкнуть,
15 а уж «Маргариту» он и не надеялся... Но он писал.
16 И так же, как, допустим, тот же Шаламов! Вернулся
17 из лагеря... Ведь какие он вещи страшные написал!
18 Сильнейшие вещи, которые не публиковали при его
19 жизни. А потом все-таки опубликовали. Вот
20 сколько он успел написать до смерти. Вот. Так что
21 не обязательно ученый или, там, писатель обяза-
22 тельно что-то создает ради того, чтобы ...что-то по-
23 лучать за это... Когда он заканчивает — да... Но не
24 просто ради этого, и все равно ученые продолжают
25 исследовать... *(конец записи)*.

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

Семенова Виктория Владимировна

**КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ:
ВВЕДЕНИЕ В ГУМАНИСТИЧЕСКУЮ
СОЦИОЛОГИЮ**

Оригинал-макет подготовлен К. А. Радюшкиным
Обложка Ю. Винецкого

ЛР № 064934

Подписано в печать 04.11.98

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура School Book. Печать офсетная.

Печ. л. 18,25. Тираж 3 000 экз. Зак. 29.

ТОО «Добросвет», 109147, Москва,
ул. Марксистская д. 9.
тел. (095)238-23-33

**Качество печати соответствует
предоставленным диапозитивам.**

Отпечатано в типографии
ООО «ГЕО-ТЭК»
г. Красноармейск М. О.
Тел.: 254-99-58, 584-16-23.

"ДОМ КНИГИ"

50.00

Семенов
а. Каче
ственны
е метод
и: в...

0 020968 330032

ISBN 5-7913-0021-2

9 785791 300218